

Надежда Мамаева

СПАСТИ ДИПЛОМ, УГНАТЬ ДРАКОНА

ПРОЛОГ

Год 9861-й от подписания межрасового мирного договора

Глава отдела безопасности сидел в своем кабинете. Его седая голова с наметившейся на темени плешью склонилась над документами. В камине пламя обнимало поленья, а две сестры-луны, белые, точно начищенные серебряные тарелки, уже успели выкатиться на небо и взирали на мир с высоты.

Раздался резкий стук в дверь.

— Войдите. — Читавший оторвался от бумаг. На миг на его скулах проступил затейливый рисунок из тонких линий — признак крайнего недовольства. Но вязь тут же исчезла, уступив место выражению, присущему скорее ликам точеных каменных статуй, столь невозмутимо оно было.

Дверь распахнулась, и на пороге застыл офицер — еще совсем молодой альв с мертвенно-бледным лицом. Его щеку располосовал свежий шрам, на мундире виднелись следы крови и грязи.

— Канцлер Листат, магистр Элроу исчез. Его лаборатория взорвана, а записи уничтожены, — доложил он, сиюсь совладать с волнением.

— Подробности. И прекратить дамскую истерику, — отчеканил канцлер, вперив взгляд в офицера.

— Четверть часа назад в лаборатории магистра раздался взрыв, — стараясь говорить четко, начал альв. — Агенты наблюдения сразу же вызвали подмогу. Они не смогли прорваться через пламя. Оно явно было алхимическим. Его не удалось потушить до сих пор... — Молодой офицер сглотнул.

— Через полчаса жду полный доклад по всей форме. Свободны, — отрезал канцлер Листат, опуская руки на подлокотники кресла. А едва дверь закрылась, старый альв нахохлился, будто седой ворон, внимательно посмотрел на огонь и произнес: — Не уберегли...

И забарабанил пальцами по вычурно изогнутому подлокотнику, в то время как в его голове мысли сновали быстрее пульсаров.

Магистр Элроу накануне доложил, что его изыскания увенчались успехом. Он разработал формулу сыворотки, способной спасти сотни тысяч детей, остановить эпидемию. Остались лишь контрольные испытания и...

Открытие магистра было бесценным. Судя по всему, тот, кто организовал взрыв и уничтожил записи Элроу (и, вероятно, его самого), скоро объявит о стоимости формулы. Канцлер искренне надеялся, что объявит, иначе через сотню лет раса альвов может исчезнуть, как некогда исчезли драконы.

ГЛАВА 1

Год спустя

«Настоящая подруга — это та, которая готова вытащить тебя из любых неприятностей. Правда, при этом, скорее всего, сначала она же тебя в них и втянет», — именно так думала я, перепрыгивая лужи, которыми, словно тетрадь первоклашки кляксами, пестрела брусчатка.

Утром прошел дождь, и признаться, я ему даже слегка завидовала. Он-то никуда не спешил. Мерно прокапал, простучал по окнам и крышам, прошелестел по листве кленовых аллей и тихо удалился в предрассветный туман. А вот я, увы, такой неторопливой вольности была лишена.

Бежала. Торопилась. Боялась опоздать. Подол клетчатой юбки и белые чулки уже все были в брызгах. Туфли, закрытые, на удобном устойчивом каблуке, еще не промокли. Но чувствую, еще раз промахнусь — и в них точно захлюпает.

До портовой площади оставалось совсем немного. А времени и сил — еще меньше. В боку нещадно кололо, я хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Ну, Алекс, ну удружила! Между прочим, это к ней прибывал тот альв. Не ко мне. А сейчас, ранним утром, мчалась его встречать я.

Сказать, что за подобное я особенно рьяно «возлюбила» подругу (камедь ей в косметичку вместо пудры), — значит тактично промолчать. А я заскоками дворцового этикета не страдала и на бегу поминала ее отнюдь не добрым словом.

А все началось с того, что Алекс ни свет ни заря разбудила меня по кристаллу связи словами:

— Нари, ты должна мне помочь! — Четко и безапелляционно.

Такой она была всегда, с самого детства. Не терпела возражений. А если уж что-то вбила себе в голову... Ее капризы терпел даже отец. Хотя ему, отставному дознавателю, державшему в страхе целый департамент, и не суметь усмирить строптивый нрав одной девицы? Ан не смог. И никто не смог.

Я же никогда и не пыталась. Просто дружила с Алекс. Я смирилась с ее характером, а она — с моим, который был тоже тем еще подарком.

— Любовное зелье не сварю, а яды ты и сама неплохо готовишь, — сонно пробормотала я в кристалл, припомнив ей кексы, которые она неделю назад решила испечь.

— При чем тут зелья, Нари?! Мне помощь нужна... Встреть клоуна, который по обмену прибывает. У меня же братец вчера отправился на целый год в академию, что в землях альвов. А теперь я вроде как принимающая сторона и должна разместить у себя их студента.

В голосе Алекс клокотала злость. Интересно только, на кого: на дурня-братца, что так рвался изучить культуру не очень-то дружелюбных соседей, или на гостя, что свалился на ее голову. Хотя, скорее всего, на обоих.

С альвами у нашей империи отношения всегда были из разряда «чем шире улыбка соседа, тем большую гадость стоит ожидать». Оскалы были взаимными, как и пакости. Альвы пытались вмешиваться в наши дела, и не сказать, что совсем уж безуспешно. Агенты империи, в свою очередь, обеспечивали интересный внутривнутриполитический досуг остроухим.

Прокалывались и наши разведчики, и шпионы альвов. Их обменивали, репортеры громко освещали эти события и... Все начиналось по новой. Но несколько лет назад, когда у нас к власти пришел правящий дом рода Рохаров, избранный Советом Тысячи, отношения с альвами и вовсе покрылись ледком. Нет, о непроницаемом пограничном барьере речи еще не шло, но слово «санкции» то и дело появлялось и в газетных листках, и в новостных зеркалах.

— Встреть того ушастого, — протянула в кристалл Алекс, выдернув меня из размышлений.

— А у самой ноги не дойдут? — съехидничала я.

— Мои ноги в это же время умчат меня совсем в другую сторону. Сегодня начинается продажа

билетов на турнир по громобою!

— Так в чем проблема? Встретишь своего подселенца и иди покупать...

— Пока я с ним провожусь, ничего не останется. Трибуны с тентами за час разлетаются. А я не хочу сидеть где-нибудь на задворках.

Я помотала головой, прогоняя сон и уже понимая: не отвертеться. Заскоком этого сезона у Алекс были спортсмены. А точнее — игроки нашей сборной по громобою. Она отчего-то решила, что кто-то из шестерки сильнейших боевых магов должен стать ее парнем. Хорошо хоть сами спортсмены пока не в курсе, что один из них уже «счастливчик».

— А что мне за это будет? — принялась торговаться я.

Вместе с окончательным пробуждением во мне проснулся еще и практичный цверг. И не важно, что моя родословная до тридцатого колена — сплошь чистокровные люди. Дочерью подгорного народца я была по велению души и вопреки законам кровного родства.

— Куплю тебе билет на финальный турнир в первый ряд, — тут же жизнерадостно откликнулась Алекс.

— Угу. Уже бегу, падаю, спотыкаюсь и еще раз бегу встречать твоего альва! — Мой тон был столь же оптимистичен, как надгробная плита.

— Нари, ну чего тебе стоит? — пошла подруга на второй заход.

— Всего. И еще чуть-чуть, — не стала мелочиться я.

— Слушай, ты мне подруга или пестик от ступки?

— Пестик, — тут же согласилась я, малодушно понадеявшись, что Алекс после этого медленно, без резких движений уйдет подальше в туман и никто не пострадает.

— Если ты сходишь, я буду с тобой отрабатывать в оранжерее, — поклялась та.

«С козырей пошла», — мрачно подумала я и... согласилась. Идти одной в оранжерею отрабатывать неуд по магическим реликтам дико не хотелось. И дело не в том, что там нужно было пересаживать мандрагору, которая так и норовила цапнуть за палец. С орущими корешками я бы справилась. А вот со зрителем оранжереи эйром Гарбо... Престарелый сластолюбец так и норовил подсесть к молодой адептке и положить свою руку ей на коленку. Или ущипнуть за то место, откуда у оборотней хвост растет. А жаловаться на такого... Пробовали. Но против дяди ректора жалобы — как против дракона ковшиком с водой. Абсолютно бесполезны.

Дочерей из правящих домов, которые тоже нет-нет да и попадали на отработку в оранжерею, эйр Гарбо отчего-то не «прищипывал». Видимо, в «пасынковании» благородные аристократки, как и королевские лилии, не нуждались.

В общем, на отработку в оранжерею я попадать в одиночку отнюдь не жаждала.

— Вот умеешь ты убеждать, Алекс, у тебя прямо талант дипломата, — выдохнула я. — Когда надо встречать твоего подселенца и где?

— Спасибо, Нари, — радостно завопила подруга так, что в ушах зазвенело. И, не удержавшись, поддразнила: — А в оранжерею я и так с тобой пошла бы, без всяких просьб.

— А я и так бы твоего альва встретила, без всяких «выгодных предложений», — парировала я столь же ехидно.

— Ну ты... Ты... — задыхнулась от возмущения Алекс. — Да уж... Порою мне кажется, что я свою лучшую подругу совсем не знаю...

Лучшую? Да вообще единственную!

Алекс назвала адрес и время и тут же отключилась. А я... Я упала на подушки и, бездумно глядя в потолок, тихо произнесла:

— Тебе не кажется, Алекс, ты и вправду меня совсем не знаешь.

Рассвет еще кутался в рваные дождевые тучи, когда я покинула дом, в котором все спали. На

втором этаже похрапывал дядюшка Моррис. Неугомонные рыжие кузены-близнецы дремали на чердаке. Кузина наверняка только недавно легла в постель и сейчас старалась совершить невозможное: выспаться и не опоздать на свою демонстрацию, которая начиналась в девять утра. Матеуш — вечный повеса и дядин дальний родственник — скорее всего и вовсе не пришел ночевать.

Потому я, стараясь не шуметь, спустилась с лестницы, глянула на разбросанные вещи и усмехнулась. Дядюшка был из тех людей, которые во всем любили порядок. Несколько своеобразный, но порядок. Например, эйр Моррис всегда ставил чашку на чайный след от предыдущей чашки. Чаще всего в нашем семействе слово «убраться» было синонимом слова «исчезнуть», а не «подмести пол и протереть пыль». Потому что именно в легком бардаке дядюшке, натуре творческой, с тонкой душевной организацией, было комфортнее всего созидать.

Хотя результаты того созидания... Неподготовленный зритель с шатким здоровьем, глядя на дядюшкины скульптуры, имел все шансы стать обладателем шикарного сердечного приступа. Но это мелочи, как утверждал дядюшка, ведь главное — приобщиться к прекрасному. А здоровье... Так лекари на что? Ну, на крайний случай — некроманты.

С его точкой зрения, что удивительно, соглашались. Особенно посетители его выставок, когда лично сталкивались с творцом шедевров. Хотя, может, причиной единства мнений зрителей и автора были габариты дядюшки. Могучему телу эйра Морриса позавидовали бы и борцы-тяжеловесы.

Но сейчас глава семейства Россов спал. А я, тихонько притворив дверь, выбежала на улицу. До портовой площади было недалеко. В такую рань общественные вагончики, движимые элементами по монорельсу, еще не ходили, а ловить попутный магомобиль... Ну уж дудки. Этот альв не стоил того, чтобы тратить на него целых два форинта.

Поэтому я поправила сумку и припустила по улице. Миновала квартал Кристаллов, где царствовали журналисты и маги-искусники. Промчалась через район Голубой Ягоды, в котором находились библиотеки и парки. Скользнула взглядом по набережной. Там, с другой стороны реки, была улица Сиреневых Окон, а за ней — район Смогов, плавно перетекавший в провинциальный городок Зейн, что вплотную прилепился к столице.

Солнце уже купало первые лучи в неспешных водах Кейши, когда я, запыхавшаяся, влетела на площадь. Несмотря на ранний час, здесь былолюдно, орочно, цвергно и чуть-чуть вервольфно. Еще бы. Причаливали два небесных корабля. Сначала один ударил якорями о неровный, состоявший из выбоин и зубьев швартовый вал. Брусчатка под моими ногами дрогнула. Через пару минут грохнули якоря другого, вновь заставив задрожать мостовую. А потом раздался скрежет: железное брюхо опускающегося судна чуть задело боковое крыло уже приземлившегося.

Воздушные элементы, что вращали винты и надували паруса, убавили пыл, а затем и вовсе стихли, словно растворившись в легком утреннем ветерке, что гулял по площади.

Едва по трапу начали сходить пассажиры, я завертела головой, силясь разглядеть в толпе альва. Тщетно. Прибывшие гости столицы стаей рыбешек плыли мимо меня. Я с сомнением покосилась на листок с именем, которым размахивала. Может, имя написано неверно? Ну... С учетом того, что из всего языка альвов я знала только их алфавит и пару ругательств (благодаря приятелю-адепту с факультета высокой словесности весьма витиеватых!), это было вполне вероятно.

Время шло, толпа прибывших редела, и я начала волноваться. Неужели упустила? Повертела головой и увидела невдалеке скамейку для ожидающих. На мою удачу, та была пустой. Недолго думая я сняла туфли и белкой взлетела по подлокотнику на спинку, оказавшись выше толпы. Балансируя на выгнутом чугунном краю, который был не толще моего мизинца, я и увидела альва.

Высокий, уверенный в себе и каждом своем шаге, он... впечатлял. И напрочь не соответствовал тому образу, который я выстроила у себя в голове.

Моему воображаемому альву я уже приклеила ярлык «мальчик, где твоя юбочка». Не знаю почему. Может, потому что их раса казалась мне изнеженной, привыкшей опираться на ум, а не на силу, предпочитавшей дипломатические интриги открытому и однозначному ответу.

Глядя же на этого конкретного альва, как-то сразу вспоминалось, что он далекий потомок искусных кузнецов и воинов. И что в давние времена его раса стала заслоном между

песчаными демонами и людьми. Ведь именно остроухие победили орду, которая оставляла после себя лишь тлен и пепел.

Бронзовая кожа, широкие плечи, поджарое, словно созданное из мышц и сухожилий тело, которое не могла скрыть льняная рубашка, — на миг показалось, что передо мной ожившая статуя легионера, отлитая из металла. Только меча-акинака да шлема не хватало. Нетипичный альв. Совсем. Единственное, что соответствовало классическому образу, — острые уши, унизанные колечками.

Альв, державший на одном пальце кожаную куртку, перекинутую через плечо, резко повернул голову. Наши взгляды встретились, и я замерла.

В моей жизни лишь однажды на меня смотрели так... внимательно и остро. Настолько остро, что, казалось, шевельлись — и порежешься о невидимую, натянутую до предела тонкую нить. А потом будут боль и отчаяние.

Но то был краткий миг, а затем взгляд зеленых глаз альва скользнул ниже, на листок бумаги с именем, который я держала одной рукой у груди. В другой у меня были туфли.

Его губы дрогнули в усмешке. А в следующую секунду я покачнулась и, потеряв равновесие, полетела вниз. В голове успела промелькнуть мысль: «Гадство! Спалилась!»

Падая, весьма болезненно ударилась бедром о спинку скамейки. Приземлилась на пятую точку так, что зубы клацнули. И то ли от столкновения с брусчаткой мозги встали на место, то ли испуг прошел, но я осознала: проколоться я нигде не могла. А значит — просто показалось. Поэтому сейчас стоит взять себя в руки или хотя бы для начала подняться на ноги. И пойти встречать этого наглого альва.

В том, что остроухий — очень наглый и невероятно самоуверенный, я отчего-то не сомневалась. Я встала, отряхнула запылившуюся юбку и обулась. Все же плохая идея была снимать туфли. Но воспитание не позволило встать на скамейку в грязной обуви. Следы же останутся. А потом кто-то на них обязательно сядет и испачкается. И вот результат. Испачкалась я. Причем вся.

Одна радость — теперь я точно знала, как выглядит тот, кого нужно встретить. Я заозиралась, ища альва. Но его не было.

Зато откуда-то появились репортеры, кричавшие на все лады: «Где же он?», «Был тут...», «Я видел Варлока», — и щелкавшие затворами магографических камер. Но, судя по досадливым воплям, вхолостую.

Спустя минуту над ухом раздался вкрадчивый баритон:

— Elsta Leirin? Moruy lo Virmar Norwood, or Vir.

Я подняла взгляд и не сдержалась:

— Засада.

Через круглые стекла на меня смотрели внимательные серые глаза альва. Вот только была маленькая проблема. Это был не тот альв.

— Moruy lo Zasada?

«Ваше имя Засада?» я поняла и без словаря. Замотала головой, опровергая предположение ушастого.

— Найриша. — Я потыкала в себя пальцем для верности. А потом перевела палец на альва и спросила: — Вирмар Норвуд?

Остроухий радостно закивал. Я внутренне выдохнула и улыбнулась в ответ. Как же я рада, что подселенец Алекс — вот этот милашка в очках. И не важно, что он темный альв. Не в плане магии, нет. Просто кожа его была смуглой, словно он все лето усиленно загорал под жарким южным солнцем. Поэтому, наверное, и русые волосы казались чуть ли не пепельными.

Зато взгляд — нормальный. И на лице нет гримасы презрения. Репортеры, что стояли невдалеке, загалдели. Вирмар, покосившись на них через плечо, поправил ремень сумки и накинул на голову капюшон холщовой куртки. Та, несмотря на теплое утро, была застегнута на нем на все пуговицы.

— Значит, Вирмар, — задумчиво протянула я.

Мне еще раз радостно кивнули, подтверждая, что это так. А я критически осмотрела альва, прикидывая, как нам общаться. По идее у него должен быть амулет-переводчик. Но, судя по тому, что я ни демона не понимаю, либо сея полезная вещь у гостя просто не активирована, либо вообще отсутствует, и тогда он идиот.

Ну кто, спрашивается, сунется в чужие земли, не имея под рукой транслингвы? Правильно, только особо одаренный ушастый! «Особо одаренный» все так же продолжал стоять и скалиться, будто рекламируя клинику дантиста.

За нашей спиной кто-то из репортеров громко крикнул:

— Элвис, я его вижу! Он уходит! За мной!

И дружная журналистская братия рванула к площадке с наемными магомобилями.

— Чего это они? — скорее размышляя вслух, нежели спрашивая у альва, пробормотала я.

Блондин проследил за моим взглядом и недоуменно пожал плечами. В это время как раз отставший магограф, подхватив свою треногу с камерой, скрылся в толпе.

Непременно вечером гляну новостные листки. Любопытно, что за важная птица сегодня пожаловала в столицу. Я еще раз посмотрела на альва, думая, как решить лингвистическую проблему. А потом просто молча махнула ему рукой в жесте «следуй за мной» и устремилась сквозь толпу. Раз это подселенец Алекс, то пусть она с ним и ведет беседы, а я доставлю его до подруги, и все. Баста.

Как только мы вышли с площади, передо мной встал вопрос: все же раскошелиться на наемный магомобиль или добираться пешком? С учетом того, что Алекс жила намного дальше от площади, чем я... В общем, мне стало жаль мои ноги. Исключительно мои, а не этой белобрысой каланчи, которая пыталась сутулиться то ли из деликатности (чтобы казаться чуть ниже, потому что я — кнопка), то ли под тяжестью своей небольшой сумки.

Зазывалы-водители улыбались, размахивали руками и приглашали к себе, тут же отпугивая ценами. Может, для богатого заграничного гостя цена в пять форинтов (кстати, половина моей стипендии!) и была неувидительна, но я, прожившая в столице вот уже двенадцать лет, поразила такой наглости.

А небо над головой между тем решило внести свои коррективы. Еще когда я встречала альва на площади, голубую лазурь начали затягивать тучи. Сейчас же на нас сверху и вовсе закапал дождь. М-да, утро сегодня и так из-за звонка Алекс было отвратным, а теперь и погода на исходе лета сдуру начала строить из себя весну. Интересно, что дальше. Единственный выходной решит закосить под первый день рабочей недели? Я внимательно вгляделась в серое небо, с надеждой высматривая просветы. Но увы... Убедившись, что с двумя форинтами таки придется расстаться, я выбрала себе жертву — улыбчивого водителя рядом со стареньким магомобилем. Тот, приметив, что мы направляемся к нему, обрадовался, раскинул руки, точно увидел богатого родственника при смерти. Правда, спустя пару минут торгов он уже не улыбался, а я стала обладательницей пожелания «чтоб тебя, ведьма, демоны в преисподней полюбили» и... скидки в форинт за проезд.

Сев в магомобиль, мы помчались по улицам. Мимо квартала Брокеров и района Антикваров, по мосту через Кейшу и дальше по проспекту. А потом свернули на улицу Сломанного Клыка. Вообще-то официально она носила имя героя битвы трех империй — генерала Альрика Лорринга. Но в свое время прославленный воин носил еще и прозвище. Не столь благозвучное, зато прижившееся в народе.

Свернув с улицы Сломанного Клыка на Ясеновую, магомобиль подрулил к знакомому особняку и остановился. Заплатив по приезду ровно форинт, я уже было выбралась наружу, когда заметила, что альв, сидевший на манер складного зонтика — поджав колени к подбородку, вдруг закопошился.

— Ты чего? — спросила я и только потом сообразила: не поймет.

Но этот... аристократнутый на всю голову, не иначе, протянул водителю целый форинт со словами:

— Ona tati.

— Спасибо, — просиял водитель, из которого я четверть часа назад, по его же заверениям, выпила всю кровь. Причем торг за несчастный золотой вышел знатным.

Захотелось побиться головой о стену, но ее рядом не было. Зато имелся альв. А об него биться не хотелось. Хотелось лишь его прибить. Лопатой. По голове. А потом ею же и закопать потихому.

Утешало лишь то, что сейчас я его сдам и забуду. Причем сделаю это быстро, навсегда и с превеликим удовольствием.

Я поднялась по лестнице на крыльцо и уверенно вдавила латунную кнопку звонка. Из-за резной дубовой двери раздалась мелодичная трель. Но едва она смолкла, наступила тишина. Я переступила с ноги на ногу. Глянула через плечо на альва, который с любопытством изучал кусты роз на клумбе.

Почему никто не открывает?! Демон! Сегодня же выходной! Значит, экономка, что служила в семье Алекс, наверняка ушла. А горничная и кухарка приходят в дом Лейринов лишь в первый, третий и пятый день недели. Стало быть, слуг в престижном особняке, который располагался на столь же престижной Ясеновой улице, сейчас нет.

Я с маниакальным упорством нажала еще раз на дверной звонок. Результат — ноль целых фиг десятых.

С силой ударила костяшками о дверь. Может, хоть так услышат? Но ни эйр Лейрин, ни эйра Лейрин, ни Алекс не поспешили к двери.

Я запустила руку в сумку, нашарила кристалл связи и подвесила его перед собой на нити. Раскрутила его на манер веретена, отсчитывая обороты. Пять по часовой стрелке, потом остановить. Затем три против часовой.

Отсчитав нужное число оборотов, я приготовилась ждать. По овальному кристаллу пробежали всполохи зеленого цвета, подтверждая, что связь установлена. Наконец переговорник вспыхнул чуть сильнее, и на расстоянии ладони от кристалла в воздухе появилось миниатюрное изображение лица Алекс. Почему-то с раздутой щекой и на фоне вывески «Утоли мои печали. Врачевальня эйра Мора».

— Что случилось? — удивилась я, разглядывая подругу, которая была сама на себя не похожа.

Жгучая брюнетка Алекс всегда выглядела как актриса, только что сошедшая с подиума. Прическа, макияж, высокие каблуки и модная одежда. А еще — тонна высокомерия и снобизма для всех, кто не входил в ее ближний круг. Она гордилась в этой жизни тремя вещами: своей красотой, своими деньгами и своей родословной. И не сказать, что совсем уж безосновательно.

На фоне Алекс я была тенью... В свое время поэтому я предпочла дружбу именно с ней. Как говорится, лучше всего темные пятна прятать на солнце. В моем случае — рядом с ним. С Алекс, которая всегда сияла и ослепляла.

Я мысленно вернулась туда, на двенадцать лет назад.

Дядюшка Моррис не был мне родным. Скажу даже больше: двенадцать лет назад он и представить себе не мог, что у него появится приемная племянница, но... Однажды утром на его пороге нарисовалась девчушка лет десяти. Две светлые косички, невысокий рост и линялое платье — такой меня впервые увидел эйр Росс.

— Моррис Росс? — произнесла я вместо приветствия трясущимися губами.

Могучий мужчина озадаченно кивнул, уставившись на меня. А я... Я юркнула мимо него и помчалась вглубь дома под возмущенный вопль.

Входная дверь с грохотом захлопнулась, и за спиной послышались шаги. Меня же в тот момент вовсе не волновало, что подумает, скажет или сделает хозяин дома. Главное, что в гостиной, куда я вбежала, не было никого.

Я засунула два пальца в рот, вызывая рвоту. Меня стошнило прямо на ковер. Как раз под ноги Моррису. Он уже набрал воздуха в грудь, чтобы наверняка разразиться гневной тирадой, когда увидел, как я проворно наклонилась и выудила из жидкой слизи знак. Кристалл размером с горошину, оплетенный паутиной серебряных нитей.

— Что с Эбигейл? — были единственные слова Морриса, который в один миг стал белым как полотно.

— Мама умерла. — Я сглотнула горечь, которая разливалась во рту. С силой сжала кулаки, так что на коже отпечатались полумесяцы ногтей, и добавила: — Она сказала, что вы поможете.

Дядя Моррис действительно помог. Он принял меня в свою семью, дал свою фамилию, никому и словом не обмолвившись, что я чужая. Для всех, даже домочадцев, я была дочерью его старшей сестры, когда-то уехавшей чуть ли не на побережье Северного моря. Племянницей. И точка.

О том, что было до этого, я помню смутно. Знаю точно лишь одно: мама умерла от банальной красной гнили. Эта болезнь убивала магов за считанные часы. Мне тогда повезло, что я не шагнула в мир отражений, не успела еще поймать свой дар и была обычным человеком.

Стучась в закрытую дверь двенадцать лет назад, я не знала, что связывало мою маму и Морриса. Лишь спустя время изрядно пьяный дядя обмолвился, что еще, будучи студентом, полюбил Эби больше жизни, но она лишь позволила ее любить.

Вот так и вскрылось, что я — дочь его бывшей любовницы и во мне не текло ни капли крови Морриса.

Но дядя был удивительным человеком: талантливым, чудаковатым, вспыльчивым, но отходчивым. А еще добрым и бескорыстным. Именно этим в свое время и воспользовались четыре его бывшие жены. Первая, уйдя от Морриса, оставила ему близнецов Чейза и Генри — пепельных блондинов с ангельской внешностью и дьявольским характером. Вторая — общую дочку Тайти. Малышке тогда не было и года. Третья супруга ничего не оставила, зато прихватила все накопления Морриса. А их, между прочим, хватило бы на целый домик в квартале Брокеров.

Четвертая... Думаю, четвертая жена просто решила не нарушать сложившихся в семействе Россов традиций и, уходя, громко хлопнула дверью, оставив в доме дяди... свое фамильное привидение. К слову, последнее было жутко против такого произвола, но вогнанная в косяк заговоренная щепка, к которой и был заякорен призрак, не дала полупрозрачному последовать за своей беспутной праправнучкой.

Слова Алекс выдернули меня из воспоминаний.

— Случилось то, что мне какая-то мозглячка умудрилась вывихнуть челюсть. Сейчас я с мамой в лечебнице, а жандарм оформляет на меня протокол: та девица оказалась дочкой какой-то шишки и потребовала, чтобы завели дело.

— Жандарм что, смертник, чтобы дело заводить? — искренне удивилась я. Отец Алекс был главой отдела имперской безопасности. — К тому же вроде бы как тебе положено жаловаться, ты же пострадавшая!

Логика происходящего ускользала от меня, а сачка, чтобы ее поймать, под рукой не имелось.

— Ну, я ее тоже слегка... потрепала, — фыркнула Алекс и тут же скривилась от боли в недавно залеченной челюсти.

М-да... «Слегка» в исполнении Алекс могло означать все что угодно. Так что я даже прикинула, кто «пострадавшей дочке какой-то шишки» сейчас нужнее: лекарь или некромант.

— Зато я два билета достала на всю серию игр. Центральная трибуна. Лучшие места. Сражения будут видны как на ладони.

Нет, Алекс, по-моему, даже могильная плита не исправит. Она из-под нее самовыкопается и дальше попрет к намеченной цели, даже не заметив, что стала трупом.

— А когда ты своего альва забирать будешь?

— Ой-е! Дохлый гоблин! — скривилась подруга. А потом на ее лице появилось столь невинное и трогательное выражение, что стало ясно: сейчас будут просьбы или капризы. Возможно, даже ультиматум. Я не ошиблась. Алекс протянула: — Нари, возьми его к себе, а? Ну чего тебе стоит? Лекарь сказал, что нужно еще несколько заклинаний наложить и два компресса, чтобы к вечеру у меня на лице следов не осталось. Я тут точно еще долго проторчу.

Тот, кого подруга сейчас пристраивала ко мне на передержку, оторвался от созерцания

клумбы и заинтересованно уставился на меня.

Да уж... За нашу многолетнюю дружбу Алекс оставляла у меня «на время, пока мама не перестанет истерить» котенка (горной саблезубой кошки), щенков (волкодава), ночную гарпию с наклонностями самоубийцы и кучу всего по мелочи. И каждый раз это сопровождалось фразой: «Только на один вечер, пока я все улажу...» К слову, свое обещание она держала и забирала зверье. Правда, часто не на следующий день, а через неделю-другую. Но забирала же. Но вот альв на передержке... Такое точно впервые.

— Пристрой его у себя пока, хорошо? — умоляюще сложила ладошки Алекс.

— Но только до вечера, — твердо заявила я.

— Обещаю, — тут же просияла она. Ну-ну. Так я ей и поверила. — Нари, ты чудо.

— Я не чудо, а доверчивая и мягкая, а ты этим пользуешься, — возразила я из чувства противоречия.

— Ага, — довольно заявила Алекс. — Только твоей мягкостью алмазы колоть можно. Уж я-то знаю. — И на этом оптимистичном заявлении Алекс отключилась.

Что ж... Сегодняшний выходной показал мне не совсем приличный жест. А я так хотела сходить в парк, подышать ароматом свежего кофе и умопомрачительным запахом только что испеченных булочек с корицей... Я вздохнула и махнула рукой альву, который так и стоял рядом с клумбами.

— Пошли.

Удостоилась недоуменного взгляда и кивка на дверь. Ну вот как ему сказать, что нам здесь рады, но чуть-чуть попозже?

Хотя... Этот Вирмар наверняка же думает, что я и есть та, у которой он должен поселиться. И с его точки зрения, я веду себя весьма странно. Привезла. Стучалась в собственную дверь, потом звонила какой-то девице и под конец развернулась, чтобы топать куда-то дальше. Но с другой стороны — его проблемы. Озаботился бы переговорником, а не таращился на меня, как дятел на железное дерево.

Я бочком еле-еле протиснулась мимо озадаченного альва. Мало того что высокий, паразит, так еще ни разу не компактный: занял собой почти всю ширину дорожки, что вела от тротуара к крыльцу дома.

Обогнув Вира, я неспешно двинулась вниз по улице. Махнула рукой, приглашая за собой.

Альв, с недоумением оглянувшись на дом, все же пошел за мной следом. Спустя час, пять кварталов, сломанный каблук и три пожелания водителям сбить в спокойную лунную ночь рядом с погостом упыря (ибо штраф за причинение вреда последнему — максимальный из возможных) мы добрались до моего дома.

По сравнению с резиденцией Алекс, двухэтажный домишко, поделенный между пятью семьями, смотрелся халупой. Двор был всего несколько ярдов шириной. Обшарпанное крыльцо, давно не крашенная дверь... Да, дядя был известным скульптором, но, увы, талантом счетовода небеса его обделили. Потому у нас частенько чередовались периоды «деликатесы из ресторации» и «окажите гуманитарную помощь корочкой хлеба».

Альв, посмотрев на потрескавшуюся штукатурку на стене, на подштанники и нижние юбки, гордо реявшие на веревке в соседнем дворике, на выглянувшее в окно фамильное привидение, как-то слегка приуныл.

Я кивнула на дом и сама подала пример, уверенно устремившись ко входу. Вот только и тут удача показала мне дулю. Дверь была заперта. Но если у двери Алекс я деликатно жала на звонок, то здесь...

Развернулась и что есть силы ударила несколько раз пяткой в дверь. Раздался характерный звук и... В общем, мои почти новенькие туфли стали одинаковыми: обе со сломанными каблуками. Впрочем, расстраиваться по этому поводу времени не было, я проворно отскочила в сторону. Как раз вовремя. Поскольку именно на то место, где я секунду назад яростно пыталась дозваться домашних, выплеснулась вода.

— Убирайтесь прочь! — донесся следом из окна второго этажа фальцет кухни Тай. — А то я

жандармов вызову! Вам же сказали, что эйр Матеуш еще утром уехал из города!

А потом в окне возникло и лицо двоюродной сестрички.

— Ой, Нари, это ты! А я думала, к Матеушу опять та ненормальная вернулась... — виновато протянула она.

Дальний родственник дяди Морриса Матеуш был заядлым холостяком и дамским угодником, не чураящимся подарков от своих пассий. Одним из презентов был наглый рыжий кот, имевший такую родословную, которой позавидовали бы многие аристократы. От этого и шли все беды: наш порог регулярно обивали кошатницы даже не с просьбой, а с требованием ночи любви. Хорошо еще, что для своих питомцев. Вот и сегодня, судя по всему, утром к нам ломилась одна такая.

Проблема таких нежелательных визитов, как по мне, решалась весьма просто, одним движением скальпеля. Но Матеуш и слышать не хотел о кастрации своего любимца, а мужская часть нашего семейства отчего-то была с ним солидарна, проявив завидное единодушие. В итоге по весне мы слушали по вечерам рев наглой рыжей морды, а по утрам — вой и стуки кошатниц под окнами.

Между тем из недр дома раздался дробный стук, затем в замке проскрежетал ключ, и, наконец, дверь открылась. На пороге стояла младшенькая. Я усмехнулась, бросив взгляд на сестричку, облаченную в ярко-розовое платье, которое было украшено рисунками из черепов.

Двух более разных по внешности «кузин», чем мы с ней, трудно было найти. Тай, яркая брюнетка, расцелованная солнцем до бронзы, с уже начавшими проявляться округлыми формами, была порою сама непосредственность. Несмотря на то что нас разделяла разница в семь лет, по росту мы с ней давно сровнялись.

Я же, светловолосая, сероглазая, тощая, как щепка, пряталась в мешковатых платьях. Вот только характер, увы, под нарядом скрыть было тяжело. И если для большинства я была тихой серой мышкой, то домочадцы знали, что в моем случае внешность не просто умалчивает и слегка обманывает. Она нагло врет прямо в глаза.

Младшенькая вдруг переменилась в лице, вытаращившись куда-то за мою спину.

— А это альв, — вспомнила я. — Он у нас временно побудет, пока Алекс его не заберет, — пояснила я и спросила у Тайти: — Слушай, а ты, случаем, не знаешь, как на дивном языке будет «проходите, располагайтесь»? А то я в академии наречие цвергов изучала...

— Сейчас узнаю. — Тай развернулась и помчалась по лестнице с криком: — Генри, просыпайся! А если не встанешь, я сама тебя подниму! — Юная некромантка, недавно поймавшая свой дар, выражалась отнюдь не фигурально. — Мне срочно у тебя нужно кое-что спросить...

Так и не узнав, как будет звучать перевод приглашения, я просто повернулась к альву, раскинула руки в стороны и продекламировала:

— Добро пожаловать в дурдом. Тебе здесь не рады, но куда деваться.

Ну а какая разница, что говорить, если тебя все равно не понимают? Главное, делать это с чувством. Я делала это с очень большим чувством. Так, что альв разулыбался мне в ответ.

Солнце, шпионом прошмыгнувшее в гостиную, запуталось в кружеве занавесок, отразившись от пепельно-русой макушки гостя. В этот момент Вир показался мне даже симпатичным. Несмотря на заостренные уши, вязь рисунка на скулах и вообще всю свою альвовость.

Он с интересом разглядывал маленькую комнатку. А потом его взгляд остановился в углу. Там, где стояла одна из дядиных статуй. Я на миг замерла, лихорадочно вспоминая, где у нас лежит успокоительная настойка и что я знаю об оказании первой психологической помощи альвам. Поскольку скульптурное изображение «единорог, пронзающий рогом деву, у которой вместо ног были паучьи лапы, а вместо рук — щупальца осьминога» пугало до дрожи и бывалых гостей.

Особенно когда те заявлялись с визитом посреди ночи и натыкались взглядом на композицию, подсвеченную нашим привидением. Йоко, призрак, доставшийся в наследство от четвертой жены, при жизни был троллем, не иначе. Ибо только у этой расы специфическое чувство юмора. Посему гипсовые монстры не просто тускло мерцали мертвенным светом. Нет. Тени за ними еще двигались, отчего конь с девушкой оживали. Хотя, признаю, в этом был и свой плюс:

Йоко таким образом излечил с дюжину дядиных друзей от пагубной страсти к спиртному. Правда, взамен те обзавелись новой — к успокоительным пилюлям. А еще нервным тиком и ранней сединой. Некоторые даже женились с перепугу, но главное — пить же перестали!

Я быстро оценила обстановку, прикинула рост альва и отодвинула стул, чтоб при падении не расшиб голову.

— Можешь кричать, — милостиво разрешила я. — И падать.

Но... время шло, а звука не было. Хотя нет, вру. Был. Восхищенный вздох.

— Eir Ross? — с каким-то недоверием и даже... благоговением протянул Вир, произнося имя дяди на иностранный манер: смягчая первую гласную и усиленно, как змея, шипя удвоенное окончание.

Я печально кивнула.

Тут на лестнице послышались шаги. Уверенно, как буйвол, стремящийся на водопой, топала Тайти. А следом за ней, неохотно переставляя длинные ноги, тащился сонный Генри.

Спустя несколько секунд эти двое оказались в гостиной. Младший близнец отчаянно зевал, был помят и имел впечатляющий засос на шее. Но Тай это ничуть не смутило. Она ударила его по спине, словно выбивала пыльный коврик, изгоняя из одного грязь, а заодно и моль... в смысле, зевоту. А потом с гордостью объявила:

— Генри, переводи!

Все взгляды сошлись на близнеце. Мой — недоуменный, поскольку я прекрасно знала, что оба близнеца-кузена в языке альвов сильны так же, как я в езде на драконах. Тай — полный надежды. Вир — заинтересованный.

ГЛАВА 2

Только что разбуженный блондин обвел нас взглядом закоренелого зомби и хриплым спросонья голосом спросил у младшенькой:

— Тай, ну почему я? Неужели с утра пораньше нельзя было помучить других? Чейза, например?

— Нет. — Кузина отрицательно замотала головой, отчего ее темные кудряшки стали напоминать беснующиеся пружинки. — Я уже выбрала тебя.

— Ы-ы-ы, — взвыл близнец от выверта девичьей логики.

— К тому же ты вчера бегал на свидание к Крунхельм, а эта дриада почти не говорит на едином имперском, так что у тебя наверняка есть переводчик...

— Для того, чем мы занимались, знать язык не обяз... — фыркнул Генри и осекся, проглотив окончание. Потом разозлился то ли на себя, то ли на пронырливую младшенькую. Махнул рукой и стащил с шеи шнурок, на котором болталась пластина. — Держи, пиявка!

— Не пиявка, а будущая некромантка, — возразила Тай, чтобы оставить последнее слово за собой, и величественно удалилась на второй этаж.

А я, глядя на младшенькую, начала понимать, как некроманты поднимают трупы из могил. Они просто умеют достать до печенок даже мертвых. Поэтому погребенные восстают из склепов хотя бы ради того, чтобы от них наконец-то отстали.

Впрочем, размышления не помешали мне забрать у близнеца подвешенную на шнурке бирюльку.

— Генри, ты герой и спаситель. И вообще мой добрый фей!

Кузен от такой похвалы скривился.

— Знаешь, Нар, говорить комплименты — явно не твое. Давай уж по старинке — искренние гадости. А еще лучше молчи.

— Знаешь, Генри, порою молчать очень вредно для жизни и здоровья, — в точности скопировав тон кузена, ответила я. — Ведь можно столько намолчать, что потом рот будет открыт опасно. Так что смирись. Сегодня ты мое чудо!

Чудо, злое, всклокоченное, утопало наверх досыпать, бросив на прощанье, что вечером заберет амулет. И не приведи двуединая сила, если с тем что-нибудь случится.

Я усмехнулась и протянула пластину альву, который весь разговор вертел головой, силясь понять: что такое вообще происходит?

На моей раскрытой ладони поблескивал переговорник, но гость отчего-то не спешил его принять. Нет, я, конечно, могла и сама примерить амулет. Но лучше, чтобы Вира понимали все вокруг, а не одна я.

Я чуть вытянула ладонь вперед, поясняя для одного непонятливого, что переговорник теперь его. Именно в этот момент альв протянул свою руку. Кожа скользнула по коже, и его пальцы оказались на моем запястье, на долю секунды обхватив его на удивление крепко и... нежно.

Всего мгновение, и Вир убрал руку, словно и не прикасался ко мне. Но ощущение, что его прохладные чуткие пальцы все еще на моем запястье, осталось. И долго не исчезало.

Вир между тем забрал переговорник, надел его на шею и, подержав в руке, согрел своим теплом, активируя.

— Спа-си-бо... — первое, что я услышала от Вира на едином имперском. Звучание было такое, словно шестеренки скрипели. Но этим все недорогие переговорные амулеты грешат.

— Не обольщайся. Кузен дал его тебе до вечера. Так что советую обзавестись до захода солнца своим.

— У... меня... был, — делая паузы между словами, чтобы амулет мог перевести, произнес альв. — Он... сломался... при... посадке.

Вир проворно начал рыться в своей сумке и спустя минуту извлек из нее пластинку. Вернее, то, что от нее осталось. В отличие от переговорника Генри у остроухого тот был в виде хрустальной пластинки, а значит, и речь воспроизводить должен был лучше. Но этого я уже не узнаю.

— Может быть, чаю с бутербродами? — поинтересовалась я.

А что, с набитым ртом мужчина переносит новости лучше, а возражает меньше.

— Не отказался бы, — просиял гость.

Я устремилась на кухню, искренне надеясь, что у нас найдется чем перекусить. Увы. Из «чем перекусить» в наличии оказался лишь кусок медного провода, невесть кем и зачем оставленный в холодильном ларе.

Зато под столом гордо стояли несколько пустых бутылок дядиного вдохновения. Я с запозданием вспомнила, что вчера у нас были гости. То ли декораторы, то ли художники... А какой художник без пол-лит... хм... палитры. Ну вот, судя по всему, гости и раскрасили свою жизнь как могли. А заодно сожрали все. Даже горчицу и чеснок. И заварку. Заварки было особенно жалко.

Оторвав взгляд от созерцания проволоки, я развернулась к альву и проникновенно спросила:

— Вир, а как насчет того, чтобы перед чаем познакомиться с нашими человеческими традициями?

— Я был бы рад, — белозубо улыбнулся альв, не ожидая подвоха.

— Первая наша традиция — поход на рынок! — И с этими словами я торжественно вручила ему корзину. Думаю, последнего форинта в моем кошельке как раз должно хватить на продукты.

Вир улыбнулся уже как-то неуверенно. Когда мы вернулись в гостиную, альв спросил, откуда в нашем доме скульптура самого Морриса Росса.

— Мне она тоже не нравится, — прищурилась я, а потом спросила с надеждой: — А можно тебя попросить ее разбить. А?

— Зачем? — не понял альв.

— Просто я и остальные домочадцы дали дяде клятву, что и пальцем ее не тронем. Даже привидение дало. И друзья кузенов. И мои подруги, — добавила я, вспомнив, как Алекс пару лет назад, когда единорог и дева появились в нашем доме, попыталась мне «помочь» и была застукана творцом. — Признаться, мы все ее терпеть не можем. Но и нарушить клятвы — тоже. А вот если какой-нибудь гость... ну чисто случайно... столкнет ее с постамента... — тонко намекнула я.

Увы. Мне попался очень недогадливый альв. Вот совсем.

— Зачем? — изумленно спросил он. — Ведь статуя наверняка стоит немалых денег.

— Шесть медяшек, — отчеканила я и, поймав изумленный взгляд серых глаз, пояснила: — Ровно во столько обошелся мешок гипса, который дядя и угрохал на скульптуру. А ведь мы им хотели дыру в стене замазать.

— Дядей? — по-вороньи склонив голову, уточнил альв.

— Гипсом, — фыркнула я, ища среди обуви замену туфлям, которые сегодня остались без каблучков.

Глянула на шеренгу обуви и поняла: никудышная я эйра. Ведь приличные девушки обычно озабочены вопросом «что надеть», а я же — «что спереть». На моих сапогах подметки тоже просили каши, а шлепать в розовых домашних тапочках по улице я была еще морально не готова. Потому после недолгой переключки с Тай, с которой у нас почти один размер, я взяла модные черные босоножки кузины.

Спустя полчаса весьма пожалела о розовых тапочках: обувь Тай оказалась все же великовата и нещадно натирала. Но я мужественно ковыляла к рынку. Альв шел за мной и, могла поспорить на свою любимую реторту, усмехался.

На полпути Вир обогнал меня и, поправив очки, совершенно вульгарно, не по-альвовски, ткнул пальцем в здание мэрии:

— А что означает этот герб?

Я глянула на городскую «гордость позора» и просветила гостя столицы, что означает та неведомая дребедень с отгрызанной головой в зубах.

Пять веков назад, когда у власти был дом Нотринов, границы резко расширились. И, дабы укрепить рубежи, было принято решение перенести столицу южнее. Ею и стал наш город. Вот тогда-то с гербом города и случилась неприятность. Изначально на нем изображался барс, державший в зубах хорька. На местном диалекте «барс» звучал как «бабр». В то время на должность главного геральдика империи пришел граф Эргольцер, к слову, цверг, который решил провести реформу и наследить... хм... оставить свой след в истории: исправить накопившиеся геральдические казусы.

Первой же ошибкой стало описание нашего герба. Граф, не ведавший диалекта, посчитал слово «бабр» ошибкой писаря и ничтоже сумняшеся исправил в свитке на «бобр». И вышло: «бегущего черного бобра, держащего в зубах хоря». В таком виде указ и утвердили. А художники, видимо, близкие моему дяде по духу, даже не удивились хищному бобру. В итоге барсу был пририсован хвост бобра и лапы с перепонками. А хорь сменился харей, точнее — оттяпанной головой. Со временем горожане свыклись с гербом и уже никого (кроме приезжего альва) не смущал вид укуренного барсобобра-людоеда.

— Ты шутишь? — не поверил Вир. Он даже обогнал меня и развернулся спиной вперед, чтобы смотреть мне прямо в лицо.

— Исторически достоверный факт. Зуб даю.

— Свой? — тут же уточнил этот зануда.

— Слушай, ты дотошный прямо как дознаватель, — прищурилась я, делая по инерции шаг вперед.

Альву же именно в этот момент приспичило затормозить. Отчего я врезалась в мужскую грудь, оказавшуюся на удивление твердой.

Назад мы оба отступили одновременно.

— Ты чего? — Я удивленно вскинула голову.

— Извини, засмотрелся на герб, — хитро улыбнулся Вир и кивнул на здание мэрии, оставшееся позади.

Я оглянулась. А когда повернула голову обратно, остроухий уже успел очутиться рядом, едва ли не под локоток меня держал.

— Пойдем? — спросил он.

— Пойдем, — согласилась я, печенкой чуя, что сейчас меня виртуозно провели. Вот только в чем? Ошибиться я не могла: слишком часто сама проворачивала подобное.

До рынка добрались бы гораздо быстрее, если бы не демонские босоножки Тай. Но когда мы оказались в торговых рядах, о боли в ногах я забыла. Не иначе сработал безусловный женский рефлекс: когда речь заходит о покупках, то о такой мелочи, как стертые пятки, не вспоминаешь.

Рыночная площадь столичного Эйла была местом примечательным. О ней ходило много легенд. Едва ли не больше, чем обо всех иных достопримечательностях города, вместе взятых. А уж купить тут можно было абсолютно все. От пучка петрушки до контрабандного звездного порошка. Подозреваю, что если хорошо поискать, здесь можно было даже коготь дракона достать. Главное — знать места и тарийский язык.

Но сегодня все было намного проще: купить продуктов. Вот только отчего-то между торговых рядов было столь мало покупателей, что даже рождалось подспудное чувство вины. Торговцы так старательно нахваливали свой товар, так призывно взирали на нас... В общем, делали все, чтобы мне хотелось купить именно у них и побольше, побольше.

Я взяла капусту (давно хотела сварить суп-капустник), зелени (полезно и опять же недорого),

помидоров (они сейчас, на исходе лета, самые вкусные), репы (сама не знаю зачем, под руку попала), яблок (компот из них — моя слабость), грибочков (зажарю — м-м-м). Потом нос учуял запах свежего хлеба. Еще вспомнила, что дома нет даже соли. Добавила в корзину и ее. Не смогла удержаться от кусочка сыра и кругляша колбаски. Фунт парной телятины, услужливо завернутый торговцем в пергамент, и вовсе оказался среди покупок словно сам по себе.

Вир мужественно тащил за мной доверху наполненную корзину и молчал. Последнее особо ценно. С Генри или Чейзом уже через десять минут уши в трубочку начинали сворачиваться. «Давай быстрее», «ну, пошли уже», «чего ты так копаешься...» — близнецы брюзжали, как старики. Причем одинаково. Несмотря на то что я с ними за продуктами ходила по очереди.

Слушая стенания Чейза и Генри, хотелось плюнуть на этих «принцесс», отобрать корзину и тащить ее самой. Но я всегда молчала. Из принципа. Ну а что? Если страдать, то всем и сразу. Мне — от причитаний кузенов, им — от тяжести ноши.

Альв безропотно нес корзину, весившую изрядно, но по его виду было незаметно, чтобы он вообще напрягался. Мы вышли из торговых рядов с другой стороны рынка, как раз у фонтана «Последний дракон». Я заспешила к бортику, чтобы на нем передохнуть. Вылетевший шальным пульсаром из-за угла прохожий со всей дури врезался в меня, я взмахнула руками, теряя равновесие.

Мир крутанулся, колено впечаталось в брусчатку, и я, летя навстречу мостовой, уже приготовилась ощутить, как нос и щеку обожжет боль. Но нет. Мое лицо застыло в нескольких дюймах над грязным камнем.

Вир успел в последний момент схватить меня за платье. И только я выдохнула, как ткань затрещала.

Мостовую я все же поцеловала. Правда, падение вышло мягким. А страдания были преимущественно моральными: мое лучшее платье!

— Ты как? — участливо поинтересовались сверху.

— Жива, — предельно честно ответила я, одновременно пытаюсь оценить, насколько невреждена.

Я уперла руки в мостовую и обернулась. Снизу обзор получался так себе, но я все же узрела Вира, который в одной руке держал лоскут от моего платья, а в другой — корзину... Хозяйственный какой!

Альв тут же спрятал лоскут в карман и попытался сделать вид, что вовсе ничего и не было. То бишь нацепил на себя абсолютно невозмутимое выражение лица и галантно протянул руку, помогая подняться.

Я от помощи не отказалась. Впрочем, едва распрямилась, охнула от боли. К стертым ногам добавилась сбита коленка, которая немилосердно саднила.

И тут я почувствовала, как сильные руки подхватили меня и пронесли злополучные, оставшиеся пару ярдов до бортика. Причем корзина легко болталась рядом со мной на сгибе локтя альва.

Меня посадили на мраморный край чаши фонтана, в которой лазурью переливалась вода, играя бликами на солнце. А по кругу, у самого подножия статуи крылатого ящера, плясали языки пламени. Красиво, величественно и, на мой взгляд, слишком монументально. Дракон был высотой с трехэтажный дом. Да и места сам фонтан занимал изрядно.

— Демоновы босоножки... — тихо буркнула я. — Еще и ноги стерла.

Но, как оказалось, недостаточно тихо. Вир услышал.

— Так зачем ты надела их? — удивился он и поспешно добавил: — Ты в них, конечно, красивая, и они тебе идут, но зачем так истязать себя?

«Красивая», «идут». Как альв, однако, тонко намекнул, что я недалекого ума. Вот только знал бы он, что это не ради красоты, а потому как банально другой пары не было.

Я секунду колебалась: сказать правду или сохранить гордость. Но... Если он еще не понял, то все равно скоро поймет, что с финансами у нас туговато. Несмотря на известную во всей

империи фамилию. Посему не стала тянуть кота за подробности, а призналась.

— Сними их... — В голосе Вира прорезались требовательные нотки.

Разуваться сразу расхотелось. Вот прямо совсем.

— Зачем? — подозрительно уточнила я, на всякий случай поджимая ноги.

— Помогу, — как глупому ребенку пояснил альв.

— Ты лекарь? — насторожилась я. Для своих пациентов нерадивый адепт-лекарь порою опаснее некроманта.

— Нет, я алхимик. Но кое-что в лечении понимаю.

Своему собрату по цеху я доверяла еще меньше, чем недоучке-лекарю. Потому как точно знала: хороший алхимик-целитель — еще более редкое явление, чем невинная дева в портовом борделе.

Судя по всему, на моем лице крупными литерами было начертано решительное «нет», потому как Вир больше просить не стал. А перешел к шантажу.

— Нари! Или ты сейчас снимешь босоножки и дашь вылечить твое колено и ступни, или я понесу тебя обратно на руках.

Я представила, как лечу на брусчатку второй раз, уже с рук альва, а он падает сверху вместе с корзиной, и нервно икнула.

— А может, ты просто дашь мне немного посидеть, отдохнуть? И мы пойдем дальше.

— Идти и смотреть, как ты хромаешь, мне не позволит совесть.

У-у-у, совестливый какой! Тролля с дубиной на него нет.

— Смотри в другую сторону! И не мешай мне страдать.

— Ну, если это твой окончательный ответ... — протянул альв.

Я поспешно кивнула. Дома меня ждала заживляющая настойка собственного приготовления, которая за какой-то час залечит и не такие ссадины. Так что...

Додумать я не успела. Меня подхватили под колени и попытались оторвать от бортика, в который я мгновенно вцепилась руками. Вместе с мраморной плитой поднять меня оказалось проблематично.

— Нари... — предостерегающе начал альв.

— Да? — невинно спросила я.

— Ты всегда в штыки воспринимаешь любую попытку тебе помочь?

— Нет, — честно призналась я. — Иногда штыков недостаточно. Приходится использовать пульсар.

После такого заявления меня вернули обратно на место.

Альв сел рядом. Поставил на мостовую корзину. И внимательно посмотрел на меня. Слишком внимательно. Настолько, что я почувствовала себя неудобно. Потом занервничала.

— Что? — не выдержала я спустя минуту.

— Ищу к тебе индивидуальный подход, — слишком серьезно, чтобы это было шуткой, заявил Вир.

— Лучше обойди сразу, — посоветовала я.

— Давай я все же помогу, — не отступал альв. — Чего ты теряешь?

— Разве что ноги, — парировала я.

— Мне поклясться, что этого не случится?

— Не мешало бы. — Если он думал, что я отмахнусь от такого предложения, то ошибся.

Но вот на что я никак не рассчитывала, так на то, что этот... «благороднущий» и вправду станет клясться.

Однако после такого поступка мне все же пришлось подставить коленку и ступни «лекарю».

Он прикоснулся осторожно, едва ощутимо. Из-под пальцев алья появилось свечение, и ссадину на колене окутало теплом. Пальцы Вира скользнули к пятке, и я почувствовала легкий зуд. Значит, ссадина затягивалась. А спустя минуту и этого не осталось. Вот только Вир не спешил убирать руку. Все так же сидел на корточках. А когда он вскинул голову... Это был странный взгляд. Задумчивый и печальный.

Алья чуть склонил голову. Его губы тронула улыбка, но не ослепительная, как прежде.

Я сглотнула, поерзала на бортике. Кожа на моем колене под пальцами алья будто обрела особую чувствительность, ощущая легчайшее дуновение ветра... Касание его пальцев...

Солнце отражалось от русской головы, целовало лицо Вира. И мне вдруг захотелось прикоснуться к нему. Узнать, жесткие или мягкие его волосы на ощупь.

Я даже мотнула головой, пытаясь изгнать оттуда такую странную мысль. Полуобернулась к фонтану, ища поддержки у каменного дракона.

Считалось, что статую установили в незапамятные времена, когда Эйл не только не был столицей, но даже не принадлежал империи. По преданию, именно в этих землях была знаменитая долина драконов. Но то по преданию.

А вот судя по фактам, тысячелетие назад наша армия отвоевала земли у вампиров. И статуя дракона здесь уже стояла. Хотя без фонтана. Ее пытались снести, убрать, передвинуть. Но потом подсчитали затраты и решили, что окружить ее фонтаном будет дешевле.

Зато спустя столетия это место стало самым популярным у влюбленных. Тут назначались свидания, признавались в любви, клялись в верности...

— Интересно, эта статуя в настоящую величину? — чтобы хоть чем-то заполнить повисшую неловкую паузу, произнесла я.

— Не думаю. Взрослые драконы больше.

— Откуда знаешь? — удивилась я.

— Три года изучал усиленный курс драконологии. — Вир встал и теперь нависал надо мной в полный рост.

— А в нашем университете даже предмета такого нет, — произнесла я, опустив пальцы в воду, которая оказалась не то что прохладной, ледяной. Я быстро отдернула руку.

— Знаю. Но мне, как алхимику, это не столь важно.

— Значит, коллеги, — улыбнулась я. — Я в этом году оканчиваю университет.

— Какое совпадение. Я тоже. Так что вполне возможно, что мы окажемся в одной группе... — На меня посмотрели с хитринкой.

— А зачем ты вообще решил на учебу по обмену? Да еще и на пятом курсе, когда маячит защита диплома? — с любопытством спросила я.

Оказалось, что алья мечтал о международном дипломе и возможности практиковать не только в землях перворожденных. Но, увы, для выпускников его родной академии то была непозволительная роскошь.

— А ты, я смотрю, амбициозен.

— Амбиции могут сдвинуть такие горы, о каких ум и талант не смеют даже и мечтать, — подначил меня алья.

— А еще скромн...

— Я рад, что ты оценила, — усмехнулся Вир, снял с себя куртку и накинул мне на плечи.

— Я не замерзла, — попыталась я возразить.

— Но у тебя сзади порвано платье, — в тон мне ответил альв.

Крыть было нечем.

Мы неспешно двинулись в сторону дома. На полпути Вир заметил вывеску лавки амулетов и попросил меня подождать пару минут. Поставив корзину на тротуар, он направился туда. Вернулся, демонстрируя пластину переговорника. Не хрустальную, но и не железную. Латунный амулет по звучанию оказался чуть мелодичнее амулета Генри. То бишь не сипел и не хрипел, как напрочь проржавевшие петли, а просто иногда скрежетал. Зато пронзительно, будто вилкой по стеклу. Даже не знаю, что хуже...

Вир, надо признать, быстро приспособился говорить короткими фразами, чтобы амулет не успевал разойтись до скрежета.

Так мы и дошли до дома. И только у самой двери я поняла: устроив поход на рынок, чтобы купить «чего-нибудь к чаю», я забыла про самое главное — собственно заварку!

Глянула на Вира, тащившего полную корзину и... промолчала.

Мы вошли в дом, прошагали на кухню. Оставив Вира выгружать продукты, я поднялась в свою комнату, переоделась в домашнее платье и вернулась обратно. И пока готовила, а альв внимательно наблюдал за процессом, я и рассказала ему об Алекс. И о том, что вечером его «заберут».

Гость ни разу не возразил. То ли я была убедительна, то ли выражать недовольство ему мешало воспитание. Ведь всякий воспитанный человек знает, что перечить женщине с разделочным ножом в руках — моветон.

Спустя час был готов то ли очень поздний завтрак, то ли ранний обед. А запах свежего супа подействовал лучше заклинания призыва. Едва я повернула затвор, гася пламя огненного элемента под конфоркой, как домашние испарились из своих комнат, дружно конденсировались на кухне и осели на табуретах. Не было только дяди Морриса. Но по причине весьма уважительной. Поэты именуют ее душевными терзаниями, простые люди — похмельем. И место великого скульптора занял его величество Бенедикт Первый Непобедимый и Неподражаемый, наглый, пушистый, рыжий.

Даже привидение выплыло из стены. Я посчитала, что момент более чем удачный, и представила Вира семейству. Едва я озвучила причину пребывания альва и сроки, как наглая рыжая морда погрузстнела. Иногда мне казалось, что наш кот гораздо более разумен, чем мы о нем думаем. Вот, например, сейчас. Я могла поспорить на свой любимый тигель, что хвостатый опечалился оттого, что гадить в новые альвовы сапоги будет возможность только до вечера. А судя по всему, на обувь Вира у него были грандиозные планы...

Впрочем, сам альв об угрозе своим сапогам пока не подозревал, а принимался к капустнику. Я как-то запоздало вспомнила услышанное на уроке этикета: остроухие первые блюда не особо жалуют, особенно такие наваристые и кислые. Разве что супы-пюре, да и в те добавляют сахар.

Вир недоуменно посмотрел на меня.

— У людей это называется «попить чаю»? — припомнил он мне поход за «что-нибудь купить».

— Капустник — это прелюдия к чайной церемонии, — нашлась я.

Близнецы закашлялись, Тай же и бровью не повела, продолжая уписывать суп. Матеуш фыркнул, но чопорно зачерпнул из тарелки и попробовал. Причем проделал это с аристократическим изяществом.

Кот возмущенно мяукнул. Но уже не на мое заявление, а потому что ему ничего не досталось. Пришлось отрезать от купленной колбасы кусочек и положить на тарелку вымогателю. Рыжий довольно заурчал от подачи.

— Кстати, завтра очередь Тай готовить, — напомнил Матеуш.

Все вздрогнули.

— Давай лучше я за нее, — героически предложил Чейз.

Ну да, кузина год назад поймала в зазеркалье дар некроманта. Но по единому мнению всех домохозяек, она могла бы стать и неплохим алхимиком, поскольку яды варила отменно. И не важно, что изначально это был рецепт свекольника, шарлотки или салата. Итог был один — редкостная отравка, которую не решались дегустировать даже крысы, когда я выносила на помойку очередной кулинарный шедевр.

Несмотря на свой поварской «талант», Тай упорно требовала, чтобы за ней сохранялась очередь дежурства на кухне. Вот и сейчас она возразила братцу, что сварит все сама.

Я прикинула: хватит ли мне денег пообедать, а заодно и поужинать в университетской столовой.

Поев, Вир улыбнулся и спросил, не мог бы он вздремнуть с дороги. Мы с кузенами переглянулись: лишних кроватей (а тем паче комнат) в доме не было, разве что... спальня эйры Норингем.

Старушка раз в год приезжала с севера проводить своего непутевого старшенького сыночка Морри. И не имеет значения, что сыночек разменял уже четвертый десяток, стал известным скульптором и сам обзавелся детьми. Для нее он всегда был мальчиком. Навещая сыночка, эйра Норингем заодно отдыхала под южным солнцем. Потом она отбывала и вовсе к жаркому лазурному побережью.

В остальное время небольшая комната пустовала. Оккупировать ее не решался даже кот. А уж ему-то в нашем доме было позволено все. Ну, кроме скидывания с пьедестала статуи «Единорог и дева».

Но ведь альв не кот. Метить территорию и ковер драть не будет. Наверное.

— Да, если тебя не смутят запах лаванды и занавеска в рюшах... — Я замолчала, не зная, как потактичнее сказать, что это не полный перечень особенностей комнаты.

— Ничуть не смутит, — жизнерадостно заверил Вир, еще не зная, на что подписался.

Я, вздохнув, проводила его до спальни эйры Норингем. Осторожно повернула ключ, открывая скрипучую дверь.

Комната ослепила нас сиянием белого ажурного покрывала. На полу лежал круглый бежевый ковер. Безумно дорогой, ручной работы и заговоренный от моли так, что даже у меня, привычной к резким алхимическим запахам, в носу свербело от лаванды. А чары чистоты так и хрустели под ногами.

Ковер бабуля привезла как-то с собой и заявила, что теперь в этом доме хоть что-то будет достойно ее ног. Хотя, как по мне, она притащила свой шерстяной раритет исключительно для того, чтобы мы прочувствовали всю суть выражения «вызвать на ковер».

Эйра Норингем любила затребовать к себе кого-нибудь из внуков (ну и меня тоже) и отчитать за очередную провинность, пока тот (или та) топтался на пушистом произведении искусства, не поднимая глаз и прикусив язык. Хотя, если внимательнее приглядеться, произведение было не только искусства. По кругу шла вязь из литер — заклинание призыва душ, шагнувших за грань. Ну и так, по мелочи: смертельные проклятия для тех, кто решит покуситься на жизнь и здоровье хозяина сей ценной вещи, пентаграмма запирающей клетки-ловушки, векторы силы... И все это перемежалось с листочками-цветочками.

Судя по веселью, промелькнувшему в серых глазах альва, имитация растительности на ковре его не смутила, и все, что нужно, этот ушастый уже увидел и прочел.

Остальная обстановка была в лучших традициях чопорной эйры: портрет известного в прошлом веке композитора, обитое шелком кресло, шкаф и туалетный столик на гнутых ножках.

— Располагайся, — широким жестом предложила я. И добавила на всякий случай: — Ванная и туалет общие, в конце коридора. И да, шкаф лучше не открывать.

— Там может быть скелет любовника? — усмехнулся Вир.

— Если бы... — печально вздохнула я. — Со скелетом, даже ожившим, было бы проще договориться. Там обережник. Поэтому лучше просто не трогай дверцы шкафа, и все будет хорошо.

— Обережник? — Бровь Вира изумленно поднялась вверх. — Так этого демоненка обычно в шкатулки с драгоценностями поселяют. Или в сейфы.

— Поверь мне, для бабушки ее панталоны — большая ценность. Дороже только чепцы и перчатки.

— Учту, — кивнул Вир.

Посчитав, что моя миссия по размещению и инструктажу гостя выполнена, я отбыла. Но не прошла по коридору и дюжины шагов, как из-за закрытой двери бабулиной спальни раздалась краткая и емкая характеристика ситуации. Что ж, пусть альв и не говорил на всеобщем, но ругаться явно умел.

Не в силах удержаться от любопытства, я на цыпочках вернулась назад и прильнула к замочной скважине...

Вир стоял посреди комнаты, а в его вытянутой руке дергался бабулин лифчик. Причем не просто трепыхался, а брыкался, клацал зубами, прикрытыми кружевом, и в свою очередь норовил напасть.

Интересную вещь для своего воплощения выбрал обережник в этот раз. Хорошо еще, что не панталоны. Представив отутюженного и воспитанного остроухого с бабулиными внушительными панталонами в руках, я подавилась смешком. Помнится, когда я искала у эйры Норингем ее ведьминский гримуар, на меня напали перчатки. Я от них отбилась. Не сказать, что совсем уж без потерь. Клок волос они у меня, тогда еще тринадцатилетней, выдрали... А что уж тогда сотворили бы с альвом бабулины панталоны, лучше не думать...

Между тем Вир что-то вкрадчиво говорил на своем языке. Слов я не слышала, но обережник явно впечатлился. Потому как брыкаться перестал, а потом и вовсе поник, скорбно трепыхнувшись в сторону шкафа.

Похоже, обережник, заскучав, сам решил напасть на гостя, не дожидаясь, пока тот откроет дверцы его обители. Вот только он, видимо, не ожидал такого отпора.

Внизу раздался шум, я отпрянула от дверей, быстро проскользнула по коридору и спустилась по лестнице. Оказалось, что проснулся дядя Моррис.

Хроносы показывали полдень. После бурного утра хотелось отдохнуть где-нибудь в тени, но... Завтра нужно было идти на учебу, да не в чем: каблуки у туфель оторвались, сапоги давно просили каши. А снова повторять подвиг с босоножками Тай мне жутко не хотелось. И все же дойти до обувной лавки мне предстояло именно в них.

Оставшуюся половину дня я посвятила тому, что тратила деньги с умом. И под вечер у меня не было ни денег, ни, подозреваю, ума. Потому что потратила почти все, что было. Зато купила новые ботинки (в них сразу и переобулась, оценив удобство), потом заплатила за ремонт туфель и сапог.

Затем заглянула в библиотеку. Хоть учились мы всего третью неделю, нам уже успели задать целую кучу домашней работы.

С книгами под мышкой, с сумкой, в которой обретались три пары обуви, и голодным животом я пошла домой. В кошельке осталась пара медяшек. Я печально вздохнула, в который раз вспомнив присказку алхимиков: деньги, как спирт, быстро испаряются, легко растворяются и в чистом виде не употребляются. А до стипендии еще неделя...

— Замена в команде по громобою! Ректору эйловского университета удалось обойти закон! — кричал пацан, держа стопку новостных листков в одной руке, а другой рукой размахивая одним из них. — Сенсация! Варлок в составе игроков!

Я замедлила шаг. Сразу вспомнилось утро. Пронзительный, острый взгляд зеленых глаз. Кажется, именно его искали репортеры на причальной площади.

Я протянула медяшку парню и стала обладательницей типографского листка.

В самом верху его, прямо под заголовком «Новости задумчивого тролля», красовалась движущаяся магография альва. Того самого, которого я пару секунд лицезрела на площади. Его невозможно было не узнать, несмотря на черно-белое изображение. Правда, тут он был запечатлен в полете с молниями, летящими из ладоней.

«Сколько стоил ректору Варлок?» — гласило название статьи ушлого репортера.

Я невольно усмехнулась.

А дело в том, что эйр Ортридж, бессменно вот уже двадцать лет руководивший нашим университетом магии и чародейства, был мужчиной выдающимся. Во всех смыслах этого слова.

Начать с того, что ректор ни демона не смыслил в науке. Но в коммерции мог бы обойти любого дельца. Когда он сел в ректорское кресло, ему достался плохонький университет. Да что там плохонький. Откровенно дрянной и ветхий. С большими дырами в бюджете и репутации. Дипломы выпускников не котировались, стипендии выплачивались через раз. Преподаватели сбегали даже без благовидных предлогов. Уже шла речь о закрытии магистерии. И так их в столице было целых три.

Но эйр Ортридж первым же своим указом заставил всех преподавателей обзавестись орочьими переговорниками, а лучше — выучить язык степняков.

Вторым его приказом было создание лечебной и чернокнижной кафедры. Хотя до этого наш вуз был природно-техномагическим, некогда славившимся своими алхимиками и артефакторами.

А затем предприимчивый ректор предложил обучать... иностранцев. А точнее — орков. Исключительно на платной основе. С учетом того, что в других магистриях несчастные степняки должны были год угробить на изучение единого имперского языка, преимущество нашей магистерии, где курс читался на орочьем, стало очевидно. И сюда лавиной потекли адепты. С деньгами. Но если бы только с деньгами...

Увы, мы узнали, что значит выражение «Орка можно почувствовать, не видя его и не слыша его». Дети степи — это ходячее оружие массового поражения. В том плане, что когда в паре ярдов от такого пытаешься дышать, на глаза наворачиваются слезы. И отнюдь не умиления.

Как по мне, чтобы добиться такого ядреного запаха, нужно было не мыться с рождения. Но орки — народ гордый и стойкий. А их девы пошли еще дальше. Они обливались эфирными маслами. Отчего их... аромат становился в прямом смысле убийственным.

Видимо, так у орчанок происходил отбор спутника жизни: сумел продраться через «запах возлюбленной» — значит, достоин.

Хотя магистр Бруем, преподаватель истории и рас, уверял, что у орков ритуальные брачные ухаживания и вовсе сводятся к тому, как половчее огреть дубиной и затащить понравившуюся особь в пещеру. Однако преподаватель не уточнял, кто кого должен «приласкать» по темечку. Но что-то мне подсказывало, что с подобным сватовством вполне могла справиться и условно слабая половина этой расы.

Тем не менее адепты и преподаватели терпели детей степи, которые ходили и зимой и летом в штанах, едва ли не ломающихся от грязи, а дамы еще и в безрукавках.

И терпение спустя год принесло свои плоды: ректор умудрился залатать дыры в бюджете и даже выписать премии преподавателям. А студенты наконец стали получать стипендию постоянно и в нормальном размере.

В общем, с орками свыклись. А методика преподавания «кто не усвоит материал, пойдет на отделение некромантии в качестве учебного пособия», утвержденная ректором, и вовсе оказалась сверхэффективной. Орки стали учиться. Причем почти нормально. А с учетом того, что практиковались они в лечении не на пациентах университетского лазарета (как заявил ректор, своих адептов я угроблю сам, без помощи иностранцев), а на собственных соплеменниках, схлопотавших неуды... В общем, никто из орков особо не стремился попасть на разделоч... операционный стол к своим одноклассникам.

Так за двадцать лет наш университет стал не только полностью не зависящим от государственной казны, но и ведущим во всей империи по успеваемости. Специалисты магистерии теперь были нарасхват. Но вот имелся у ректора один пунктик...

Эйр Ортридж был мужчиной в высшей степени амбициозным. И ежегодные неудачи нашей университетской сборной по громобою его, мягко говоря, удручали. Команда университета традиционно выходила в финал и так же традиционно проигрывала. То сборной имперской северной академии боевой магии, то адептам магистерии темных сил, то студентам института

технократии и чародейства. А однажды даже — о ужас! — теоретикам. Кто же мог заподозрить, что среди адептов, которые в основном проводят все время в расчетах сложнейших формул и матриц, окажутся такие... разносторонне одаренные личности в количестве аж шести штук.

Но наш ректор был из тех, кто никогда не проигрывает. Он просто совершает тактические отступления. И судя по тому, что гласил новостной листок, эйр Ортридж в этом году решил таки приобрести в свою коллекцию достижений университета еще и кубок победителя чемпионата по громобою.

Я прочитала статью, посвященную Варлоку. Как говорится, знания никогда не бывают лишними. Оказалось, этот альв в свои двадцать пять умудрился собрать чуть ли не весь перечень наград, участвовал в межрасовых чемпионатах, был форвардом нынешних призеров кубка Серебряного континента и прочая, прочая, прочая. Как я представила, сколько стипендий стоил такой игрок, меня чуть жаба не задушила.

Варлок был магом-дуалом, адептом альвовской академии боевого искусства. И учился на последнем курсе.

«Уровень дара — поток», — прочитала я и впечатлилась. Высший. У Алекс был «канат», и она считалась сильнейшей в нашей группе. Да даже «нить» — уже неплохо. У кого-то и «волос» был...

И вот сейчас этот чемпион прибыл по обмену в наш университет... И даже, судя по магографии, помещенной в конце статьи, Варлок успел после полудня провести первую тренировку. К сожалению, изображение было нечетким. Видимо, репортер спешил отдать зачарованный оттиск снимка в печать.

На переднем плане вполоборота стоял альв в форме нашей сборной. Мокрая от пота ткань прилипла к его телу, обрисовывая прямую спину с четким рельефом мышц, крепкие ягодицы, сильные руки. Хорош стервец, определенно хорош. Лица болельщиц на заднем плане это явно подтверждали: девицы таращились на нового игрока влюбленными глазами.

Вот только я никак не могла забыть тот случайный взгляд. И он напрочь перечеркивал желание восхищаться образом «эйр Совершенное Тело». Так что восторгов новых фанаток Варлока я не разделяла.

— Определенно мне стоит держаться от него подальше, — пробормотала я, сворачивая новостной листок и запихивая его в сумку. И мысли не возникло выкинуть его в урну. Раз за него уплачено, значит, еще пригодится. Например, рыбу на нем почистить.

Домой добралась быстро и без приключений. Уже начала подниматься по лестнице в свою комнату, как ожил кристалл связи. Тихонько завибрировал, а потом зазвенел колокольчиком.

Перерыла всю свою торбу, прежде чем его выудила. Нажала с двух концов, принимая сигнал.

Передо мной тут же возник фантом Алекс не больше ладони размером.

— Привет. Как дела? — закинула она удочку.

Я, точно матерый сом, не стала клевать радостным «хорошо» или хотя бы «сносно», а ответила в лучших традициях цвергов вопросом на вопрос:

— Когда альва забереешь?

Алекс тут же приуныла:

— Нари, понимаешь... Тут такое дело... Я только недавно узнала, что в нашу университетскую сборную приняли нового игрока. Альва.

— Уже в курсе, — скривилась я.

— Как? Откуда? Неужели тот самый, которого ты встречала? — тут же всполошилась Алекс, явно пожалев, что спроводила меня на площадь причалов.

Я могла даже поклясться, что в этот момент в ее голове мысли лихорадочно снуют, словно костяшки на счетах умелой в обмане торговки. Видимо, подруга сложила два и два и решила...

Я не стала сразу ее разубеждать.

— Алекс, ты так радуешься за меня, что слышно, как зубы скрипят.

Та сердито сдвинула брови.

— Знаешь, летом я успела скататься на лазурный пляж Горхоса, слетать на водопады «Косы лунных дев» и думала, что на этом сезон моих летних путешествий закрыт, — возмущенно перечислила она. — Но благодаря тебе я только что побывала еще кое-где...

— В полнейшем шоке? — невинно уточнила я.

— В полете! — рявкнула Алекс. — А ты мне даже не сказала, что Варлока встречала! — Она покачала головой в свою очередь в лучших традициях матерого прокурора: то бишь обвинила, даже не повышая голоса и весьма проникновенно, пытаюсь усовестить.

Будь кто другой на моем месте, уже наверняка бы каялся и молил о том, чтобы ему скостили срок. Но я знала свою подругу давно, как и ее уловки. Потому на провокацию не поддалась и ничуть не раскаялась. Наоборот, склонила голову и со скучающим видом призналась:

— Он мне понравился. Симпатичный, да и в общении приятный.

Тут я вспомнила, как он молчаливо таскал за мной по рынку полную корзину и добавила:

— О-о-очень приятный.

Лицо Алекс не озарилось, нет, оно озверилось улыбкой. И я поняла — еще немного, и мне крышка. Гробовая. Это будет первый в истории случай убийства через кристалл. Причем не абы какого, а удушения.

— И главное, что этот альв... — Я смущенно потупилась, помолчала, явно играя с огнем, вздохнула и сказала: — ...не Варлок.

— Ка-а-ак? — недоверчиво протянула Алекс, которая уже успела сама все придумать и сама на это обидеться. — Точно не он?

— Точнее не бывает, — заверила я подругу. — Я даже тебе могу его показать.

Не мудрствуя я направилась в спальню эйры Норингем, которую временно занял остроухий. Постучалась. Ничего. Постучала чуть громче. Ответ — минус бесконечность.

— Можно войти? — наконец спросила я под шипение подруги из кристалла. — Я вхожу...

Аккуратно нажала на ручку. Дверь начала открываться и скрипеть.

Я замерла. И вовсе не потому, что боялась быть застигнутой на месте преступления. Просто гость спал. Не хотелось его будить. Еще и столь неожиданным образом. Русые волосы разметались по кровати. Лицо без очков казалось мужественнее и старше...

— Вот, — прошептала я и поднесла кристалл на уровень своего лица, чтобы и Алекс увидела альва.

После чего тихонько закрыла дверь. На удивление петли не издали ни звука.

— Убедилась? — спросила я уже нормальным голосом.

— Да, — задумчиво кивнула Алекс.

— Ну, так когда своего альва заберешь? — вернулась я к тому, с чего мы, собственно, и начали разговор.

— Вечером, — быстро сказала Алекс.

— Уже давно не день. — Я изогнула бровь.

— Но ведь и не полночь, — последовал ответ, убийственный в своей логике. — К тому же меня еще из лечебницы не отпустили.

— С этого и надо было начать, а не со своего Варлока, — фыркнула я.

— Ничего ты не понимаешь. Этот альв та-а-акой... — мечтательно протянула Алекс.

Подобное выражение лица и тон я уже хорошо знала. Новая жертва красоты и темперамента бестии брюнетки найдена. Могу поспорить на свою очередную стипендию: через пару недель Алекс будет с ним встречаться. А та продолжила:

— Ух... У меня от одной его магографии аж мурашки по коже, пальцы немеют, и дух захватывает.

— Может, ты просто замерзла под потолочными охлаждающими винтами, пока лежала в палате? — насмешливо спросила я.

— И ничего я не... Апчхи! — Алекс громогласно опровергла свое заявление и шмыгнула носом.

— Лечись лучше давай. — Я покачала головой.

— Я и так лечусь. Через час обещают выпустить, и я к тебе заеду.

— Договорились, — согласилась я.

Алекс тут же отключилась. Ну, где у подруги один час, там и два, а то и три. Значит, я успею еще написать доклад по стехиометрическим матрицам магически насыщенных октомеров.

Но когда солнце уже опускалось за горизонт, а моя уставшая голова — к столешнице, я запоздало вспомнила, что и два, и три часа давно миновали, а Алекс так и не пришла.

Я бросила взгляд на циферблат хроносов. Стрелки показывали такое время, когда «доброй ночи» говорить вроде бы еще рано, а «добрый вечер» — слегка поздно. Подруга явно не торопилась. В отличие от моего чувства голода, которое один знакомый (тот самый специалист по витиеватым ругательствам альвов) величал поэтически «неразделенной любовью к еде».

Увы, я возвышенным слогом не страдала. Зато точно знала: если не перекушу, буду хотеть есть до тех пор, пока не захочу жрать. Положив кристалл связи в карман, я отправилась на кухню, по пути заглянув в комнату к альву. Тот все еще беззастенчиво дрых. Интересно, он точно альв, а не каменный тролль? Ведь именно они славились тем, что могли проспать всю зиму в своих пещерах. Аккуратно притворив дверь, я спустилась по лестнице.

На кухне было чисто и вкусно пахло. А в холодильном шкафу и вовсе обнаружился торт. Самый настоящий, свежий, со взбитыми сливками, украшенный клубникой и мятой. А главное, кем-то уже надрезанный — не хватало ровно четверти.

А где четверть, там и половина, решила я.

В кармане завибрировал кристалл. Меня жаждала видеть Алекс.

— Прости! — правильно начала разговор она.

Впрочем, Алекс всегда придерживалась принципа, что чем больше извинений, тем они менее убедительны, поэтому ограничилась одним словом.

— Что на этот раз? — со вздохом спросила я.

— Я сейчас приеду и заберу его, — обреченно простонала Алекс тоном смертельно больного и не преминула пожаловаться: — Эти лекари хуже гробовщиков! Потому что последние мучают тебя единожды, а вот врачеватели, особенно хорошие, не успокоятся, пока не долечат тебя до последней медьки.

— Тебя только сейчас отпустили? — удивилась я.

— Ну да. Сначала челюсть вправляли, потом отек снимали, потом тон кожи выравнивали и пичкали витаминными эликсирами. А между делом адвокат, которого нанял папа, чтобы разобраться, выяснял все подробности. Нари, я сейчас мечтаю стать трупом.

— Если умрешь, то билеты на все игры сезона тебе будут не нужны и я смогу их выгодно перепродать, — радостно объявила я.

Ведь известно: подставить жилетку для слез может и приятель, а вот встряхнуть, чтобы ты не раскисал, — только настоящий друг.

— Нары, я тебя обожаю настолько, что готова убить, — фыркнула Алекс, приободряясь. — Даже не надейся на продажу билетов. Я их добыла в честном бою.

— С кем воевала-то? Ты сказала, что та девица из аристократок... — вспомнила я утренний разговор.

— Нет, не из них. Просто у ее отца тугой кошелек, а у нее самой — диплом боевого мага, — скривилась Алекс. — Она меня хуком приложила. Хотела, правда, еще и пульсаром... Но не смогла. И знаешь, я ее понимаю: воевать, когда ты потерял сознание, проблематично.

— Тетрахлорат сонного эфира? — профессионально уточнила я.

— Как догадалась? — ревниво прищурилась подруга.

— Он удобен в использовании, действует точно и разрешен для применения. Таких мгновенно усыпляющих эликсиров немного.

— Нари, вот не знала бы, что ты все контрольные у меня списываешь и при этом всегда умудряешься так напортчить, что через раз неуды хватаешь, то подумала бы, что ты на красный диплом идешь.

— Я и синему была бы рада, — буркнула я, уходя от неприятной темы.

Еще бы: я столько лет тщательно создавала себе репутацию адепки, знания которой балансируют между «хорошо» и «удовлетворительно», носила кольцо, приглушающее уровень дара. И все для того, чтобы никто не узнал во мне дочь моей матери.

Надо же мне было в гранях реальности, или в просторечии — зазеркалье, поймать луч. Нет чтобы пламя, воду, камень или ветер. Да я даже на росток или пятиконечную звезду демонолога была согласна. Но... увы.

В семнадцать лет, как и любой нулевик, я ощутила внутри себя пустоту. Это лишь в сказках дар у мага присутствовал с рождения и рос вместе с ним. В реальности все было проще и сложнее одновременно.

Были те, кто мог принять в себя магию, перестроить ее.

А были те, кто не мог. И таких — большинство. Не у всех пробуждалась способность шагнуть в мир граней. И не каждый из ушедших возвращался.

Обычно лет в пятнадцать-двадцать пробуждался зов. Будущие маги чувствовали, что внутри их растет пустота, которую нужно непременно заполнить. И тогда они отправлялись к Вратам Избранных. Такие стояли в каждом крупном городе рядом с магической академией. А в мелкие бритаки Врата привозили раз в год на пару недель.

Хорошо запомнила, как в день обретения дара стояла перед Вратами. Они напоминали мне зеркало в оправе. Поверхность его шла рябью, как озерная вода в ветреный день. Я видела лишь свое отражение на фоне мрачной синевы. А потом протянула руку, коснулась поверхности, и тело будто прошла молния. Зов стал таким сильным, что я не смогла сопротивляться и шагнула за грань.

Говорят, раньше специальных зеркал не было и будущие маги искали точки разлома реальностей — нашей, повседневной и мира граней — интуитивно. Шли, как лунатики, на зов. Сейчас же появились зеркала. Стало проще, но суть осталась неизменной.

Человек, способный принять дар, оказывался в другом месте. Там, где не было времени, а пространство порою сворачивалось чуть ли не сферой. Земля вполне могла начать подниматься, словно гигантская волна, закручиваясь на гребне и нависая над твоей головой, будто небо. Все вокруг могло пойти трещинами, словно стекло. И в каждом его осколке окружающая реальность преломлялась под немыслимыми углами.

Ища свой дар, тот, к которому меня тянуло больше остальных, я тоже попала в такой «осколок». Мостовая прямо подо мной треснула, и я полетела вниз с немыслимой высоты. Меня едва не размозило о камни, но мир граней совершил очередной кульбит. Мое тело подкинуло, как пушинку, перевернув в воздухе несколько раз, и реальность опять треснула. Я выпала из неба на мостовую.

Приложилась щекой к холодному гладкому камню, пахнущему отчего-то тиной, и увидела, как напротив меня всего в паре дюймов над брусчаткой завис светящийся синим маховик с вращающимися вокруг него кольцами — дар артефактора, дающий власть над металлом и камнем. Его носитель умер давно, душа отлетела в нижний мир, а дар остался здесь, ища нового хозяина. Не дух, не элементаль, но чистая сила. Только со своим особым характером.

Почему я не протянула руку за ним — сама не знаю. Таращилась долго. Даже не дышала. А потом моргнула, и маховик исчез.

Я поднялась с мостовой, на которой лежала, и побрела вперед. Точно знала — меня ждет что-то другое. Сколько шла? Не знаю. Но в одном из парящих осколков увидела пустыню. Меня потянуло к ней как магнитом. Не раздумывая, я прыгнула в новую реальность, обдавшую обжигающим жаром.

Там, среди барханов и песков, поющих свои странные неторопливые песни, я и увидела его — луч, бивший из земли прямо в небо. На него было больно смотреть. Но все же я подошла и протянула руку. И почувствовала, как пустота, которая была внутри меня, стремительно заполняется.

Сила бежала по рукам, по телу, разносилась с током крови, ею был наполнен каждый вдох легких. Я сама была силой. А сила — мной.

Свет, белый, беспощадный, выжигающий, затопил все вокруг, и я потеряла сознание. А когда очнулась — пустыня исчезла. Вместо нее была улица. Ровная, залитая ярким солнцем. Кадки с цветами стояли по краям и пахло началом лета.

Поднявшись, я побрела вперед и вскоре вышла к Вратам. А перешагнув их, оказалась наконец-то в нашем мире.

Проводник, который отвечал за отправку и прием магов, сверившись с хроносами, сказал, что я была в мире граней всего несколько секунд.

— Символ, — сурово спросил другой маг, в тот день тоже дежуривший у Врат.

— Л-луч, — чуть запинаясь, ответила я.

— Хорошо, через год ждем на факультете алхимиков, — последовал вердикт, и мне протянули браслет и кошель монет.

Первое — метка. Напоминание. Обязанность. Второе — годовое содержание.

Империя ценила своих магов. Даже если те себя — не очень. На то, чтобы чародей полностью слился со своим даром и освоился, давался год. Двенадцать месяцев, которые теоретически оплачивала казна, а по факту чаще всего университет.

И лишь потом обретших силу ждал вступительный экзамен и зачисление. Для тех, кто не сумел сжиться с даром или сдать экзамен, была предусмотрена весьма болезненная — запечатывание. Дикае магии, которые не могли справиться со своей силой, казне обходились слишком дорого. Ведь зверские фантомные боли и искалеченное тело одного — это сущая ерунда по сравнению с сожженным дотла кварталом, когда огненный маг не справился со стихией.

Помнится, в год обретения силы, когда мне и дяде стало понятно, что мой дар по уровню такой же, как и был у матери, — «поток», Моррис на черном рынке раздобыл мне кольцо, частично сдерживающее магию.

При поступлении магомер выдал уровень дара «нить». Экзамены я тоже сдала без проблем. Кстати, не сдать их мог разве что совершенный дикарь, не видевший ни разу в жизни письменных литер.

А вот пять лет обучения были для меня непростыми. И если бы не пряталась в тени первой королевы университета Алекс, не знаю, сумела ли бы я удержаться, не выдав себя.

— Не переживай так. В крайнем случае я найму тебе адвоката. — Слова подруги вырвали меня из воспоминаний.

— Зачем? — удивилась я.

— Не зачем, а для чего. Для защиты твоего диплома, — хохотнула Алекс, довольная собственной шуткой. — Думаю, магистры не оценят. К тому же до этого самого диплома еще год учебы. А вот альв — он уже сейчас. И, если честно, мне так лень за ним ехать...

Последние слова Алекс буквально простонала. Вышло не хуже, чем у смертельно раненного героя легенд — богатыря Онара, погибшего, но спасшего целый город.

— Ладно, мученица, — смиростивилась я. — Твой подселенец спит. Наверное, до утра продрыхнет. Так что пусть ночует у меня. А завтра... — с нажимом произнесла я, — ты его заберешь.

Подруга тут же активно закивала и даже продемонстрировала крестик из пальцев — знак клятвы.

— Нари. Ты моя спасительница! Увидимся в универе, — прочирикала Алекс и отключилась.

А я осталась на кухне. Уже в совершенной темноте. За время разговора солнце успело дезертировать за горизонт, погрузив все окрест в тягучие чернильные сумерки.

Я щелкнула пальцами, создавая светляк.

Можно, конечно, было зажечь газовые рожки. Но не хотелось. Они зальют всю кухню светом. И вместе с ним исчезнет что-то неуловимое. То, что есть только вот в таких теплых вечерах на изломе осеннего, девичьего лета, когда небо особенно темное, звезды — низкие, две луны — удивительно яркие, а в душе — печаль светла.

Эту самую печаль и всколыхнули во мне непрощенные воспоминания. И чтобы они не разбушевались, следовало их успокоить.

Как раз в холодильном шкафу и лежало успокоительное. Со взбитыми сливками. Я мысленно облизнулась. Впотьмах цапнула со стола первый попавшийся нож, достала торт и отрезала здоровенный кусок.

Оставив орудие преуменьшения тортовых запасов рядом с кремовым лакомством, я начала заваривать себе чай. Свежий, душистый, черный — его я купила вечером, возвращаясь домой. Как раз перед тем, как расстаться с последними медьками.

Колдовала я над заварочником с упоением. Вообще готовить я не очень любила. Хотя кухня подначивала, дескать, кухня и лаборатория очень похожи: стой себе над котелком и смешивай ингредиенты. Но вот чай... Для меня это было нечто особенное.

— Ты всегда режешь торт некромантским ритуальным ножом? — От голоса, внезапно раздавшегося за спиной, я вздрогнула.

Обернулась, прижимая кружку к груди, и наконец разглядела то, чем орудовала в темноте. М-да. Видимо, Тайти, как всегда, бросила свой некромантский реквизит где попало. А я не обратила внимания.

— Зато он самый острый, — ничуть не смутилась я.

— Значит, от своего куса тортика не откажешься? — хитро спросил альв.

Он стоял, скрестив руки на груди и подпирая дверной косяк. В легкой рубашке с закатанными рукавами. На смуглой коже виднелись белые полосы, будто тонкие нити.

Взлохмаченный, еще немного сонный Вир попытался чувственно улыбнуться. Но проиграл сам себе, не сумев сдержать зевок. Его очки тут же съехали на кончик носа. Я фыркнула при виде этого горе-искусителя.

— Может быть, чаю?

— Чаю. — Всего одним словом он сумел напомнить мне и о рынке, и о капустнике, и... еще много о чем. — А есть кофе? Он вкуснее... — добавил этот эстет.

Да что он понимал! Какой-то кофе. Фу. То ли дело чай!

— Могу вылить в кружку весь заварочный чайник. Бодрящий эффект превзойдет твои самые смелые ожидания.

— От обычной заварки? — засомневался альв.

— Почти... — протянула я, припомнив ту гремучую смесь, которую недавно залила кипятком.

Помимо листьев чайного дерева там была щепотка острого перца, шиповник, долька лимона и мята. Для неподготовленного организма весьма неожиданное сочетание.

Вир насторожился от этого «почти» и, когда я подала ему чашку с дымящимся напитком,

пригубил ее осторожно. А потом поспешил заесть тортиком. Стойкий. Алекс, первый раз продегустировав мой фирменный чаек, плевалась, шипела и залпом осушила графин с водой. А этот, смотри-ка, выдержанный попался. Как будто заранее тренировался.

Но что меня поразило больше всего, так это то, что на третьем-четвертом глотке альв даже распробовал чай и пил его уже с удовольствием.

— Я так понимаю, твоя подруга сегодня не приедет? — спросил Вир.

— Да, — я подперла щеку рукой, — но она поклялась, что завтра у тебя будет все, что тебе, как адепту по обмену, было обещано.

— Признаться, меня и здесь все устраивает, — усмехнулся альв.

— Даже чай? — Я была сама невинность.

— Чай — особенно. К тому же где еще я смогу поесть торт, порезанный ритуальным ножом для жертвоприношений.

— Скажи, а альвы злопамятны? — Я мысленно прикинула, сколько времени Вир будет припоминать мне этот самый нож. Судя по всему — долго.

— Наглая ложь! — возмутился остроухий. А потом добавил: — Альвы вообще не помнят зла... которое творят сами.

Ясно. О злополучном ноже я буду слушать подколки не просто долго, а очень долго.

Мы сидели напротив друг друга. Над нами тлел светляк, на стенах в его неровном приглушенном сиянии танцевали причудливые тени. Льяная клетчатая скатерть, старая, не раз стиранная, дарила свой особый уют. За окном стрекотали цикады, словно чувствовали, что наступили их последние ночи. Скоро девичье лето закончится, и неспешной поступью в город придут затяжные осенние дожди.

Это был странный вечер, но что еще более удивительно — мне не хотелось, чтобы он заканчивался. Хотя уже и чашки опустели, и торт «похудел», а свалившаяся усталость вызвала желание последовать ее примеру и тоже свалиться. На кровать.

Неожиданно для самой себя я зевнула, прикрыв рот ладошкой, и пробормотала:

— Пойду, пожалуй, спать.

— Тогда до завтра. Я тоже вздремну.

Вздремнет?! Кажется, кого-то не смущает, что он дрых полдня и совсем недавно проснулся. Может, у альвов повышенная сонливость природой заложена? Вон, преподаватель по видоразнообразию рассказывал, что на востоке живут древесные медведи, которые спят по двадцать часов в сутки и для них это норма. Вдруг и Вир такое же снлюбивое существо?

Попрощавшись с гостем, я поднялась к себе. Заснула быстро и крепко, что случалось со мной редко. А главное, на этот раз мир грез не подкинул мне очередного кошмара из прошлого.

ГЛАВА 3

Утро началось с того, что я проснулась, оделась, выглянула в окно, увидела ледок на лужах. Разделась и оделась еще раз. К завтраку решила не спускаться, вспомнив, что сегодня кашеварит Тай. Стоило, пожалуй, предупредить Вира, что лучше перекусить в академии.

Едва я вышла из комнаты, как впереди хлопнула дверь: альв стоял на пороге бабушкиной спальни. Легкая холщовая сумка, перекинута через плечо, говорила за хозяина: он идет учиться.

— Халат не забыл? — дружески напомнила я.

— А? — Альв недоуменно моргнул.

— Халат для лабораторных занятий. Я свой еще в первый день учебы в академию отнесла.

— Точно! — Вир ударил себя по лбу и на пару секунд скрылся в комнате.

До академии мы добрались без приключений. А уже там я довела альва до деканата, в котором он пробыл всего ничего и вышел, сияя улыбкой.

— Мне выдали расписание! — Он показал мне верхний лист из жиденькой стопки. — Первое занятие в аудитории номер семь бис.

— И куда тебя определили? — с подозрением спросила я, хотя уже знала ответ.

И оказалась совершенно права: альва зачислили в мою группу. Я взглянула на невозмутимого остроухого, и в душе поселились сомнения. Сильные такие. Как неразбавленная серная кислота.

В аудиторию мы вошли вместе. Алекс уже сидела там и полировала ногти. Не знай я о том, что она вчера пострадала, — ни за что бы не догадалась. У подруги был весьма цветущий вид.

А дальше произошла торжественная передача альва. Прямо на высшем уровне.

Я официально представила Вира и Алекс друг другу. Подруга подарила остроухому одну из самых очаровательных улыбок. Тех, которые действуют на парней сильнее, чем удар обухом по голове. После таких вот улыбок одни жертвы начинают глупо растягивать губы в ответ, не зная, как связать пару слов. Другие — предлагают донести тяжелые сумки, одолжить (безвозмездно) пару форинтов, написать за нее реферат... В общем, в зависимости от ситуации.

Алекс протянула руку для поцелуя и затрепетала ресницами, рассчитывая на привычный сценарий, но тут случился «упс». А я узнала кое-что интересное о расе альвов. Во-первых, опытным путем выяснилось, что остроухие (один конкретный — так точно) не восприимчивы к магии чар королевы академии. Во-вторых, когда им нужно, вполне неплохо притворяются идиотами. Вместо того чтобы облобызать точеную ручку красавицы, ее пожали. Да что там пожали, потрясли прямо как на собрании руководящих домов империи со словами:

— Весьма рад, весьма рад...

Переливчатая трель звонка прервала знакомство, оповестив о начале занятия. Едва она отзвучала, в аудиторию уверенным пружинистым шагом вошел магистр Мейнхаф, читавший у нас аналитическую алхимию.

— Добрый! Прощу, — отрывисто поприветствовал он, показывая жестом, чего именно «прошу»: присаживаться.

Вообще за этим рыжим полутроллем (хотя по характеру — целым цвергом) водилась такая привычка: он не тратил ничего попусту. Ни слов, ни времени, ни сил, ни (что особенно ценил ректор) реактивов. Даже если последним была цена гнутая медька за ведро...

Алекс тут же дернула меня за локоть, заставляя опуститься на скамью рядом с собой. Впрочем, не одна она поспешила сесть. Вся группа попадала, как спелые груши с дерева под порывом ветра. Лишь альв остался стоять, точно громоотвод посреди деревни.

— А... обменник. — Магистр Мейнхаф политесами не страдал. А его тонкой душевной организацией и вовсе можно было врагов таранить. Причем даже если те — каменные

монстры. В броне. И сидят в замке. — Садись за первую парту.

Альв ткнул пальцем себе в грудь, будто уточняя: «Я?»

— А кто? — фыркнул Мейнхаф. — Других «принцесс» здесь нет.

Вир решил, что роль соляного столба — это именно то, что требуется психике рыжего полутролля с развесистыми бакенбардами, и остался стоять. Мейнхаф закатил глаза.

— Мало мне было орков! Только я их выдрессировал, так теперь альвы... — И уже Виру: — Садись, говорю, пока я добрый, а ты живой.

Вир поправил очки, искоса глянул на меня, машущую ладонью: мол, присаживайся, альтернативно одаренный, давай уже. И неспешно пошел к первому ряду. Целых два шага. Сел остроухий через ряд прямо перед нами с Алекс.

Мейнхаф развернулся к доске, взял в руки стило и размашисто начал чертить в воздухе формулу. Она после щелчка магистра тут же увеличилась в размерах так, что видно было даже с задних рядов.

Мы заскрипели перьями, спеша переписать ее. По опыту знали: провисит она в воздухе недолго, поворачиваясь вокруг своей оси. Ровно до тех пор, пока магистр объясняет ее структуру, особенности поляризации и указывает вращающие узлы.

Скрипя пером, я нет-нет да и тарасилась на русский затылок и острые уши.

Алекс, заметив это, фыркнула:

— Какой противный...

Она явно имела в виду не преподавателя.

— А зачем ты тогда ему улыбки расточала? — едва слышно спросила я.

— Потому что Алекс Лейрин — воспитанная эйра, а воспитанным эйрам приличия не позволяют говорить все, что они думают.

Я усмехнулась, еще раз убеждаясь, что этикет — свод правил лжи и лицемерия. Впрочем, вслух ничего не сказала. Я уже привыкла, что для окружающих Алекс — олицетворение манер и красоты. С кротостью, правда, были проблемы, но то мелочи, не стоящие внимания.

— К тому же отец обещал мне магомобиль, если альву у нас понравится. Он вроде бы из какой-то знатной семьи... А у отца большие планы по сближению с остроухими.

Теперь стала понятна причина ее любезностей.

Лекция шла своим чередом, я скрипела пером, перерисовывая структурные формулы реагентов, необходимых для получения «кровавого сока» — это качественная реакция, позволявшая отличить яд карху от эликсира забвения.

Алекс старательно изображала увлеченность лекцией и подбивала меня на прогул отработки в оранжерее. Потому что именно в то время на стадионе должна была тренироваться сборная по громобою.

— Нет, — буркнула я, когда подруга пошла на очередной заход. — Я хочу нормально пообедать и отработать уже этот демонов долг. К тому же ты обещала сходить со мной...

— Адептка Росс, адептка Лейрин, если вам хочется на моей лекции убить время, то помните, что оно может ответить вам тем же. А я ему помогу. Ясно излагаю? — Мейнхаф изогнул рыжую бровь.

Я кивнула и тут же уткнулась в конспект, как и положено тихоне. А вот Алекс, наоборот, посмотрела преподавателю прямо в глаза, смущенно улыбаясь и всем своим видом показывая, что она больше так не будет. Во всяком случае, в ближайшие пять минут.

Мейнхаф хмыкнул и продолжил читать лекцию, а Алекс мне шепотом — нотацию. Дескать, приличные юные эйры молодость на отработку в оранжереях тратить не должны.

— А как же альв? Ты же его хотела забрать? — напомнила я.

— Я и заберу. После того, как посмотрю тренировку, — ничтоже сумняшеся заявила она.

М-да, как говорится, привороженный не волк, в лес не убежит. А студент по обмену — тем паче. Ну куда он денется? Будет как миленький вместе с Алекс смотреть тренировку и ждать, пока та «освободится» и «заберет» его к себе. А она еще и обставит это дело так, что Вир будет считать себя счастливым, которому несказанно повезло побыть рядом с такой красоткой.

Хотя... Я вспомнила недавнее рукопожатие и усомнилась.

— Адептка Росс! Вы считаете, что если не поделиться мыслью, которая у вас все же сумела зародиться из пустоты, то ваш мозг взорвется? — едко прошелся Мейнхаф, не терпевший на своем занятии нарушений дисциплины.

Я замотала головой, изображая на лице крайнюю степень испуга.

— Не взорвется? — заботливо уточнил Мейнхаф. Нет, все же он тролль, причем целый. — Или не зародится?

Тут с первой парты что-то оглушительно грохнулось на пол. Судя по произведенному шуму — могильная плита.

— Извините, я писчее перо уронил, — невозмутимо отозвался Вир, поднимая с пола то самое перо и... свою сумку. Что он там носит? Булыжник, что ли?

— Хорошо, что не честь и достоинство, — съязвил преподаватель, переключая внимание на альва.

Лекция потекла дальше. Правда, я на шепот Алекс старалась не реагировать. Лишь когда трель звонка пронеслась по коридорам, ознаменовав окончание занятия, я смогла вздохнуть.

— Ну знаешь... — прошипела я, окидывая отнюдь недружелюбным взглядом подругу.

Адепты спешно собирали листы с конспектами, торопясь в лабораторию на практику.

— Извини. — Алекс соорудила скорбную рожицу и надула губки.

— Низ не прокрасила. — Я указала туда, где помада лежала идеально. Так, из вредности.

Алекс тут же полезла за зеркальцем. А пока она пыталась отыскать у себя в макияже изъян, я спокойно собрала вещи и двинулась к выходу. Благо уже почти все одногруппники вышли. Копались только альв и Алекс. Один усиленно делал вид, что его листы не помещаются в сумку, вторая в шестой раз проводила помадой по губам.

— Покинуть аудиторию, — сурово рыкнул Мейнхаф.

Алекс тут же быстренько закончила наводить марафет и устремилась к выходу. Вир неторопливо свернул листы.

Я же не смела задерживать уважаемого преподавателя, полетев навстречу свобо... практике. Уже у дверей мне в спину, словно камень, ударила фраза:

— Адептка Росс, задержитесь.

Я встала как вкопанная, печенкой чуя крупные неприятности. Сзади вскрикнула Алекс. Когда я обернулась, Вир деликатно поддерживал ее за локоток, помогая встать.

— Ой, — так правдиво пискнула подруга, что я поняла — играет. Причем исключительно для одного зрителя.

Мейнхаф выразительно глянул на страдальцу, оставшись чуждым к ее боли. А навернуться с высоченных каблучков однозначно больно, даже если и специально, подготовившись и отрепетировав это самое падение до непревзойденного изящества.

Под пристальным взглядом преподавателя дуэту Алекс-Вир все же пришлось покинуть аудиторию. Странно, что альв красавицу на руках не понес. Меня вон с рынка предлагал, а тут... Может, прикинул свои силы и побоялся уронить и причинить еще больший вред?

Мы остались с Мейнхафом одни. Тяжелый, мрачный взгляд преподавателя из-под густых рыжих бровей давил, выматывал, будто вытягивая из меня энергию, медленно и неотвратно.

Капля за каплей. Я молчала, ожидая первого хода.

— Адептка Росс, вы плохо влияете на Лейрин. — Магистр не разводил политесы. — А касаемо учебы... Выезжаете на знаниях подруги. Знаете, чего я не терплю?

— Нет...

За пять лет я виртуозно научилась изображать кротость и глупость. Во всем: во взгляде, жесте, выражении лица. Вот и сейчас я таращилась на преподавателя, широко раскрыв глаза, в которых замер испуг.

— Бездарности. Но если та хотя бы окупается старанием. А в вас с избытком первого и лишь капля второго.

Я сглотнула. А преподаватель между тем продолжил:

— Я наблюдал за вами все годы учебы и могу сказать: знаний у вас нет. И я приложу все усилия, чтобы диплом вы не защитили.

Я медленно выдохнула. Что же, с одной стороны, я могла собой гордиться. Судя по всему, никто в такой бездарности, как я, не опознает дочь гениального алхимика (а для меня просто мамы) Эбигейл. А это значит, что тени прошлого не накроют собой мое настоящее. С другой же стороны, теперь под вопросом мое будущее. Но до защиты целый год. У меня еще есть время разубедить строгого магистра.

— Зачем вы так говорите? — Я старательно изобразила испуганный лепет, хотя мою душу сейчас раздирали демоны противоречия.

— Предупреждаю. Открыто. Потому что считаю бесчестным бить в спину. Не важно, поступком или словом. А теперь свободны.

Я развернулась на каблуках и деревянной походкой направилась к двери. Все же странный у нас преподаватель. Со своим странным понятием о чести...

На практику я опоздала. Вбежала в лабораторию, когда занятие уже началось. Схлопотала недовольный взгляд невысокой, круглой, как шарик, магессы Оху.

Быстро накинув халат, покрутила головой. Алекс помахала мне рукой, показывая, что заняла для меня место. Выдохнула. Сцепила зубы и пошла к ней. Позже поговорим.

Сегодня на многосоставных зельях задания были индивидуальными. Мне досталось получение эликсира роста. Не самое сложное, но и не из простых.

Прочитав методичку, направилась сначала к полкам (пока адепты все нужные реактивы не расхватали), а затем к вытяжному шкафу готовить.

Вир каким-то неуловимым образом оказался рядом. Я глянула краем глаза в его методичку, по которой альв чуть ли пальцем не водил. «Собрать взрывчатый газ».

И чего тут сложного? Это же одна из простейших реакций. Самое трудное в ней — соединить детали аппарата Кейпа. А там уж... Только залей серную кислоту, добавь цинковую стружку и собирай в приемник, зачарованный специально для газов. Впрочем, глазеть по сторонам было некогда. У меня уже спиртовка горела, и надо было плавить серу.

С заданием справилась быстро. Хотела уже было кинуть в получившееся зелье железной пыли, чтобы оно стало неидеальным, но подумала, что над образом троечницы я уже сегодня усердно поработала. Хватит.

Магесса Оху, как раз подошедшая ко мне, заглянула через плечо и удовлетворенно кивнула. С ее пальцев слетела искра, угодив прямо в колбу, потонула в темно-зеленом растворе, зашипев.

— Вот видишь, можешь же, когда захочешь. — После этих слов преподавательница что-то отметила в своей тетради.

Вир, который к этому времени с горем пополам смог собрать немного газа, удостоился скептически приподнятой брови Оху. Бровь оставалась в таком состоянии ровно до того момента, пока магесса не увидела, как бурлит во втором цилиндре трехъярусного аппарата кислота.

Я успела отскочить еще до того, как Оху зычно, на всю лабораторию, крикнула «заслон». Вир успел выдернуть руки из-под вытяжки шкафа в последний момент. И едва появился прозрачный барьер, отделивший место проведения эксперимента от нас, как за ним бахнуло. Никто, кроме гордости альва, не пострадал. Ну, еще вдребезги разнесло все то, что осталось на рабочей поверхности под вытяжкой.

Магесса смерила Вира полным осуждения взглядом и, поставив неуд, назначила на завтра отработку в лаборатории. Альв выглядел опечаленным, на его скулах на пару секунд даже проступил рисунок-вязь.

Звонок оповестил об окончании практикума. Начался часовой перерыв. Я поспешила в столовую, по пути выяснив у Вира, что ему еще четыре часа заниматься изучением единого имперского. Если честно — порадовалась. Хотя бы время проведет с пользой, а то изображал бы рыцаря при падающей где попало Алекс.

И только в столовой, вдохнув полной грудью вкусных ароматов, я вспомнила, что у меня в кошельке нет ни медьки. К тому моменту с альвом я уже попрощалась, договорившись встретиться у расписания через четыре часа.

Хотела уже развернуться и уйти из столовой с мыслями о том, что голодание полезно для фигуры, как нос к носу столкнулась с Алекс.

— Караулила? — Я изогнула бровь.

— Поджидала, — не стала отпираться та и тут же протянула мне сложенную вдвое лепешку, в которой на листе салата покоились ветчина и сыр, политые сметанным соусом. — Держи, я тебе и себе взяла.

— Спасибо, но нет. — Я отрицательно замотала головой.

— Что сказал рыжий хрыч? — без всякого почтения к Мейнхафу спросила Алекс.

— Правду. И от этого обидно.

— Пойдем, по пути расскажешь. — Она кивнула в сторону входа. Непрошибаемая. Ей же на чистом имперском два раза повторили, что я не хожок на тренировку нашей сборной сегодня...

— Меня ждет оранжерея, — напомнила я.

— Так мы туда и идем.

— Ты же на своих чемпионов опоздаешь, — удивилась я. — Мне два часа отрабатывать.

— Ага. Если мандрагоры пересаживать. А если этому вонючему Гарбо улыбаться, — при упоминании о зрителе теплиц Алекс скривилась, — то час.

— Час? — усомнилась я.

— Не переживай, мы справимся за десять минут.

Мне даже стало любопытно: как? Лично я терпеть не могла Гарбо с его длинными желтыми ногтями и горбом на спине. Но главное — это масляный взгляд старика, который каждый раз будто ощупывал твою фигуру. Но Алекс на такие «дистанционные облапы» было плевать.

Едва мы зашли в оранжерею, как она защебетала, старательно хлопая ресницами и через раз вставляя: «О, эйр Гарбо. Вы такой...» Далее можно было составлять словарь восхваляющих эпитетов.

Я же в кольчужных перчатках мрачно рассаживала бандук: растеньице мелкое, но дюже кусачее. Его высушенные листья использовали в тонирующем зелье. Если, конечно, их удавалось сорвать, сохранив при этом пальцы.

Алекс стояла чуть в отдалении и, накручивая черный локон на палец, беззастенчиво флиртowała со стариком. А спустя четверть часа и тонну улыбок подруги я услышала скрипучее:

— Остальное я сделаю сам, эйра Росс. Вы свободны.

Не поверила своим ушам: чтобы вредный Гарбо и отпустил? Не выпив пинты крови? Не

ущипнув? Не вымотав пару ярдов нервов? Да быть такого не может! Я от неожиданности даже на несколько минут забыла, как язвить. А это, между прочим, у меня врожденный рефлекс! И подавлять его обычно стоило невероятных усилий.

— Что ты ему наплела? — выйдя из оранжереи, потрясенно спросила я.

— Ну, что я очень за тебя переживаю...

— И поэтому он меня отпустил? — Я не поверила ни на унцию.

— Еще, что эта отработка назначена тебе несправедливо, и ты... чуть-чуть беременная, а эйрам в положении не стоит...

— Что?! — воскликнула я, резко затормозив.

— Ну чего такого? — удивилась Алекс. — Сегодня беременная, завтра уже нет. Это же не пожизненная болезнь. И не потерянный глаз или запечатанный дар. В том, что твое положение может измениться как туда, так и обратно, нет ничего особенного. Не переживай! Главное, тебе отработку поставили и нас отпустили!

— Таким способом я могла и сама отбрезаться, — рассердилась я.

— Сама? Да даже если бы ты начала рожать, не факт, что Гарбо тебя освободил бы. Я этого урода и так умасливала четверть часа, старалась, располагала. Лучшие свои улыбки на него тратила, чтобы он проникся и разомлел! Вошел в твое положение...

Вошел в мое положение? Представив беременного Гарбо, я залилась смехом, не в силах больше злиться на Алекс. К тому же она права. Обычно от отработки откосить не удавалось даже тем, кто был в лазарете. Складывалось впечатление, что, даже вздумай адепт помереть, Гарбо наймет некроманта и заставит отбывшего за грань отрабатывать повинность в оранжерее. А потом проставит отработку и упокоит обратно. Лопатой.

Пока я размышляла, Алекс целеустремленно тащила меня за руку к стадиону.

Когда мы пришли, то оказалось, что на скамейках болельщиков сегодня на удивление много адептов. Ну и адептов тоже, само собой. Ведь где симпатичные девушки, там обязательно и парни заведутся. Так же, как заводятся тараканы в едальнях нерадивых хозяев, — моментально.

Участники команды уже размялись. Я поняла это по лоснящимся от пота обнаженным спинам парней. Вообще-то у них была форма. Но сегодня — то ли чтобы покрасоваться, то ли чтобы поймать последние теплые лучи — они все были в одних штанах.

Болельщицы это оценили. Очень оценили.

Шестерка игроков по громобою. Сильных, поджарых. Взгляд сразу выхватил альва. Варлок. Он был не столь накачанным, как остальные. Но в его жилистом теле чувствовалась скрытая мощь. Литые мышцы под бронзовой кожей, что перекачивались при каждом рывке, росчерки старых шрамов — он был однозначно опасен. Очень опасен. И татуировки: руны на спине. Древние руны, дающие силу, но и способные отнять жизнь у тех, кто решился их нанести, но оказался слаб духом.

Алекс рядом сглотнула, впившись взглядом в альва. Она неотрывно следила за каждым его движением. Даже губу закусил.

Варлок резко обернулся, словно почувствовал ее взгляд. Его зеленые глаза, внимательные, цепкие, смотрели прямо на нас. Острый взгляд, в котором на миг мне почудилась... насмешка. А потом и вовсе произошло удивительное: Варлок подмигнул и отсалютовал двумя пальцами.

— Он обратил на меня внимание! — Алекс захлопала в ладоши и замахала рукой в ответ.

Но альв, стремительно развернувшись, этого уже не увидел. Я не была столь уверена в том, что жест предназначался именно Алекс. Вон сколько девушек на стадионе. Но королеве академии не пристало сомневаться.

А мне... Мне впервые не было жаль ее жертву.

Раздался сигнал гонга, и маги распределились по полю. Судя по всему, сегодня будут играть трое на трое, без страхующих. Варлок и рыжий атакующий — кажется, Стрела — встали друг

напротив друга, будто зеркальные отражения.

Лица альва я не видела, а вот его противника смогла рассмотреть хорошо. Заметила ухмылку, скользнувшую по губам Стрелы. Он что-то сказал. Короткое и, судя по всему, хлесткое. А потом протянул открытую ладонь остроухому. Варлок пожал ее, и противники разошлись в разные стороны поля.

Когда альв приблизился к игрокам своей команды, он что-то им сказал. Барьерный и фланговый согласно кивнули.

А через несколько секунд тренер, стоявший ровно в центре, достал пространственную шкатулку. Она была небольшой, длиной с полторы ладони, и тряслась в сильных жилистых руках мага, будто ее изнутри раздирали демоны. Мужчина откинул крышку, и из недр шкатулки вырвалась ослепительно-яркая искра, свечкой устремившись ввысь. И уже там, в паре десятков ярдов над землей, она превратилась в здоровенную шаровую молнию.

Зависла, словно дразня игроков. «Поймай меня, если сможешь», — будто шептал этот сгусток чистой энергии, переливаясь всеми оттенками белого: от нестерпимого, режущего глаз до манящего своей глубиной льдистого. Пробегающие вокруг сферы сполохи потрескивали, давая понять, что молния не так уж и безобидна. Она могла покалечить, а то и убить неподготовленного мага. Или просто слабого, неспособного выставить хорошую защиту.

— Три. Два. Один. Бой! — Слова тренера произвели эффект разорвавшегося пульсара.

Болельщицы в едином порыве завизжали. Адепты засвистели, распаляя азарт (свой или игроков — не суть важно). Но шестерке, что сейчас находилась на поле, было не до них.

Двое барьерных, стоявших в углах по диагонали друг напротив друга, почти синхронно сплели щиты. Только тот, кто был в команде Стрелы, кинул заслон, защищая своего капитана от атакующего аркана. Не зря. От столкновения этих двух заклинаний раздался гром. Будто молния рядом ударила.

У Варлока же угловой и не думал прикрывать своего капитана. Его зеленый щит распростерся над головой флангового, который в этот момент плел еще один атакующий аркан для Стрелы.

Альву, казалось, и вовсе было наплевать на такую ерунду, как щит. Хотя пульсары и фаерболы, которыми щедро поливали Стрела и фланговый соперников, были, на мой взгляд, лишь условно несмертельными. То бишь слови такой подарочек дракон — он, может, и не выжил бы с дырой в шкуре. А вот за остроухого не ручаюсь. Хотя случись Варлоку все же встретиться с огненным шаром, сдается, то была бы самая дорогая горстка пепла, которую знавало это поле.

Но остроухий не зря считался лучшим игроком. От пульсаров форварда он просто отмахнулся, как от мошкары, используя заклинание огненной руки. От атаки Стрелы уклонился, разминувшись с одним из фаерболов всего на пару дюймов. И все это под громовые раскаты сталкивающихся друг с другом заклинаний.

При этом Варлок не прекращал движения к цели — шаровой молнии. И если первые шаги он сделал по земле, то потом, резко оттолкнувшись, взмыл в небо.

Абсолютная левитация — мастерство, которым владеют немногие. Обычно для того, чтобы подняться в небо, требовался либо воздушный корабль, либо грифон, либо на худой конец длиннющая прелюдия в виде заклинания и пентаграммы. А чтобы в одну секунду устремиться ввысь выпущенным арбалетным болтом...

Стрела так не смог. Ему понадобилось две секунды, сложный пасс и активация накопителя — здоровенного амулета, который в виде браслета закрывал чуть ли не треть предплечья, — чтобы взмыть вслед за Варлоком.

Зато под прикрытием щита своего барьерного рыжий смог пустить в спину альва ледяное копье.

Остроухий, словно почуяв опасность, уклонился в последний момент. Полупрозрачная пика ушла в облака, все же потребовав с альва кровавую дань — располозовав плечо.

— Грязно! — Алекс, стоявшая рядом, возмутилась вслед за остальными выходкой Стрелы.

Болельщицы негодовали. И не то чтобы это было бесчестно... Но и благородства в поступке рыжего было ноль процентов. Хотя лозунг ректора «победить любой ценой» его атаку вполне оправдывал.

Альв на долю секунды завис в воздухе, развернулся к сопернику и, будто зачерпнув из воздуха пригоршню огня, швырнул ее в Стрелу. Та полетела к жертве, на ходу увеличиваясь в размерах.

Рыжего от огненного шквала, спустившегося свыше, спас щит, который держал его барьерный. Вот только самого барьерного прикрыть было некому. Этим и воспользовался фланговый Варлока. Щупальца тьмы дикими духами устремились к нему. Они летели через поле, оставляя за собой шлейфы чернильного тумана и страха. Секунда — и они уже спеленали барьерного, защищавшего своего рыжего капитана.

— А-а-а! — завизжали болельщицы.

— Так его! — слышалось от поборников честной игры.

— Давай, мой монстр! — крикнула в экстазе Алекс, обращаясь, видимо, к Варлоку.

У Стрелы остался лишь фланговый, который тут же ощерился целым веером атакующих заклинаний. Вот только теперь направлены они были не на Варлока, а на его команду.

Стрела и альв остались один на один.

Шаровая молния зашипела и, будто выпущенная из пращи, устремилась в сторону рыжего.

Стрела, к которому победа сама шла в руки, улыбнулся. Он совершил привычный пасс, и из его ладони полился свет. Только так можно было взять шаровую в руки. Стрела потянулся к ней. Секунда — и он схватил бы ее.

Но в последний миг Варлок настиг молнию. Удар по сгустку чистейшей энергии с обеих сторон получился синхронным. От грохота у всех на стадионе заложило уши. Мне даже показалось, что шаровая молния, с которой такое происходило впервые, сплюснулась. А воздушная волна отдачи прокатилась по всем зрителям так, что кое-кто даже пошатнулся. Ветер ударил мне в лицо, растрепал волосы, а полы легкого, незастегнутого плаща распахнулись.

Варлок, чье лицо в свете шаровой молнии казалось мертвецки бледным, коварно усмехнулся, глядя прямо в глаза сопернику. И из его ладони, прошив шаровую молнию, в Стрелу полетел разряд. Рыжий потерял концентрацию, его отбросило вниз и протащило по земле на спине головой вперед так, что он вспахал собой поле. Что же, альв показал, что тоже умеет играть жестко.

Шаровая молния зашипела, словно силясь удрать от Варлока, но тот сжал пальцы, и сгусток энергии уменьшился до размеров искры. Стал точно таким же, как в тот миг, когда распахнулась крышка шкатулки.

— Вот это игра, — восхищенно прошептала Алекс, когда альв опустился на землю, держа в руке молнию.

— Так себе, — из чувства противоречия возразила я. — Всего-то сорок минут. А иногда игроки за этим шариком по два часа гоняются по полю, перманентно пытаются убить друг друга.

Вообще-то я кривила душой. Игра хоть и вышла короткой, зато зрелищной. Интересно, если это всего лишь тренировка, то что же будет, когда наша команда выйдет в финал? В том, что она там окажется, я даже не сомневалась.

Алекс призывно встряхнула головой и, приняв самую соблазнительную позу, помахала кому-то рукой. Я обернулась, чтобы узреть, кто же тот счастливчик, удостоившийся милости первой красавицы академии.

Варлок. Кто бы сомневался. Вот только лицо альва отчего-то не выражало безграничного восторга. Хотя, может, у остроухих за оное считается непрошибаемая каменная мина?

Алекс, поняв, что ее знаки внимания постигла участь стрел, врезавшихся в крепостную стену, демонстративно гордо отвернулась. Она мельком глянула на наручный браслет с хроносами:

— О, у меня еще есть два часа до того, как забрать альва. Может быть, пройдемся по магазинам?

Вопрос, ответ на который не подразумевал возражений.

— Конечно. — Я и не подумала отнекиваться. — Мне как раз нужно зайти в рыбную лавку за селедкой и забрать в строительном фургончике два фунта гипса для дяди Морриса. Как раз успеем все купить, отнести ко мне домой и вернуться.

Врала я так искренне, что даже Алекс, знавшая меня как облупленную, поверила.

— Мне же к швее заскочить нужно, примерить платье для осенних танцев! — внезапно вспомнила она.

Демоны! И как я могла забыть про ту традиционную вечеринку? До уровня университетского бала по градусу официоза она не дотягивала, а по разгулу уступала пляскам в таверне. Весьма уступала. А ведь в этот раз Алекс наверняка меня на осенние танцы потянет. Какую бы причину придумать, чтобы не подписываться на сие сомнительное мероприятие? Но, увы, для Алекс даже моя смерть не будет веской причиной, чтобы туда не заявиться. Хотя деревянный бушлат уж точно будет самым экстравагантным нарядом на празднестве.

Тут до нас долетел крик тренера, который, жестикулируя, втолковывал игрокам:

— Вот как надо играть! Как Варлок! Чтобы всю нашу сборную хотелось дисквалифицировать. Пожизненно. За использование запрещенных чернокнижных зелий! Хотелось! Но не моглось! Тарий, для тебя повторяю отдельно: не моглось! — И тренер ткнул пальцем в того самого флангового, которого спеленала тьма.

ГЛАВА 4

Алекс еще раз стрельнула глазками в сторону сборной, поправила и без того безупречную прическу и, договорившись со мной встретиться через два часа у расписания, летящей походкой проскользила мимо трибун.

Ее фигуру провожала взглядом добрая половина парней. Но когда я обернулась к полю, то увидела, что Варлок, в отличие от остальных, пристально смотрит на меня.

Прищуренные зеленые глаза внимательно изучали, будто оценивали. Уже без высокомерия, а скорее задумчиво. Словно прикидывая, на что я могу сгодиться.

Стало неудобно. Очень. Так, что я поежилась и поплотнее запахнула плащ. А потом и вовсе развернулась и поспешила прочь со стадиона.

Двух часов должно было хватить, чтобы наведаться в библиотеку. Алекс считала меня, мягко говоря, не самой умной адепткой университета. Разуверять ее в обратном не было никакого желания. Потому я и сочинила про рыбную лавку, зная о нелюбви подруги к специфическим запахам.

В книжной обители я бывала часто и с библиотекарем Поллет Пейтор — невысокой, румяной, как сдобная булочка, и общительной эйрой — была хорошо знакома. Благо она понятия не имела о моих оценках и считала, что перед ней просто старательная и бедная адептка. Ну и немного прогульщица. Ведь если посещать все лекции, то и надобность в библиотеке возникает редко.

Я же приходила регулярно. Правда, для конспирации заглядывала в разные отделы. Но эйра Поллет никогда не следила за мной.

Сегодня я тоже сказала, что меня интересует материал для доклада по полуразумным тварям песчаной долины.

Библиотекарь предложила помочь мне в поиске и уже потянулась к колокольчику, чтобы вызвать духа-хранителя формуляров и каталогов, но я улыбнулась и заверила, что сама все найду. Мы мило поболтали пару минут, после чего я отправилась в шестой сектор. Побродила для вида между стеллажами и тихонько перебежала в тринадцатый — некромантии и магии крови.

Вообще-то в тринадцатый сектор редко заходили, разве что иногда заглядывали старшекурсники с темного факультета. Здесь находились книги, которые никогда не выносились из зала, а страницы каждого фолианта были зачарованы от порчи, вырывания и копирования. И это у самых безобидных экземпляров. Опасные фолианты и вовсе не открывались тем, чей уровень дара низок. Пришлось снять кольцо. Сила, до сего момента сдерживаемая, тут же забурилась. Я сжала кулаки, загоняя ее поглубже.

Нужная книга неохотно далась в руки. По корешку прошла рябь недовольства: мол, хватают тут ее, почтенную, всякие пигалицы.

Порог дара был придуман для опасных фолиантов не случайно. Описываемые в них ритуалы были способны просто-напросто убить слабого мага, решившегося их провести. Конечно, секретов, что могли бы навредить не адепту, а, скажем, всей империи, в библиотеке не водилось. Но вот фрагменты... Обрывки, осколки, фразы между строк...

Да, тут нельзя было найти прямого ответа на мой вопрос, но вот подсказку... Тем более моя мама в свое время тоже училась здесь. И, возможно, так же, как и я, держала в руках фолиант «Кровь. Сила. Омоложение. Старение. Изменение» Фонгрофа Морка.

Книга была старой и тяжелой. Ее я читала уже с неделю. Выписывала некоторые формулы. Конечно, я не занималась ничем запретным, закон не нарушала. Но... мой странный интерес мог бы вызвать множество вопросов у посторонних. А мне эти самые лишние вопросы были ни к чему. Посему я, взяв творение эйры Морка, нацепила на него заранее приготовленную обложку «Секреты красоты. Как влюбить в себя без приворота и дубины» и вернулась в шестой сектор. Там поудобнее расположилась прямо на полу, достала лист, остро отточенный карандаш и, открыв книгу, начала читать, делая пометки на бумаге. Не заметила, как увлеклась.

— А я тебя искал, Нар. — Голос заставил меня подорваться, захлопнуть книгу и уже только потом вскинуть голову.

Эштон Флетчер. Невысокий, со светлыми русыми волосами, Эш, как и я, был выпускником. Правда, факультета целителей. С небольшим уровнем дара и большой стеснительностью, из-за которой постоянно сутулился. С ним я познакомилась в лечебнице год назад, когда мы проходили практику по восстанавливающим эликсирам.

Его взгляд упал на обложку, и я тут же прижала книгу к себе, изображая крайнее смущение. Встала, одернув юбку, и обняла книгу обеими руками. Эш отчего-то нахмурился. Поджал губы, словно собираясь с духом, и наконец спросил:

— Нари, я хотел узнать... Тот альв, с которым ты сегодня под руку пришла в университет... Он твой парень?

Мне показалось, что я ослышалась. Я ожидала какого угодно вопроса. Но не этого.

— Прости?

— Ну, вы...

По тому, как начал сглатывать Эш, подбирая слова, я поняла, что все расслышала правильно.

— Что? О, ты в этом смысле... Нет, конечно, нет! Что за глупость? Это адепт по обмену. Его должна была встретить вчера Алекс и не смогла... Поэтому... — Я старательно захлебывалась словами, изображая смущение, как и положено скромной эйре.

— А... — глубокомысленно протянул Эш и, кажется, расслабился. А потом расправил плечи, вскинул голову и решительно произнес: — Знаешь, Нари, сегодня, когда я увидел тебя с тем альвом, то понял, что могу упустить свой шанс. И если не скажу этого сейчас, то наверняка пожалею... — Он набрал в грудь побольше воздуха и выдохнул: — Ты пойдешь со мной на осенний вечер?

Вот он, мой предлог, чтобы не охотиться весь вечер с Алекс за Варлоком! А она именно этим и займется через неделю на танцах. Но я не успела додумать полезную мысль до конца, как из-за спины раздался насмешливый, чуть ленивый голос с легким акцентом:

— Я бы не соглашался на это весьма сомнительное предложение.

Я медленно повернулась. Вот помани демона, он и явится.

Да чтоб этому альву прилечь отдохнуть! Желательно — на монорельсовую дорогу, когда впереди маячит пассажирский вагончик. Но нет же. Стоит здесь, кривит губы в ухмылке, облокотившись на один из стеллажей.

— Позвольте, эйр Не-Знаю-Как-Вас-Зовут, я сама буду решать, чье предложение сомнительное. — Последнее слово выделила особо, давая понять, что речь идет о совете альва. — А на чье стоит ответить согласием. — Я постаралась не выйти из образа тихони.

Судя по тому, как блеснули глаза Варлока, не сказать, что мне это удалось. Хотя, может, он просто привык, что все девицы в возрасте от семи до семидесяти смотрят на него взглядом влюбленной овцы и не смеют перечить?

— А я думаю, что ты прекрасно знаешь мое имя. — Остроухий скрестил руки на груди. — Всего час назад вы с подругой так самозабвенно кричали на трибунах, так болели за мою команду и меня...

— Засохни, гербарий, — не выдержала я.

— А проклятия посущественнее у тебя нет, малышка? А то это «засохни» столь невинно, что даже оскорбительно... — откровенно издевался Варлок.

Сила, откликаясь на мое раздражение, забурлила, просясь наружу, словно нашептывая, что один ма-а-аленький пульсар размером с магомобиль самодовольному остроухому точно не повредит. А лучше — два.

Вот демон раздери! Все же у малого дара есть преимущества: даже когда хочется убить кого-то — не всегда может. А тут... И искушение сильное. И кольцо, как назло, в сумке лежит...

— Кхе... — кашлянул Эш, напоминая о себе. — Нари, может, пойдём отсюда?

Я бы очень хотела убраться подальше от альва, но была одна проблема — книга. Надо было

вернуть ее в тринадцатый сектор. Но не на глазах же у свидетелей?

— Спасибо, но мне еще кое-что нужно доделать. — Я постаралась, чтобы мой ответ звучал как можно мягче.

Целитель помрачнел, зло глянул на альва, развернулся и пошел прочь. Он уже был в десяти ярдах, когда я вспомнила, что так и не ответила на приглашение, набрала побольше воздуха в грудь, чтобы крикнуть вслед:

— Эш, я согла...

Щелчок пальцев — и мой язык онемел. Целитель, так и не обернувшись, ушел.

Я бросила взгляд на самодовольного альва. Заклинание немоты — простое, но требует минимум пяти единиц потенциала. Я вложила двадцать, благо была без кольца.

Заклинание разрушилось вмиг, шарахнув в альва откатом. Он даже слегка пошатнулся.

— Ого, малышка, впечатляет.

— Я. Не. Малышка.

Этот Варлок меня сейчас так бесил, что я даже его не боялась.

— Тогда скажи мне свое имя, малышка. — Альв явно нарывался, как будто был бессмертный. Два раза бессмертный.

Я окинула поджарую фигуру остроухого задумчивым взглядом и протянула:

— Смотрю на тебя и думаю, что безумно... — последнее слово произнесла на выдохе, опустила ресницы, стрельнув глазами не хуже Алекс, и продолжила: — Просто безумно хочу пригласить тебя выпить... Скажем, настойки белладонны, для верности приправленной цианистым калием.

— И это в благодарность за то, что я не дал совершить тебе большую глупость? — Варлок улыбнулся, но то была одна из тех улыбок, которых стоит бояться больше, чем готовой напасть змеи.

— Глупость?!

Я сама не заметила, как отняла одну руку от книги, которую держала у груди.

В сжатом кулаке начал зарождаться пожар. Луч — символ алхимиков. Его иногда изображали как стрелу с точкой в основании. И не зря. Этот дар мог приносить как пользу, соединяя несоединимое, переплавляя, разделяя на атомы нерушимое, так мог и убивать.

— Конечно. — Альв и ухом не повел, хотя прекрасно видел, что от меня скоро в прямом смысле икры полетят. — Глупость соглашаться на предложение того, кто не способен ни добиваться тебя, ни защитить твою честь. А меня откровенно бесят такие недомужчины, как твой Эш.

— Какого тролля? Ты хотя бы думаешь, что несешь?

— Он удрал с поля боя, хотя я даже не бросил вызов. Этот трус оставил тебя наедине со мной.

— Я сама сказала, что...

— Девушку, которая нравится, — перебил альв, — категорически нельзя оставлять без присмотра. Ведь к ней тут же начнут присматриваться другие. И убери ты уже этот луч смерти. Он меня раздражает! — рывкнул остроухий, кивком указав на мою руку, которая вся превратилась в первородный свет. Аж манжет на платье обуглился.

— Непрошибаемого Варлока что-то да бесит? — насмешливо спросила я.

— Все же знаешь, как меня зовут. — Он самодовольно растянул губы в улыбке.

— Хотя хотелось бы забыть, — парировала я.

— Зачем тогда приходила на мою тренировку? — Обличительный тон альва можно было использовать вместо анестезии или кувалды — это уже от области интересов зависит.

— Меня подруга «пришла».

— А, та брюнеточка... — протянул Варлок, делая вид, что припоминает. — Занятная.

— Вот если для тебя она занятная, то ею и займись. Алекс будет не против. Королеве академии нужен король. Ты... — Я окинула Варлока оценивающим взглядом, как поношенное платье за три медьки в лавке старьевщика: стоит ли такое брать, можно ли будет носить? — Вполне ей сгодишься. А меня оставь в покое.

— Нет, — лениво протянул альв. — С твоей подругой, хоть она и красotka, будет скучно, сложно и капризно. Хотя, может, в определенных ситуациях и темпераментно... — Намек был столь толстым и пошлым, а ухмылка — столь откровенно недвусмысленной, что горящая рука сама собой замахнулась для пощечины.

Увы, лицо альва, так и просившее, чтобы по нему съездили, осталось целым.

Мое запястье перехватили прямо на подходе. Варлок на миг поморщился, и в ту же секунду я ощутила, как его пальцы стали ледяными. Да что там ледяными — вокруг них клубился смертельный холод, вился синим дымом, вымораживая все вокруг.

Альв резко притянул меня к себе. Так, что между нами оказалось лишь творение Фонгрофа Морка.

— Не провоцируй меня, малышка. — Вкрадчивый шепот проникал, казалось, в само сознание.

— Не беси меня, остроухий, — в тон ему прошипела я.

Мы так и замерли друг напротив друга, глядя глаза в глаза. Секунда. Час. Вечность. Не знаю, сколько мы бы так простояли, дыша через раз и не шевелясь, если бы не окрик эйры Поллет.

— Молодые люди, здесь библиотека, а не дом свиданий!

Я попыталась тут же отскочить, погасить пламя и сделать вид, что вообще ничего не было. Но Варлок вобрал силу льда на секунду позже, и кожу на моем запястье обожгло холодом.

От неожиданности я разжала вторую руку, и здоровенный фолиант точнехонько приземлился на ногу альву. Жаль, не два раза. И только после этого повернулась в сторону звука. Варлок, шипя сквозь зубы, поднял книгу и тоже заозирался.

Никого!

Между тем из соседнего сектора донеслось:

— Как вам не стыдно! Посреди белого дня! Эйр Шасс, эйра Монгланисия, я вынуждена доложить ректору.

Послышались оправдания и удаляющийся звук каблуков эйры Поллет. А следом за ним шепот: «Лина, ты куда? Да не бери в голову!», шорох ткани и пощечина.

— Отдай, — тихо прошипела я, когда поняла, что возмущение эйры Поллет не по наши души.

— И не подумаю. — Альв с интересом глянул на обложку, потом поднял книгу так высоко, что единственным способом достать ее стало подпрыгнуть. — К тому же, может, я тоже хочу знать, как влюбить в себя без приворотов.

— Влюбить парня? — уточнила я. — Книга вообще-то для девушек.

— Извинись — и отдам.

Нет, определенно в детстве, когда этого альва аист нес к родителям, он его не только ронял с дюжину раз, а еще швырял, подкидывал и пинал.

— Извиниться? За что? — опешила я. — За то, что оскорбил мою подругу?

— Нет. За то, что ты была неблагодарной. Я же помог тебе не совершить глупость. А брюнетка тебе и вправду подруга?

Я вспомнила, как четыре года назад, еще на первом курсе, когда мы с Алекс только познакомились, один парень начал ухаживать за мной. Я тогда была наивная, как незабудка, и верила в любовь.

Зато когда выяснилось, что все эти букеты и прогулки по вечерам — всего лишь способ побольше узнать об Алекс... Что же, разочарование делает нас сильнее, циничнее и позволяет лучше разбираться в людях.

Я не хотела говорить об этом Алекс, но она все равно каким-то непостижимым образом оказалась в курсе. И отомстила. Причем так, что никто не догадался, что она к тому причастна. Парня вышибли из общежития, ему грозило отчисление и застенки за контрабанду звездной пыли, найденной у него. Но он успел перевестись в какой-то захолустный университет.

— Да. И если хочешь подкатить к ней, то лучше напрямую, а не через меня, — процедила я.

— Я не страдаю повышенной стеснительностью. И к той, которая мне понравится, подойду сразу, не ища окольных путей.

М-да... Представить Варлока мнущимся, краснеющим и мямлящим «не хочешь ли ты пойти со мной на танцы» я не смогла бы, даже лежа в бреду от красной гнили. Скорее наглый альв просто ткнет пальцем в понравившуюся ему девушку и поманит за собой. А «избранница на вечер» пойдет за ним, как сомнамбула, еще и будет сиять счастливой до одури улыбкой.

— А теперь... Умный, красивый, остроумный, сногшибательный, честный, бескорыстный, интересный, уверенный, сильный, одаренный и самокритичный... — обогатив словарь эпитетов альва, я требовательно протянула руку и по слогам отчеканила: — От-дай. Мне. Кни-гу!

— Рад, что ты прониклась моими талантами, но я жду извинений.

Больше всего мне хотелось сейчас не извиняться, а убивать, но я все же совершила акт насилия над собой и прошипела: «Прости».

Как ни удивительно, но Варлок протянул мне книгу. И именно в этот момент маскировочная обложка съехала, обнажив фамилию автора «Крови».

— Фонгроф Морк? Не припомню у почтенного чернокнижника трактатов по соблазнению, — задумчиво протянул альв, на миг утратив маску самоуверенного засранца.

— Однофамилец, — отрезала я и молниеносно цапнула книгу. — И вообще, что ты здесь делаешь? Ты же вроде надежда нашей сборной и должен тренироваться.

— Не надежда, а ценное приобретение. Разве запрещено ценным приобретениям тянуться к знаниям?

— Нет, но запрещено обогащать эти знания, суя свои носы в личные дела других.

— Язва.

— Хроническая, — не стала спорить я. — Так что с тобой, идеальным, нам не по пути.

— А ты малышка с характером...

— Я не малышка. Я Нари! Для тебя Найриша Лонтор Ирнур Контариа Росс! — выпалила я свое полное имя.

Именно так дядя записал меня как свою племянницу в семейном свитке. Надо сказать, при поступлении имя сократили до Найриша Л.И.К. Росс, а затем из ведомостей и вовсе исчезла аббревиатура. Но сегодня было дело принципа!

— Ну Най так Най... Еще увидимся, — ухмыльнулся Варлок и прошел мимо меня, тихонько насистывая, как будто ничего и не было.

Обессиленно прислонившись к стеллажу, я смогла с облегчением выдохнуть. Кажется, пронесло. Но если до этой феерической встречи я альва просто опасалась, то теперь еще и откровенно хотела его придушить!

Глянула на наручные хроносы и ахнула: я же почти опаздываю к Виру! Поспешно забежала в тринадцатый сектор, вернула злополучную книгу на место. Хватит на сегодня. Вытащила из сумки кольцо и надела. Теперь все. Пора сдавать моего альва Алекс и наконец заниматься своими делами.

К расписанию я успела как раз вовремя. Сидевший на подоконнике Вир встал и заулыбался.

— А нас отпустили немного пораньше, — пояснил он. — Я думал, что язык альвов и древний драконий сложны. Так вот, теперь я могу сказать, что имперский — ничуть не проще. Одна непостижимая литера «ЫХ» чего стоит. А смягчающий апостроф? И как вы держите в уме все правила вашего языка: склонения, спряжения, исключения, ударения? Знаешь, мне кажется, что ваш язык настолько суровый, что не я изучаю его, а он меня.

— Не переживай, тут главное — практика, — попыталась я утешить остроухого, взглядом ища Алекс.

— То же самое мне говорил друг, когда в двенадцать лет я просил объяснить мне теорию поцелуев. — Вир так подкупающе улыбнулся, что я не смогла не ответить тем же.

— А друг намного тебя старше? — с любопытством спросила я.

— На целую вечность длиною в год и три дня, — не стал скрытничать альв. — Ему тогда было уже тринадцать, и у него имелась настоящая девушка. Целую неделю он провожал ее из школы до дома... Но потом она ему изменила: разрешила нести свою сумку с учебниками другому.

Я наконец заметила в другом конце зала черноволосую макушку Алекс, которая остановилась с кем-то поболтать. Вир ее тоже увидел и... проигнорировал, повернулся ко мне.

— Нари, я сегодня узнал, что у вас скоро будут осенние танцы, — сказал он. И, сжав в руке висевший на шее переговорник так, чтобы тот не переводил, старательно выговорил на имперском: — Ты пойдешь со мной?

Его рука разжалась, отпуская пластину переводчика.

Я закрыла лицо рукой, пряча улыбку.

— Это значит нет? — услышала я разочарованное.

— Извини, просто у тебя... удивительный акцент. — Я постаралась подобрать самую обтекаемую форму эпитета «ужасный».

А потом подумала, что Вир ничуть не хуже Эша в качестве заслона от вышедшей на брачную охоту Алекс. К тому же уж точно решительнее. Я на всякий случай огляделась по сторонам: не притаился ли где поблизости Варлок со своим «я бы не соглашался на это весьма сомнительное предложение». Мало ли! Но популяция остроухих в ближайшем радиусе ограничивалась одним Виром.

— Это значит «а почему бы и нет?», — лукаво улыбнулась я. И произнесла однозначный ответ: — Да, пойду.

— Отлично, — выдохнул альв. — А то мне бы пришлось придумывать дюжину причин, почему ты должна согласиться.

— Интересно было бы послушать... — с намеком протянула я.

— Причина первая: в империи я знаю тебя лучше всех. Ну, еще преподавателя по имперскому языку, с которым провел сегодня целых четыре часа тет-а-тет. Но, боюсь, престарелый эйр не оценил бы моего приглашения... — задумчиво пробормотал альв.

Я прыснула.

— Над чем смеемся? — Алекс бесцеремонно вклинулась в наш разговор.

— Алекс! Ты внезапна, как кусок паркета в вечернем чае!

Тут я, конечно, слегка покривила душой: все же подругу я давно заметила. Но объяснять ей причину веселья, а тем паче сообщать, что на охоту за Варлоком ей придется идти одной... Увольте! Зачем очаровательной девушке портить отличное настроение? Тем более что беззащитная, но злая Алекс способна и голыми руками убить. Даже если на тех — невысохший маникюр.

Лучше уж сначала ее морально подготовить к неприятной новости. А то мало ли. Между тем ничего не подозревающий альв улыбнулся Алекс. Та в ответ щедро одарила его своим сиянием. Я тихо постояла в тени одного. А потом мы вместе двинулись в сторону моего дома.

Выселение прошло на удивление быстро и мирно. Хотя я внутренне уже готовилась к очередной каверзе судьбы. Но нет, альв шустро собрал свои вещи и еще стремительнее ретировался. Я уже хотела захлопнуть за Алекс с Виром дверь и отправиться к себе, но тут из-за угла раздался шепот:

— Нари, ты пока не разделась, вынеси мусор!

Я обернулась. Из кухни высунулся Матеуш и, оглядываясь по-воровски, протянул мне кастрюлю. У его ноги глазами, в которых застыли безграничные скорбь и отчаяние, замер рыжий кот.

— Выкини, пока Тай не видит. А то она нас заставит это есть.

Глянув в кастрюлю, я заметила в вареве шляпку мухомора, сколопендровый листочек, какую-то мелкую взвесь, больше всего напоминавшую порошковую серу... Мелькнула мысль продать это как отраву для тараканов: столь ядреным супчик был даже на вид.

Больше не говоря ни слова, я схватила кастрюлю и устремилась к выходу. Сейчас был как раз тот случай, когда спасение моего желудка было в моих руках.

Выбежав из дома, я под недоуменным взглядом Вира припустила к мусорным кадкам. Вслед раздался понимающий смешок Алекс, которая не раз лицезрела мои забеги с кастрюлькой. Когда же возвращалась из своего опасного рейда, то увидела, что эти двое все еще стоят на том же самом месте и никуда не ушли.

— Вы тут корни решили пустить? — удивилась я.

— Нет, мы осознали, что не сможем спокойно ужинать, зная, что сегодня у вас на кухне очередной раз практикум по абсолютным ядам. Поэтому ты идешь с нами.

— Но кастрюля... — растерялась я.

— Я ее понесу. — Альв с таким невозмутимым видом взял ее из моих рук, словно это был учебник.

Вот так вчетвером — я, Вир, Алекс и кастрюля — мы и заявили в особняк подруги. По сравнению с моим домом то был дворец. Да что там с моим... По сравнению со многими престижными домами столицы тоже.

Нам навстречу тут же выскочил здоровенный лохматый волкодав. При виде альва он настороженно рыкнул. Мол, я на этой выставке главный экспонат, если некоторые ушастые не поняли.

Пироженка, а именно так подруга в свое время назвала пушистого умильного щенка, сейчас тянул на целый торт. Свадебный. Тот, который выкатывают на тележке в зал к гостям, поскольку на руках такой не внести. А внутри сего кондитерского апогея может поместиться все что угодно. Хотя бы и один остроухий в полный рост.

Вот только пес хоть и напоминал пушистое облако, но был отнюдь не столь безобиден, как его кличка. Альв оценил. Проникся и сделал шаг назад. Так, на всякий случай.

Подруга цыкнула на Пироженку и тут же, что-то щебеча, потащила Вира на второй этаж — показывать его комнату. Я поплелась следом. Не потому, что мне было интересно, в какой именно спальне разместится остроухий, а исключительно по причине того, что не могла надолго расстаться с кастрюлей. Ее Вир все еще прижимал к своему боку.

Что ж, апартаменты, которые семья Алекс выделила гостю, были просторны и со вкусом обставлены. А такие мелочи, как магография знаменитого альвийского озера или книга на полке на родном языке остроухого, говорили сами за себя — здесь к приезду Вира готовились.

— Ты располагайся, а мы будем ждать тебя внизу. — Подруга умело показала, что она отличная хозяйка: предупредительная, но не навязчивая. Знает, когда гостю стоит дать побыть немного в одиночестве. — Ужин будет через полчаса.

Мы покинули комнату альва, а потом я полчаса слушала о том, что Варлок еще сотню раз пожалеет, что сегодня посмел проигнорировать Алекс.

Пироженка лежал у ног хозяйки, скорбно опустив морду на лапы. Он давно привык к тому, что у его хозяйки непростой характер, и, как истинный благородный пес, стойчески его терпел.

Алекс же негодовала. Судя по всему, подруге попался крепкий орешек. И расколоть его стало делом принципа.

— Слушай, а этот чемпион, он хотя бы на каком факультете учится? — вклинилась я в монолог Алекс, которая, чтобы успокоиться, принялась пилить идеальные ногти.

— Ты разве не знаешь? — Она изогнула изящные брови. — Конечно, на боевом. Он же огневик.

Я удивилась. Вопрос был не праздным. Я могла поклясться, что боевики не изучают трудов Фонгрофа Морка. Скажу больше: ни Чейз, ни Генри даже не знают, кто это такой. А они, между прочим, в том году получили дипломы. И если Чейз был водником, то Генри — как раз огневиком. И ни тот ни другой о почтенном некроманте ни разу не слышали.

Варлок же, судя по обмолвке, с библиографией Морка был знаком. Это настораживало. Нет, определенно, от странного альва мне стоило держаться подальше.

Размышления прервал спустившийся Вир.

Ужинали, слава двуединой силе, вдвоем. Отец и мама Алекс задерживались. Подруга вела непринужденный разговор о ерунде, не забывая одаривать гостя своими фирменными взглядами, как иная хлебосольная хозяйка — свежей сдобой. Но, судя по mine альва, сегодня он был на диете. Строгой. Очень строгой, не разрешавшей не то что вкушать постный сухарик, но даже нюхать его.

В общем, вечер напоминал мне тренировочный полигон. Алекс пыталась отточить навыки обольщения альвов на имеющемся в наличии подопытном образце. Но то ли у остроухих с представлениями о тактике этого самого обольщения туго, то ли подруге попался на редкость непробишаемый экземпляр...

Когда же хроносы пробили восемь, я поспешила удрать. Правда, в компании шофера семьи Лейрин. Алекс настояла, чтобы я не шла пешком, дескать, время уже позднее. А Вир ее поддержал. И судя по выражению его лица, не предложи подруга магомобиль, то альв ринулся бы провожать меня до дому, даже не зная города.

И только доехав до дома, я вспомнила: кастрюля!

Вир с ней поднимался по лестнице, когда Алекс повела показывать его апартаменты. Значит, кастрюля у него. Демоны! Не возвращаться же сейчас за ней... Плохая примета. Как и оставлять что-то где-то. Хотя и верить в приметы — тоже плохая примета. Посему решила подумать о возвращении блудной посуды завтра.

Тепло попрощавшись с шофером, я выбралась из магомобилия и пошла к дверям.

У порога меня встретила отборная ругань. Вдохновенно цапались двое: соседка Тамарин — дородная троллиха, способная уложить буйвола не то что своим кулаком, а просто взглядом, — и близнец Генри. Причем кузен, несмотря на то что по весу был всего треть соседки, а по объемам и того меньше, ничуть ей не уступал. Хотя та уже опасно уперла одну руку в бок, а в другой и вовсе держала скалку.

— Это ты мои розы попер! — наседала Тамарин.

— Нужен мне ваш колючий веник сто лет в обед! — не уступал близнец.

— Ага, как же, не нужен! Небось какой-нить вертихвостке надрал, а остальные — поломал! Думал, я не замечу! — свирепела соседка. Ее лицо налилось кровью, щеки и все три подбородка затряслись, а глаза сощурились, став маленькими. Сходство с почтенной хавроньей было столь велико, что мне нет-нет да и чудилось в ее голосе характерное повизгивание.

— Какой вертихвостке? Ничего я не драл и не ломал. Идите лучше проспите.

— Это твоему папаше проспать надо, а еще лучше — просохнуть! — ужалила соседка. — А то глядишь, ненароком с ним случится чего...

— С алхимиками и их близкими редко что-то случается, — подходя к двери, как бы между прочим обмолвилась я. — А вот с их врагами... Несварения, галлюцинации, внезапные приступы... Это уже зависит от квалификации и степени обиды зельевара.

Тамарин поперхнулась. А я с видом «вам просто послышалось, говорю же: добрый вечер и

хорошего вам здоровычка» прошла мимо. Даже улыбнуться не забыла.

Генри вошел в дом за мной следом.

— Нари, слушай, поделись секретом, на каких курсах учат так виртуозно язвить. Я эту оголтелую тетку полчаса не мог вразумить.

— То не курсы, то врожденный дар, — просветила я кузена. — Кстати, о каких розах речь? Не о тех, что растут под нашими окнами?

— О них. Кто-то поломал вчера кусты, вот Тамарин и взбесилась.

Узенький палисадник со стороны двора когда-то был разделен между четырьмя семьями нашего дома поровну. Но так получилось, что склонности к садизму... — хм — садоводству и огородничеству ни у кого в семействе Росс не обнаружилось. А вот у нашей соседки оной было в избытке. Потому-то она тихонько и захватила полностью нашу часть палисадника. Мы не возражали. И все было почти мирно до сегодняшнего дня...

Мне даже стало любопытно, из-за чего взвилась Тамарин. Поднялась к себе в комнату и выглянула в окно, которое выходило во двор. Внимательно осмотрела розовый куст, росший как раз между окнами близнецов и бабушкиной спальни. На нем всего-то и был сломан один стебель. А в целом пышности и колючести он не утратил. Странно...

Я пожала плечами, закрыла створки и задернула шторы. Мне нужно было еще разбираться с формулой, выписанной сегодня в библиотеке, и с заданием по мономерным структурам.

Заснула уже за полночь. И в этот раз ко мне опять пришли они. Частые гости — кошмары.

Демоны моего прошлого приходили во сне всегда одинаково: я проваливалась в колодец из мрака. Липкого, вязкого, без надежды выбраться или проснуться, пока не переживу ту ночь заново. И лишь когда я, захлебываясь в немом крике, доходила до самого конца кошмара, то могла открыть глаза.

На сей раз все повторилось, как и тысячи ночей до этого. Я очутилась в густом чернильном тумане. Десятилетняя. В старом платье и стоптанных башмаках. Стояла на мостовой, продрогшая до костей. Чувствовала, как холод сковывает тело, душу, разум. Мама больше нет. Она умерла. Всего час назад я держала ее холодеющую руку, смотрела в ее глаза, которые стали на миг удивительно ясными. А ее взгляд... острый настолько, что можно порезаться... Я слышала ее последние слова. Она произносила их с трудом, захлебываясь кровью из сгорающих от болезней легких. «Возьми... Сохрани... Спрячься у Морриса... Талисман... Они будут искать тебя... Ты ключ».

Она силилась сказать еще что-то, но не могла. А я... Я мало что поняла. Лишь то, что едва она умрет, как заклинание сокрытия, завязанное на ее крови, падет, и маму смогут найти наемники. И к этому времени мне стоит быть как можно дальше от ее тела.

Я не хотела никуда бежать, не хотела отпускать мамину ладонь... Но последние крохи своего дара мама потратила на то, чтобы меня будто незримой гигантской рукой буквально вытянуло из съемной квартиры, протащило по обшарпанному коридору, а потом направило прочь в холод ночных улиц.

С наемниками, пришедшими за мамой, я разминулась всего на пару минут. Повернув за угол дома, я услышала рев магомобилей, подъехавших к подъезду. Отрывистые приказы, топот сапог по булыжной мостовой... А спустя десять секунд — как раз столько потребовалось, чтобы сильные здоровые мужчины поднялись на второй этаж — раздался взрыв.

На брусчатку посыпались стекла, из окон вылетели клубы дыма и языки пламени. Мама была истинным алхимиком не только при жизни, но и в посмертии: «Огонь преисподней» — так называли этот раствор — был способен сжигать не только дерево и тела, но даже плавить камень. Он, разлитый по колбам, ждал своего часа. И дождался.

Магесса Эбигейл лично готовила его, лично запечатывала склянки сургучом и зачаровывала: в качестве подарков для таких вот непрощенных гостей. Они сработали. Даже после смерти чародейки, их создавшей, взорвались.

Заклинание буксиром тянуло меня прочь. Во тьму и мрак ночного провинциального Пейрока. Туда, где в подворотнях можно лицом к лицу встретиться с собственной смертью. И я побежала, разбивая ботинками лед осенних луж, оглядываясь, дрожа от холода, страха и отчаяния, зажимая в руках мамин талисман.

По спине тек липкий пот, руки дрожали. Я уже не знала точно, где нахожусь и куда мчусь. И с каждой минутой сил становилось все меньше. Наконец я остановилась.

Вокруг был туман. Стылый, проникающий не только под одежду, но даже под кожу, сжимавший своими ледяными щупальцами сердце, убивающий душу, вымораживая ее по кусочкам. Я стояла одна на мостовой, тряслась, замерзая от стужи и отчаяния.

Одна. Одна. Одна.

— Не-э-эт! — закричала я, падая на колени.

И проснулась. В ледяном поту, с бешено колотящимся сердцем, готовым выбить ребра и вырваться наружу. Кошмар отпустил. Но я знала, что он вернется. Всегда возвращался. Я даже как-то пробовала не спать несколько ночей кряду, чтобы потом отрубиться. Кошмар выждал. И... стал сниться каждую ночь. Словно наверстывая какой-то свой график. Я смирилась и приняла как данность: раз в неделю мне предстоит randevu с моим прошлым. Вот только жаль, что я не знала, в какую именно ночь это произойдет.

Я встала, подошла к окну и распахнула его. Осенний стылый ветер тут же укусил оголенные плечи. Зато мысли прояснились, страх ушел, и я, закрыв створки, смогла лечь в постель и заснуть. На этот раз безо всяких сновидений.

А утро началось с заклинания, доступного даже немагам: «Ой-е! Проспала». После него как-то само собой волшебным образом случилось умывание и параллельное одевание с последующей телепортацией в стены университета. А то, что при этом я глотала ртом воздух и в боку нещадно кололо, — так, ерунда... издержки утреннего чародейства. На занятие успела ровно за секунду до звонка, упала на свое место и выдохнула.

— Ты чего так поздно? — мрачно спросила Алекс вместо приветствия.

В аудиторию, чеканя шаг, вошел магистр Мыхрым, что избавило меня от необходимости отвечать.

Мы встали со своих мест, приветствуя преподавателя. Предметом «История магологии, ее развития, ответвлений и систематических единиц» стоило бы пытаться опасных преступников. На седьмом параграфе те были бы готовы сознаться даже в том, чего не совершали, лишь бы от них отстали. Но, судя по всему, адептов ректору было жаль гораздо меньше, чем преступников и военнопленных, поэтому мы страдали регулярно. Согласно расписанию. И если на лекциях наши мозги просто хотели тихо-мирно взорваться, то на коллоквиумах мы жаждали умереть хотя бы ради того, чтобы в загробном мире найти отцов-основателей магологии и проклясть их лично. Пару сотен раз.

А то напридумывали тут терминов, ответвлений, системных единиц и благополучно умерли, а нам зубри, мучайся. Еще и даты жизни и великих свершений этих чародеев древности запоминай. И ладно бы нужно было держать в памяти только ключевые события. Так нет, магистр Мыхрым был педантом и заставлял нас, невежд, заучивать, когда и где родился Кукмор Ремский, где учился, на ком женился, сколько наплодил мажат, как однажды во сне додумался о коэффициенте поглощения потока, сколько времени он его потом вычислял, где защитил на эту тему диссертацию... В общем, иногда складывалось впечатление, что мы биографию магов-ученых знаем едва ли не лучше, чем они сами при жизни.

Как по мне, для дела хватило бы знать, для чего тот самый коэффициент нужен и как его применять. Но... То уже была область алхимических уравнений, а эйр Мыхрым был гуманитарием, о чем он с гордостью нам заявлял едва ли не на каждом занятии.

Началась нудная лекция, на которой под монотонный, чуть шепелявый голос магистра хотелось спать. Хотелось, но не могло.

Меценатом моего вынужденного бодрствования была Алекс. Ее прямо-таки распирало от негодования, которым она не могла не поделиться со мной.

— Ты представляешь, — шипела она мне на ухо рассерженной гадюкой, — к нам в дом сегодня попробовал прокрасться вор! В два часа ночи! К моему отцу! Законнику, которого в столице каждый щипач знает и обходит за милую кривой дорогой!

М-да, я могла лишь посочувствовать тому глупцу, который рискнул покуситься на богатства особняка Лейринов.

— Этот сумасшедший уже на рудниках? — спросила я.

— В том-то и дело, что его не поймали... — Алекс закусила губу.

Я озадачилась. Надолго. Вор был явно псих. Конченный. Но уйти от ловушек и охранных заклинаний, которых в стенах дома Алекс было наштабировано больше, чем самих камней кладки... Это надо быть профессионалом экстра-класса.

Магистр между тем невозмутимо диктовал лекцию. Кажется, случись взрыв университета, и в этом случае эйр Мыхрым довел бы занятия до конца, прерываясь лишь на короткие замечания. Если те касались непосредственно его предмета. В ином случае... Можно было смело рассчитывать на докладную записку в деканат о плохом поведении. Десять записок — минус форинт из стипендии.

Некоторые адепты, к слову, наловчились слушать эйра Мыхрыма, спя с открытыми глазами. А Йоннок — парень из нашей группы, невысокий, тощий и невероятно шумный (и откуда столько звуков могло рождаться в том тщедушном теле?) — на задней парте и вовсе мог похрапывать в такт речитативу магистра. Главное, что лектора не перебивал.

— А улики, следы какие-нибудь остались? — наконец, не найдя логичного объяснения случившемуся, спросила я.

— Угу. Остались. Целая одна улика — психологическая травма у Пироженки. Волкодав на белом ковре ручной работы напрудил лужу. И сейчас подлец ни в какую не вылезает из-под кровати родителей. Хотя папа и грозился, что если Пир не выберется оттуда, то он из него самого коврик сделает.

— Знаешь, я бы на месте вашего волкодава тоже не вылезала. Хотя бы неделю...

Я задумчиво обвела аудиторию взглядом, понимая, что чего-то мне не хватает. Точнее, кого-то. Русоволосой макушки и острых кончиков ушей. С несостоявшимся ограблением подруги я как-то упустила его из виду.

— А где Вир? — не удержалась я.

— В лазарете, — скривилась Алекс.

— Как?! — выдохнула я, судя по всему, слишком громко. Даже преподаватель оторвался от чтения лекции.

Неужели Вир пострадал от рук или заклинаний грабителя?

— Простите, что «как»? — прошепелявил эйр Мыхрым, обращаясь ко мне.

Вспомнила, что преподаватель сегодня нам повествовал о тяготах жизни эйра Зейнца. Ученый вывел заклинание для преобразования ароматических эфиров. Вообще-то алхимик создал его по заказу пекарей, чтобы дешевый хлеб из лебеды, продаваемый в рабочих кварталах, вкусно пах, а то его плохо покупали. Но сейчас эта магическая формула применялась повсюду: для устранения неприятных запахов при уборке и создания парфюмерных композиций, в лекарском деле и, само собой, в торговле, когда в умелых руках ушлого продавца протухшая селедка могла вдруг пахнуть жасмином.

— Как эйр Зейнец додумался использовать в качестве основы ароматического ряда шестигранный мономер альфа-структуры? — спросила я с таким недоумением и восхищением перед гениальностью почившего два века назад алхимика, что теперь уже озадачился эйр Мыхрым.

Хотя, возможно, причина того, что преподаватель открыл рот и не произнес ни звука, крылась в том, что он пытался вспомнить то, чего не знал. А именно: что такое шестигранный мономер и почему он основа?

— Хороший вопрос, — наконец произнес лектор. И с поистине преподавательским талантом ставить умников на место выдал: — И ответ на него вы озвучите завтра сами, подготовив доклад на тему «Основы ароматического ряда».

Я мысленно взвыла. Ну чего стоило отыграть дурочку? Схлопотала бы замечание. У меня их за годы учебы и так дворец и маленькая резиденция. Так нет же, решила начать «умнеть». Вот, теперь сиди, Нар, пиши доклад ночью. Ибо после занятий меня ждет лавка зелий в квартале брокеров. Там я подрабатывала уже второй год пару часов два раза в неделю. Прибавка к

стипендии выходила небольшой, но все же...

Едва эйр Мыхрым вернулся к лекции, как Алекс зашептала:

— Да ничего с этим ушастым недоразумением серьезного не произошло. Кроме аллергии. Оказалось, что у альва непереносимость шерсти волкодавов. Он весь с утра покрылся сыпью и чесался, как прокаженный. Я его в лазарет при университете отправила, пусть капли какие дадут...

Она повертела ручку в руках, вздохнула и извиняющимся тоном начала:

— Слушай, Нар, а можно тебя попросить взять Пироженку на то время, что альв у меня живет?

Я вздрогнула. Пироженка уже гостевал у нас. Правда, не матерым волкодавом, а щенком. Помнится, тогда он перегрыз все тапки, порвал штору и попытался уронить «Единорога с девой». Если бы ему это удалось, я бы простила пушистому пакостнику даже порчу любимой пары туфель, поскольку, как говорится, победителей не судят. Но Пироженка с задачей устранения единорога не справился, а посему...

— Нет. — Я замотала головой.

— Ну, пожалуйста, — забывшись, громко произнесла Алекс.

— Что «пожалуйста»? — Лектор сегодня оказался на удивление бдителен.

— Пожалуйста, повторите еще раз, я не успела записать... — Алекс очаровательно улыбнулась.

— С какого именно момента? — уточнил преподаватель.

Меня так и тянуло сказать, что всю лекцию.

— С... того момента, как эйр Зейнц сделал предложение своей будущей супруге.

Вообще-то Алекс выбрала безошибочный вариант: ведь рано или поздно, оторвавшись от алхимических изысканий, в промежутке между экспериментами ученые мужи совершали променады до алтаря под ручку с какой-нибудь эйрой. Вот только сейчас вышла промашка.

С биографией ученого я ознакомилась еще на втором курсе в библиотеке, когда искала формулу преобразования эфира ртути в «живую сталь» — эликсир, на время создающий на коже эффект брони. Тогда мне на голову и свалился светский журнал «Ритуалити» со статьей, посвященной ученому. В том числе и его сердечному другу и спутнику всей жизни.

Посему от вопроса Алекс лектор слегка закашлялся... И поняв, что его разглагольствования она не слушала вовсе, вознегодовал.

— Эйра Лейрин, я вынужден буду написать докладную записку на имя ректора. — От злости лектор даже перестал шепелявить.

Те из адептов, которые слушали лекцию вполуха, то бишь почти все, были в легком недоумении, Алекс — в шоке. С чего бы Шелест, как за глаза звали преподавателя, вызверился? Впрочем, я не стала говорить подруге о ее промахе. Иначе было бы слишком много вопросов. Просто решила подсунуть ей ту статью. Думаю, прочтя, Алекс поймет свою оплошность.

Зато оставшуюся часть лекции она сидела тихо. Лишь агрессивно скрипело ее перо.

Следующим занятием значились темные силы, которые вел у нас куратор эйр Бишоп. И он, и мы прекрасно понимали, что сея дисциплина алхимикам не была жизненно необходима. Но когда решался вопрос, кого назначить куратором нашей группы, свободным оказался лишь Бишоп — молодой и обаятельный чернокнижник, в том году защитивший диссертацию. Его нам и дали. Вместе с «Темными силами».

По красавцу-архимагу сохла половина адептов университета. Да чего уж там. Даже Алекс на первом курсе пыталась его охмурить. И на моей памяти это было единственное ее поражение на любовном фронте, ибо у куратора оказались высокие моральные устои. Если отбросить вычурность изящной словесности, то их можно было охарактеризовать тремя словами: преподаватель и адептка — ни-ни. Ну и еще у Бишопы была чуть-чуть невеста...

Я к обаянию молодого магистра была равнодушной, посему считала, что куратор нам достался веселый, понимающий и немножко разгильдяй: наша группа с ним характерами сошлась.

Вот и сегодня лекция началась не с традиционного «тема занятия...», а с вопросов организационных. Почему во второй день недели adeпты уже успели нахватать докладных записок? Где альв по обмену? Когда у Йонока проснется совесть и он перестанет выразительно храпеть на утренних занятиях? Мне казалось, что ответ на пятый год учебы очевиден — никогда. Почему Спаржецкий так и не отработал в оранжерее? В довершение куратор особо выделил, что с преподавателями, у которых мы планируем писать дипломы, нужно определиться в ближайшие дни.

— Эйра Росс, прошу вас после занятия остаться, — вскользь упомянул Бишоп и наконец-таки начал лекцию. Хотя, по ощущениям, до конца занятия оставалось всего ничего.

Только куратор назвал тему занятия, как в дверь постучали.

— Войдите, — устало выдохнул Бишоп.

Дверь открылась, и наша группа смогла лицезреть перманентно чихающего и поправляющего очки Вира с красным носом.

— Вот видишь, почему я прошу тебя взять к себе Пироженку?

М-да, масштабы аллергии впечатляли. Даже странно, почему на его величество Бенедикта Первого Непобедимого и Неподражаемого у альва никакой аллергии не случилось...

Между тем лекция все же началась. Но длилась недолго.

Едва прозвенел звонок, Вир очутился рядом со мной и, извинившись перед Алекс, попросил меня прогуляться с ним в большой перерыв и кое-что обсудить.

Подруга подозрительно покосилась на нас и, глянув на меня с выражением «потом все расскажешь», улыбнулась Виру и начала собирать вещи.

— Давай, только мне сначала нужно с куратором поговорить, он попросил задержаться... — Я кивнула в сторону Бишопы.

Вир повернулся, отчего-то критически осмотрел фигуру чернокнижника и произнес:

— Если ты не против, я подожду в коридоре.

— Хорошо.

Я беззаботно закинула сумку на плечо и подошла к куратору.

— Что-то случилось, магистр? — спросила я, мысленно прикинув, что причина разговора, скорее всего, Мейнхаф.

— Да. — Бишоп был на удивление серьезен, он бдительно проследил, пока все адепты выйдут, а потом щелкнул пальцами, установив полог тишины.

Оперся бедром о столешницу, побарабанил по ней пальцами, словно собираясь с мыслями, и произнес:

— У меня к вам весьма щекотливый разговор...

Я насторожилась. Часто деликатные вопросы бывали далеки от деликатности, как и щекотливые разговоры никого еще не доводили до щекотки.

— Простите? — Удивление даже не пришлось изображать.

— Я о вашей беременности... Вчера смотритель оранжереи доложил... Как куратор, я беспокоюсь о вашем самочувствии и...

Я закашлялась.

— Я убью ее, — сквозь приступ пообещала я.

— Может быть, не стоит решать столь поспешно. — Бишоп враз изменился. Сейчас передо мной стоял уже не вчерашний адепт-разгильдяй, а уверенный и решительный мужчина. —

Если вопрос касается отца ребенка, я поговорю с ним...

Я, все еще кашляя, замахала рукой в жесте «не надо».

— Вы не так поняли, — наконец выдохнула я, справившись с собой. — Я Алекс убью. У меня нет никакой беременности. Это подруга все придумала...

Пришлось сознаться куратору, который с каждой моей фразой все сильнее старался сдержать смех. Под конец он все же не выдержал:

— Хорошо. Сам помню, как отрабатывал в оранжерее. Так что я вас понял. Главное, не говорите об этой уловке другим, а то у меня вся женская часть группы станет резко беременной.

Бишоп щелкнул пальцами, убирая полог, и я, развернувшись, радостно побежала к выходу, где меня уже ждал Вир.

ГЛАВА 5

— Что-то серьезное? — обеспокоенно спросил он.

— Ерунда, разбирались с моей беременностью, — ляпнула я и тут же спохватилась.

Вир отчего-то помрачнел. Прямо грозовая туча. Хотя секунду назад был безоблачным, как летний день. Даже аллергия у альва куда-то исчезла.

— Да я не в том смысле. — Я с трудом удержала смехок. — Алекс просто в очередной раз сочинила сказку.

— Расскажешь? — Вир не спешил вновь становиться безмятежным.

— А ты любишь сказки? — Я постаралась перевести все в шутку.

— Конечно. — Альв изогнул бровь.

— Тогда обязательно, но чуть попозже. А то большой перерыв все же не бесконечен. О чем ты хотел поговорить?

Мы с Виром уже вышли из университета и стояли на ступенях.

— Давай прогуляемся в парке? — предложил альв.

Я пожала плечами. Почему бы и нет? Погода хорошая...

Когда мы уже шли по дубовой аллее, Вир заговорил:

— Нари, мне жутко неудобно, но все же...

Я внимательно посмотрела на альва, шедшего рядом. Он собирался с мыслями и духом.

— Понимаешь, оказалось, что у меня аллергия на шерсть волкодавов. Я сам не ожидал... До этого никогда такого не было...

— Хочешь попросить взять на время пса? — подсказала я, вспомнив о просьбе Алекс.

Вир остановился и выдохнул:

— Вообще-то себя...

Повисла пауза. Я с сомнением глянула на альва. Потом вспомнила здорового волкодава и поняла: лучше забрать обратно Вира. Хотя бы точно буду уверена, что мои ботинки не сгрызут.

— Обещаю, что, как только хотя бы слегка освоюсь, съеду, чтобы не обременять тебя. Признаться, поначалу я хотел перебраться в общежитие, но выяснилось, что мест нет.

Выбор в пользу остроухого я сделала быстро, вот только было одно «но»: как бы потактичнее ему намекнуть, что жить — пожалуйста, а вот еду добывать ему придется самостоятельно. Причем добывать иногда в прямом смысле.

Альв, будто прочтя мои мысли, выдвинул еще один аргумент:

— Я буду покупать продукты и готовить вместо Тай. Правда, за результат не ручаюсь, но обещаю стараться.

— Ты знаешь толк в подкупе, — усмехнулась я.

Вир просиял:

— Это значит «да»?

— Это значит: а куда я денусь с летящего грифона? Конечно, да.

— Спасибо! Нары, ты даже не представляешь, как выручишь...

Вир не успел договорить. Сзади раздался крик: «Ложись!» Альв молниеносно обернулся. И в следующий миг я уже летела на газон. Упала на спину, а сверху на меня крышкой гроба

рухнул остроухий. Сильное твердое тело вжало меня в ворох желтых опавших листьев.

Над нами на бешеной скорости пронесся ледяной шар и ударился в здоровенный дуб. На Вира сначала посыпалось снежное крошево, а затем и желуди, которые дерево экстренно сбросило после пережитого стресса.

— Ты цела? — Голос Вира был хриплым.

Я посмотрела на альва. Его очки во время падения упали, и сейчас без них лицо Вира выглядело более волевым и решительным.

— Вроде бы да, — выдохнула я, всматриваясь в глаза альва.

Мне показалось, что они стали как будто зеленее, словно серый цвет чуть смазался. А еще я всем телом ощутила, как закаменел Вир, как участилось его дыхание. Мой взгляд невольно спустился ниже, на его четко очерченные чувственные губы, волевой подбородок, на шею, где напряглись жилы.

Его голова наклонилась. На миг мне почудилось, что еще немного — и Вир меня поцелует. Я даже ощутила тепло его губ...

— Эй, вы живы? — Звонкий ломающийся голос откуда-то издалека заставил меня вздрогнуть.

Время, которое замерло на миг, снова пустилось в свой забег. Мир вокруг раскололся от шума и голосов.

Вир рывком скатился с меня, сел на траву и близоруко сощурился, ища очки.

А я увидела, как к нам мчится какой-то адепт. Судя по всему — первокурсник. Бледный как полотно парнишка что-то затараторил про вышедшее из-под контроля заклинание. Но договорить он не успел. Как говорится, на экзорциста и демон бежит, а на проштрафившегося адепта — преподаватель.

— Клемент Фурфгар! В правилах университета ясно сказано, что использовать боевые заклинания вне тренировочной площадки запрещено! — отчеканила магесса Охр и схватила адепта за ухо.

— Ай! — только и успел пискнуть проштрафившийся перед тем, как его, словно москву на поводке, потащили к ректору.

— Сурово у вас тут с нарушителями, — усмехнулся Вир, водрузив на нос очки и провожая взглядом преподавателя с адептом. — Я, пожалуй, поберегу свои уши.

— Боишься, что их вытянут?

— Боюсь, что мне придется тогда жениться на этой магессе. У альвов к ушам могут прикасаться самые близкие люди. Это все равно что целовать... — тихо произнес он, протянув руку к моему уху. Я даже замерла на миг. В голове бешеным вихрем закружились какие-то совершенно глупые мысли исключительно розовых оттенков. А Вир с самым невинным видом пояснил: — Хорошо, что у людей все проще... У тебя, кстати, в волосах листочек застрял.

Альв даже предъявил его мне. Вот ведь... провокатор. Я помотала головой, изгоняя непрошенные видения.

Вир невозмутимо встал, еще раз поправил очки, зачем-то потрогал перстень-печатку на пальце и протянул мне руку, помогая подняться.

Я вскочила и, отряхиваясь, запоздало поблагодарила:

— Спасибо, что спас. Я бы сама точно не увернулась от этой ледяной глыбы. Наверняка после встречи с ней провела бы пару недель в лечебнице. — И, почувствовав, что краснею, поспешила перейти к комплиментам: — У тебя реакция, которой многие боевые маги позавидуют.

— Я нечаянно. Сам от себя не ожидал.

Мне показалось или Вир тоже смутился? В молчании мы вернулись в университет. У меня был факультатив по ритуальным эликсирам, альву предстояло четыре часа мучить единый имперский. Мы расстались на крыльце, договорившись, что после Вир сразу с вещами приедет

ко мне. Я прикинула, что после факультатива как раз еще успею сбегать в лавку аптекаря за заказами.

Вот только до аудитории я не добралась. В коридоре меня перехватила Алекс и, оттащив в сторонку, первым делом с любопытством спросила:

— Что этому ушастому от тебя надо?

— Жилплощадь! — радостно сообщила я.

— Слушай, мне неудобно, что так получилось...

Алекс произнесла это таким тоном, словно по ее венам текло неразбавленное смущение. В общем, переигрывала.

— То есть, — я не удержалась от ехидства, — если бы ты спихнула мне Пироженку, то неудобства не испытывала бы?

— Какая же ты вредная, — простонала Алекс, возвращаясь в свое привычное состояние «только близкие знают, какой я демон». Увы, я входила в этот узкий круг посвященных.

— Я не вредная, а очень даже полезная, — возразила я из чувства противоречия.

— Ага, как сыр и вино.

— В смысле?

— Настоящая подруга, — с пафосом произнесла Алекс, — она как сыр или вино: выдержана временем, проверена, надежна и бесценна.

С чего это ее на комплименты потянуло?

— Колись, что тебе от меня нужно? — насторожилась я.

— Помоги мне пробраться в мужскую раздевалку.

— Чего? — удивилась я.

— Мне нужно Варлоку воткнуть в одежду булавку, заговоренную на случайные встречи. А то он просто неуловимый какой-то. Второй же раз приходит на тренировку... Еще подумают, что я за ним бегаю.

— А ты не бегаешь?

— Нет. Я охочусь. — Алекс независимо мотнула головой.

— Хорошо, охотница. А случайно подойти и прицепить ее — не вариант?

— Так я же тебе говорю, что он неуловимый какой-то. Вроде и в общежитии поселился, и на занятиях сегодня с утра появлялся. Но я весь большой перерыв его пыталась найти — и ничего. А караулить его у дверей комнаты в общежитии, как другие адепки... Я так низко не опущусь.

Ну да... В этом была вся Алекс: если падать, то сразу пробивать дно, в смысле не караулить под окнами комнаты, а проникать в мужскую раздевалку.

— Не-э-эт, — тоном «я на это не подписываюсь» протянула я.

— Да-а-а, — закивала Алекс, а потом, молитвенно сложив ладони у груди, заканючила: — Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста...

— Хорошо... — вздохнула я. По опыту знала: натиску Алекс нельзя не то что противостоять, даже противолечь бесполезно. — Но, чур, я на стреме!

Сказала и поняла: прощай, мой факультатив, прощайте, заказы у аптекаря. Как бы успеть к приезду Вира.

Алекс от радости захлопала в ладоши.

— Спасибо!

Вот только благодарностью все не ограничилось. Она тут же полезла в сумку и достала из ее недр склянку.

— Надеюсь, это яд? — Я с подозрением глянула на мутную жидкость.

Антидот к большинству традиционных отрав я еще могу успеть сварить. А вот если в склянке не яд, а неизвестный алхимии эликсир...

— Почему сразу яд? — обиделась подруга. — Эликсир невидимости! Делала точно по классическим стандартам чистоты 8810 года.

Что?! Да тем стандартам уже более тысячи лет! Помнится, тогда как раз в городах бушевали ведьмина чума и кровавая холера.

— Могу представить, какие в те времена были стандарты, — не удержалась я от ехидства и принялась перечислять, загибая пальцы: — Крысиный помет в реагентах считать незначительной примесью. Дезинфекцию рук производить, осенив себя знаком двуединой силы. В котел с зельем, если алхимик болен проказой, не сморкаться...

— Скажешь тоже! — перебила Алекс. — Будешь пить?

— Сначала подай пример мне, сомневающейся.

Она поджала губы.

— Подам, но чуть позже. У эликсира срок действия полчаса. И я сейчас подумала, что лучше заранее его не использовать.

— И когда же будет не «заранее», а «самое время»? — уточнила я.

— Как только доберемся до окна в мужской спортивной раздевалке, — заявила Алекс и махнула рукой. — Пошли.

Спустя четверть часа мы стояли напротив одного.

— М-да-а-а, я погорячилась... — протянула Алекс.

— Раз погорячилась, теперь туши, — фыркнула я, разглядывая так называемое окно почти под крышей одноэтажной раздевалки.

Похоже скорее, на бойницу. Или на вытянутую узкую форточку шириной почти в ярд. А вот высота... Высота подкачала. Навскидку всего четыре ладони.

— Я смотрю, блюстителю нравственности берегут честь игроков в громобой. Еще и решеткой забрали. Ну что, план провалился, пошли отсюда? — с надеждой спросила я.

— Нет, — отрезала Алекс. — Зато теперь понятно, почему тут так тихо, — мрачно добавила она.

— В каком плане тихо? — не поняла я.

— В плане местности, демоны тебя побери, Нари, — вспылила Алекс. — Я конечно же про фанаток, — это слово она презрительно выплюнула, — они все у входа в раздевалку столпились, а тут — никого.

— Эй, ты же не думаешь штурмовать эту горизонтальную бойницу? — Я с подозрением покосилась на Алекс, которая начала решительно закатывать рукава.

— Конечно нет. Я штурмовать не буду.

Только я выдохнула, как подруга добавила:

— Мы будем.

Я чуть не взвыла. Может быть, так бы и сделала, а еще головой о стенку побилась, но было некогда. Требовалось как минимум — геройствовать, как максимум — за тем геройством не попасться.

Алекс с целеустремленным видом прошла вдоль стены. Попрыгала под окном... До решетки едва достала кончиками пальцев.

— Издалека окно казалось мне ниже... — вынесла она вердикт.

— Ага, а идея с булавкой — легче и гениальнее, — поддакнула я.

— Нари, как же ты умеешь... — зашипела Алекс.

— Поддержать? — невинно уточнила я.

— Нервировать. У тебя прямо врожденный дар уровня «поток»!

— Ну, нужно же мне быть хоть в чем-то одаренной... — Я пожала плечами, надеясь отвлечь подругу от авантюры.

Вдруг она пошипит-пошипит да и отступится от штурма? Тем более это вроде бы рыцари должны с грозным криком идти в атаку на дракона, врываться в цитадель и спасать принцессу... А тут как-то совсем наоборот. Хотя память услужливо подкинула легенду, начинавшуюся словами: «Вот голова принцессы, дракона спасти не удалось...»

— Нам нужно в лабораторию! — Алекс подняла палец вверх.

Судя по всему, в голове ее, как репка на грядке, созрела очередная «гениальная» идея.

— Зачем?

— За олеумом!

— На кой тебе концентрированная серная кислота? — не поняла я.

— Ну не ножовкой же мне эту решетку пилить?

— А почему бы и нет? У тебя же чуть ли не степень архимага по орудованию пилочкой для ногтей.

— Знаешь, сегодня твое ехидство вполне сойдет вместо кислоты. Такое же едкое. Может, плюнешь на решетку? Тебя какая муха вообще укусила?

Я бы сказала какая, но промолчала. И так ходила по краешку своего образа тихони.

— Ладно, пошли за твоей кислотой.

В итоге мы потратили еще полчаса на добычу необходимого реагента.

— Нужно поторопиться, скоро команда с тренировки вернется, — прошептала Алекс и лихо опрокинула в себя эликсир невидимости из склянки.

Логично. Крутиться под окном — это одно, а вот лезть в него лучше тогда, когда ты прозрачна, как осенний воздух.

— Давай пей. — В паре футов от моего лица качнулась полупустая склянка.

Я скорбно вдохнула и проглотила жидкость. На дне оставила всего глоток, чтобы было чем сбрызнуть одежду. А то платье, которое без тела лезет в окно, привлечет еще больше внимания, чем адептка, проделывающая то же самое.

Ощущения были средней степени паршивости. Увы, не молочный коктейль. Но и не супчик Тай. И на том слава двуединой силе!

Вандализм происходил быстро и организованно: с помощью заклинания левитации Алекс опрокинула склянку кислоты на решетку, добавила чары ускорения реакции и нейтрализации продуктов оной. Правда, подруга раз двенадцать помянула при этом магистров. Нет бы охранное заклинание на окно повесить. Но, увы, магические запоры талантливыми адептами уничтожались легче, чем кованый металл.

А далее случился очередной позорный момент в моей биографии: я подсаживала Алекс, затем она уже втягивала меня в окно. И — о чудо! — мы оказались наконец в мужской раздевалке.

— И как мы узнаем, куда именно втыкать? — спросила я.

— Я найду, — столь уверенно произнесла Алекс, что и сомнений не осталось: одежду Варлока она запомнила всю, до последней ниточки.

На шкафчиках были зачарованные запоры, но она предусмотрела и это. В воздухе появилась отмычка. Ловко орудуя ею, Алекс нашла с третьей попытки нужную куртку и потратила еще минут десять, чтобы незаметно вколоть в нее булавку.

Выбраться из раздевалки было не намного, но все же проще, чем в нее проникнуть. Если под окно пододвинуть скамейку, встать на нее и подпрыгнуть, то вполне можно было подтянуться на руках и ввинтиться в узкое окно. За минуту как раз есть все шансы справиться.

— Все, пошли, — прозвучал голос Алекс. И по тому, как открылась горизонтальная створка, я поняла, что она уже на середине пути.

— Я сейчас, шнурок развязался...

— Ну, ты даешь, ладно, завязывай быстрее, — фыркнула Алекс.

Я дождалась характерного глухого звука. Все, Алекс спрыгнула на землю. У меня в запасе пара секунд, чтобы причинить добро и нанести справедливость средней степени тяжести...

Я подошла к вещам Варлока и, вынув булавку, закинула ее в щель дверцы соседнего шкафчика.

— Извини, дружок, но чем реже ты будешь сталкиваться с Алекс, тем меньше и мы будем видеться...

Именно в этот момент судьба решила, что лимит удачи на сегодня исчерпан и пора бы разбавить ее неприятностями. Я увидела, как в воздухе начинает появляться сначала моя рука, потом манжет платья...

— Арх! — выругалась я, и не подозревая, что это только начало.

Со стороны входа раздался голоса, смех и шум. Дверь резко распахнулась.

Увы, вылезти через окно, не привлекая внимания, я уже не успевала. Лихорадочно дернула дверцу шкафчика. Одну. Вторую... Открытой осталась только Варлока.

Когда в раздевалку ввалились грязные потные парни вместе с тренером, та была уже пустой. Ну как пустой. Почти. Я сидела внутри шкафчика, постигая издержки амплуа любовника.

Тренер между тем начал разбор игры:

— Рык, ты так талантливо изображал сегодня боль в колене на поле, что мне хотелось тебя добить, чтоб не мучился. — Его громовой голос разнесся по раздевалке. Послышались смешки. Говоривший без перехода добавил в сердцах: — Демоны, какой инвалид опять открыл окно! Ненавижу сквозняки!

Вслед за словами раздался щелчок пальцев и звук захлопнувшейся створки.

— Стрела, мне понятно, что ты хотел сделать в защите. Но непонятно, что ты, собственно, сделал? — гремел тренер.

— Я взял молнию... — понуро выдохнул, видимо, Стрела.

— Взял, потискал и решил выпустить на волю, потому что тебе ее стало жалко, браконьер недоделанный?!

Чем дальше шел разбор, тем становился красочнее. Я узнала, что тренер нашей сборной — выдающийся лингвист. Матерился он как минимум на трех языках и ни разу не повторился. Одним словом — талантище! Даже я прониклась настолько, что выйди на поле — сделала бы все невозможное, чтобы выиграть. И это при условии, что даже правила громобоя знала лишь примерно...

Я сидела в шкафу и ждала, когда же тренер закончит свой спич, игроки отправятся в душ, а я смогу тихо улизнуть. Спустя полчаса мои молитвы были услышаны. Парни отправились мыться, тренер, что-то поворчав себе под нос, тоже ушел. Я толкнула дверцу шкафа. Один раз. Второй. Третий.

Заклинило. Гадство! Придется чаровать, а заклинанием в три магических единицы мне не обойтись. Нужно сжечь запирающие дверцу чары. Я сняла с пальца кольцо, спрятав его в карман.

Приложила пальцы к замку, сосредоточилась, готовясь пустить по ним чистую силу...

И почему меня никто не посвятил в сокровенную тайну, что альв способен вымыться за минуту?

Дверца распахнулась, я нос к носу столкнулась с Варлоком и... рефлекторно потянула злополучную створку на прежнее место. Альв, не ожидавший подобного, даже позволил мне захлопнуть ее.

Тук-тук — раздалось снаружи.

— Никого нет, — откликнулась я, ощущая полный идиотизм ситуации.

— Эй, ты с кем там говоришь, Варл? — Голос смешался с шумом из душевой. Кажется, это был Стрела.

— Да так, мысли вслух.

Шлепанье босых мокрых ног и голоса подсказали, что не один альв такой быстрый. Игроки вернулись из душа.

— Я, кажется, голову не промыл, — задумчиво сообщил кому-то Варлок и... заперев дверцу снаружи, потопал прочь. Вдалеке раздался шум воды. Минута шла за минутой, раздевалка пустела.

— Альв, ты там решил в русала превратиться? Или моешься сразу за два дня?

— Не ждите меня, — откликнулся Варлок.

Хлопнула выходная дверь. В раздевалке стало тихо. Так тихо, что я могла почуять, как на своих мягких лапках крадется мифический пушистый зверек грындец. А вслед за ним, уже совсем не тихо шлепая пятками, — альв.

Дверца шкафчика медленно открылась, и мы с Варлоком увиделись вновь.

— У меня смутное чувство дежавю... — иронично протянул он, осматривая меня.

Я же второй раз захлопывать дверцу не стала. Да и кто бы мне позволил: сейчас-то ушастый был начеку.

Я тихонечко выбралась из шкафчика и по стеночке, по стеночке двинулась к выходу. И все это под пристальным взглядом Варлока. Мой побег продлился ровно ярд. Альв в мгновение ока оказался рядом. Его рука, упершись в стену, преградила мне путь.

— Не так быстро, Най.

— Я могу и медленно, — враз пересохшими губами прошептала я. И даже хотела показать, как именно, двинувшись, правда, уже в обратном направлении. На четверть шажочка.

Но тут и с другой стороны путь мне преградила вторая длань. А чтобы я не нырнула рыбкой между его рук, Варлок сделал резкий шаг вперед. Я дернулась в сторону, и моя щека прикоснулась к его запястью.

— Ты сумела меня удивить... — Хриплый, словно мгновенно простывший голос поразил. — Приятный сюрприз.

Он стоял так близко, что я чувствовала, как поднимается его грудь, делая короткие вдохи и рваные выдохи. Ткань моего платья промокла от влажной, с капельками воды после душа кожи альва.

— Это не сюрприз, это техническая накладка, — возразила я.

Ситуация откровенно нервировала. Слишком много Варлока. Слишком близко. Слишком недвусмысленно.

Горячее, почти обнаженное сильное тело, на котором из одежды — одно мокрое полотенце, обернутое вокруг бедер. Я сглотнула. Еще, как назло, моя сила словно взбесилась, рвалась наружу.

— Накладка? — спросил Варлок, отчего-то не сводя взгляда с моих губ.

— Да, — закивала я, прикидывая, как бы улизнуть. Может, попытаться его отвлечь? Вариант: шарахнуть по альвову темечку молнией приберегла на крайний случай. Опыта по оглушению у меня мало, вдруг я сил недоложу? Или переложу? Или еще хуже: Варлок поймает пульсар и отразит...

Я тараторила, стараясь заговорить альву зубы и при этом не сболтнуть лишнего.

— Накладка... — будто и не слыша моей трескотни, задумчиво протянул Варлок, и я почувствовала, как его колено вклинивается между моих ног. — Это плохо. Для тебя.

А я поняла, что зря отложила на потом вариант с молнией. Сила ударила в кончики пальцев, вырвалась наружу потоком света, и Варлока отбросило от меня на другой конец раздевалки. Он врезался спиной в шкафчик, упал и замер.

Я уже было хотела метнуться к выходу, но остановилась. А вдруг я его убила? Нет! Сначала уверюсь, что он жив, и сразу дам деру. Ну или буду думать, куда спрятать высокобюджетный труп.

Я тихонько подкралась к альву, на котором каким-то чудом все еще держалось полотенце. Он не дышал. Лицо побледнело, у виска выступила кровь.

Демоны! Почему этот придурок не выставил защиту? Он же боевой маг, в конце концов... Был. А сейчас, судя по всему, мертвый. Я его... убила? Вот теперь стало страшно. Я осторожно прикоснулась пальцами к его шее, пытаюсь нащупать пульс.

В этот миг сильная рука дернула меня, опрокидывая на себя. Я оказалась лежащей на альве. Каком-то слишком живом и активном для трупа альве. Озарение, что все начиная с того момента, как я захлопнула перед носом Варлока дверцу шкафчика, до его полета через раздевалку — одна сплошная провокация, накрыло меня.

Да этот псих просто развлекался! Наверняка я у него не первая такая «девушка из шкафчика». Как-то некстати вспомнилось, что Алекс сегодня, пока растворяли решетку, рассказывала, что две фанатки Варлока прошлой ночью решили составить компанию альву в постели. Сначала к нему в комнату прокралась одна и улеглась в постель в чем мать родила. Потом пробралась вторая... В общем, на кровати адепки и встретились. Случился грандиозный ор на весь этаж, о котором хозяин комнаты, видимо, сам ночевавший у третьей девицы, узнал утром от соседей. И долго смеялся. Впрочем, не он один, но и весь университет. А благодаря пересказу Алекс — и я тоже.

Вот и сейчас Варлок решил развлечься, глядя на мой испуг и растерянность. Не на ту напал! Раз сам не сумел умереть, значит, мой долг — помочь в таком благородном деле. Эта мысль материализовалась в моем резко согнувшемся колене. Альв сдавленно охнул. Наверное, не ожидал такого коварства девичьей чести, нанесшей урон его мужскому достоинству.

Я попыталась рвануть к выходу, как раздался рык:

— Ну все, сама напросилась!

И жесткие губы накрыли мой рот.

Я подавилась вдохом. От неожиданности, злости и... нет, только от них! И точка. Мужские ладони на моей спине не позволяли не то что вырваться, пошелохнуться. Сквозь влажную ткань платья я чувствовала, как бьется его сердце: быстро, громко. Или это мое?

Поцелуй был злым, яростным, выжигающим. Со вкусом дурманящего своей крепостью неразбавленного джина, вышибающего всякое подобие мысли из головы. У Варлока чувствовался немалый опыт, заставляющий дрожать, откликаться помимо воли.

Миг. Пол и потолок поменялись местами, и я оказалась лежащей под разгоряченным телом. Жадные губы, сильные руки, бедра, вжавшиеся в меня. Я ощутила, как Варлок возбужден.

— Малышка, у меня от тебя башню сносит... — выдохнул он, на миг оторвавшись от моих губ.

Мои мысли путались, кожа горела, но все же я поняла: провокация закончилась. И если я его не останавлию...

Альв, видно, решил совместить приятное с полезным: ведь для уставшего мага лучший способ восстановить резерв — сытный ужин с вином или ночь, полная страсти. Именно по этой причине боевики, часто вычерпывавшие все силы до дна, были столь любвеобильны.

— Так приколоты ее гвоздями! — Я ударила Варлока в грудь заклинанием штормовой волны.

Рассчитывала, что альва с меня как минимум сметет. Но... чары, так и не набрав разгон, врезались в грудь Варлока, заискрили, не причиняя ему ровным счетом никакого вреда. Арх! Выходит, альв владеет магией даже не на уровне жестов и заклинаний, а используя лишь мыслеформы.

— Я не пропускаю ударов, малышка, — подтверждая мои догадки, выдохнул мне в губы Варлок. — Просто иногда я позволяю себя атаковать...

— Трындец, — честно произнесла я. Все. На этот раз я вляпалась по-крупному.

— Что? — Видимо, на свою впечатляющую речь чемпион ожидал слегка другой реакции: восторженных или благоговейных взглядов.

— Я поняла, что мне — крышка. Так что подожди немного, я сейчас морально приготовлюсь к изнасилованию. И ты продолжишь. — Я несла такую чушь, что сама поражалась. А остроухий, и вовсе не ожидавший подобного, даже отстранился.

Этого-то я и добивалась. Когда не можешь уложить противника на лопатки силой, ловкостью или интеллектом, импровизируй и выбивай почву из-под ног. Двинула локтем, попав оторопевшему альву как раз по свежей ране на плече, брыкнулась. С пальцев слетели молнии, и я ужом выскользнула из-под него, припустив к двери. Вылетела в темный коридор, и там меня уже догнал раскатистый смех Варлока. Он забавлялся.

Сжала искрящие от магии кулаки, вдруг осознав: не я победила. Мне позволили победить. И убежать. Перед этим хорошенько проучив. Ненавижу! Самодовольный кретин! Гад! Сволочь!

Направо был выход на улицу. Устремилась туда и... застыла как вкопанная. Через щель приоткрытой двери я увидела с десятков адептов, ну совершенно случайно оказавшихся у выхода из раздевалки.

Если я сейчас появлюсь вместо Варлока, то к завтрашнему дню наверняка обзаведусь дюжиной проклятий. И хорошо, если только их.

Сзади раздался шум. Неужели альв так быстро оделся? Хотя с него станется... Шаги. Уверенные. Широкие. Я лихорадочно обернулась. С губ слетело заклинание тени, окатив меня с ног до головы.

Привидением метнулась в угол, туда, где за приоткрытой входной дверью сгустилась темнота. Вжалась в стену, выдохнув из себя весь воздух за миг до того, как в коридоре показался Варлок.

Только бы не заметил! Кажется, я даже перестала дышать, наблюдая, как альв идет, насмившаяся бравурный мотивчик.

Замер. Ровно в том же месте, что и я. Видимо, разглядел своих поклонниц. Но странно. Остроухий вовсе не обрадовался. Во всяком случае, витиеватая фраза на его родном языке по звучанию напоминала реплику дяди Морриса, уронившего себе на ногу молоток.

Случившееся дальше изрядно удивило. Альв, то ли колдуя, то ли ругнувшись, развернулся и пошел обратно. В раздевалку. Я постояла в своем укрытии. Прошла минута, другая. Третья. Пятая.

Заклинание тени, мягко говоря, было затратным. Разработанное пару сотен лет назад для шпионов, сейчас оно применялось редко: требовало частого обновления и расходовало дюжину магических единиц. В общем, роскошь для магов с уровнем «потока». А я была девушкой хозяйственной...

Выждав еще пару минут, уже без маскировочных чар вышла из укрытия. На цыпочках прокралась по коридору, заглянула в раздевалку. Никого. Совсем. Лишь окно было открытым.

Я тихонько рассмеялась. Ну надо же... Оказывается, вполне можно было обойтись без кислоты и сомнительного эликсира, без ползания по стенам и танцев с булавкой. Достаточно было просто постоять под окном, и Варлок сам вывалился бы прямо к нам в руки. Отсмеявшись, я решила, как и всякая воспитанная эйра, выйти через ту же «дверь», через которую сюда и попала. Залезла на скамейку, подпрыгнула, ухватившись за подоконник. Поднапряглась и подтянулась. Спустя минуту я перевалилась через раму и прыгнула вниз. Подол платья зацепился за щеколду, затрещал... Приземлившись, я обнаружила, что длинная юбка стала

провокационно короткой. Я бы даже сказала, очень короткой. Прямо как у обитательниц Сиреневого квартала, которые предлагали любовь за пару форинтов.

Глянула на лоскут, начинавшийся на окне и заканчивавшийся у моего подола. И возненавидела альва еще сильнее! Дернула ткань, та не поддалась. Пришлось ее снимать заклинанием левитации. Запихнув добычу в сумку, нашарила в кармане кольцо. Все. Теперь я снова благопристойная магесса со скромным уровнем дара. Хорошо. Почти благопристойная, учитывая мой наряд.

Поплотнее запахнула плащ, оглянулась. Ни Алекс, ни альва окрест не наблюдалось. М-да.

Хотя... Может, Варлока как раз и унесло брюнетистым ветром?

Посмотрела на хроносы и мгновенно сорвалась с места. Через четверть часа нужно встречать Вира. Я неслась домой, на ходу ища в недрах холщовой торбы кристалл связи. Нашла, но амулет оказался разряжен. Выругавшись, припустила вниз по улице. Потом разберусь. Сейчас некогда. И не то чтобы я так спешила к Виру... Просто чем быстрее я доберусь, тем меньше народу увидит меня в таком виде.

К дому подбежала, задыхаясь и хватая ртом воздух. Альв с саквояжем и кастрюлей, отмытой до блеска, уже стоял на крыльце. При виде меня он нахмурился и обеспокоенно спросил:

— Что случилось?

Я покраснела. Вспомнила произошедшее в раздевалке и покраснела еще сильнее.

— Долгая история... — Я махнула рукой.

— Расскажешь?

— Ага. Только сначала переоденусь. — Я кивнула на двери.

Альв посторонился, пропуская меня. Найдя в недрах сумки ключ от дома, я отперла замок. Прихожая встретила нас сумраком и безмолвием, что было странно.

— Проходи, твоя комната все та же, на втором этаже...

Договорить я не успела. Столь несвойственная нашему дому тишина взорвалась сначала протяжным завыванием фамильного привидения, потом мяуканьем кота. Эти двое опять чего-то не поделили.

Бенедикт стрелой вылетел из кухни. На его наглой морде не было ни капли раскаяния, зато вдосталь — следов преступления. Хвостатый сметанопоклонник опять стал верховным жрецом своего культа. Вся его морда была в этой белой религии... по самые уши.

Рыжий мародер метнулся под ноги альва, тот оступился и, теряя равновесие, взмахнул кастрюлей.

Я замороженно смотрела, как начищенная до блеска посуда вырвалась из рук Вира и, потеряв крышку еще при старте и сверкая своими боками, по параболической траектории полетела прямехонько в объятия девы и единорога. Секунда — и скульптурная композиция оказалась накрыта импровизированным колпаком.

Мы так и замерли. Причем все: я, Вир, ошавевший кот и даже вылетевшее из стены привидение, мстившее сметанопоедателю. Под кастрюлей раздалось «кр-р-рак!».

В гробовой тишине я подошла к постаменту и приподняла «колпак». Статуя вроде бы была цела. Целую секунду. А потом осыпалась крошевом осколков.

— Дохлый гоблин! — Голос альва был полон искреннего сожаления, граничившего с отчаянием.

— Вир, ничего страшного. Все нормально, — начала я утешительную речь и все же не смогла удержаться: — Сейчас я принесу тебе веревку и... мыло.

— Что там у вас происх... — Дядя Моррис, так некстати вышедший из кухни, застал картину разгрома во всей красе.

— Эйр Росс, — воскликнул с ужасом и благоговением Вир. Но, глянув на меня, застывшую у

груды осколков с кастрюлей в руках, тут же ринулся на мою защиту. — Это не Нарі. Это я разбил вашу статую...

Дядя ничего не говорил, просто смотрел. Взглядом профессионального некроманта, прикидывавшего, дать чуток погулять этому зомби или упокоить сразу.

— Знаю, что ты! Нарі не смогла бы это сделать из-за клятвы, — прогремело в ответ.

Ну, вот оно и состоялось, знакомство Вира и дяди. А ведь в первое заселение остроухого они так удачно разминулись.

— Позвольте мне возместить урон... — Вир выпрямился и как-то незаметно оказался между мной и дядей.

— Это был мой величайший шедевр! Он бесценный!

— Пятьсот форинтов золотом, — твердо произнес Вир.

Я ухватила за косяк. Это же стоимость новенького магомобиля последней модели! Откуда у альва такие деньги? Хотя... Алекс же говорила, что он не из бедной семьи.

— Да как ты, щенок...

— Тысяча. — Вир и ухом не дернул.

Дядя, уже было готовый разразиться тирадой, поперхнулся.

— Понял, полторы тысячи и осколки я забираю с собой, — отчеканил остроухий самоубийца. — Скажите, на какой номер счета перевести сумму. У меня ее нет с собой.

— Пошел вон! — громыхнул дядя, решивший, что над ним издеваются.

Вир, посмотрев на сжатые кулаки скульптора, вокруг которых змеями вились языки тьмы, как-то слишком спокойно произнес:

— Нарі, сходи к себе, переоденься, мы с твоим дядей поговорим наедине. — А сам уже держал в руке аркан отражения. Между прочим, боевой аркан.

— Конечно, — произнесла я столь елейным тоном, что и дядя, и альв как-то сразу перевели на меня взгляд.

Один — потому что по опыту знал: если я стала покладистой, значит, готовлю грандиозную пакость, второй — оттого, что, видимо, ожидал возражений.

Убедившись, что стала центром внимания, я продолжила:

— Только давайте определимся: мне траур надевать или сразу саван?

— Что?

— Ты о чем?

Все же мужчины вне зависимости от возраста порой бывают единоклубны. Когда резко глупеют! Пришлось пояснить:

— Если ты, Вир, убьешь дядю, то мне придется надеть траур. Если ты, дядя, — моего гостя, то саван. Потому как меня Алекс заживо закопает.

— При чем тут вообще твоя подруга? — озадаченно моргнул Моррис.

Все, волна гнева, застывшая глаза, прошла, и теперь с дядей можно поговорить. Только осторожно. И я начала официальную часть знакомства.

— Это Вир, — представила я альва. — Он студент по обмену. Будет у нас жить. Хотя вообще-то он приехал к Алекс...

Мою речь нельзя было назвать краткой. Даже кот успел отойти от шока и уже вовсю смывал с морды последние капли сметаны, когда я закончила.

— Значит, Нарі, говоришь, это твой друг? — уточнил дядя, глядя на Вира с большим

подозрением.

— Да, — заверила я.

— А что у тебя с платьем? — без какого-либо перехода спросил Моррис.

— Э... Я нечаянно зацепилась подолом. — И ведь чистую правду сказала.

— Думаю, тебе действительно стоит подняться к себе и переодеться.

Ясно. Таким нехитрым способом от меня пытаются избавиться. Ну-ну...

— Конечно. Сейчас только осколки уберу.

И я с невозмутимым видом начала ссыпать крошево с пьедестала прямо в кастрюлю, которую все еще держала в руке.

Вир тоже не торопился подниматься к себе. Видимо, опасался оставлять наедине меня с дядей. Да, Моррис Росс был уникальным скульптором. Хотя бы потому, что в мире граней умудрился заполучить темный дар разрушителя. Ему бы как боевому магу цены не было. Но дядя решил творить и нести прекрасное в массы.

— Уф! — Я утерла пот со лба и бухнула кастрюлю на пол. Весила она изрядно. — Вир, помоги мне выброси...

— Я отнесу осколки к себе, — перебил меня альв и пояснил: — Постараюсь склеить.

А потом уже, глядя на дядю, серьезно произнес:

— Насчет денег я не шутил. Хотите — могу магическую клятву принести.

— Не нужно, — буркнул Моррис.

Я про себя усмехнулась: за нарочитой грубостью дядя часто прятал смущение. Мне же не оставалось ничего иного, как подняться по лестнице. Вир, будто прикрывая мне спину, шел следом, неся кастрюлю, наполненную осколками.

Лишь когда он переступил порог своей комнаты, я смогла выдохнуть. Уф. Все. Теперь можно идти к себе и наконец-то переодеться. Словно вторя моим мыслям, внизу пробили хроносы. Восемь вечера.

Я мысленно взывала. Скоро же закроется аптека. А я так и не взяла заказы. Нужно срочно переодеться и мчаться в квартал Брокеров.

Быстро нацепив юбку и блузу, я закинула сумку на плечо и вылетела из комнаты. На кухне возмущенно бурчал дядя, в ванной слышался плеск воды, в бабушкиной, а ныне альвовой комнате что-то упало. Судя по грохоту — кастрюля с останками статуи. Тай у себя завывала то ли очередную популярную песню новомодной группы менестрелей «Упыри полудня», то ли заклинание экзорцизма. Тексты оных были уж очень похожи. Матеуш, только что вернувшийся домой, отчитывал в прихожей кота. Рыжий мяукал, отрицая свою вину. Наконец-то привычный дурдом!

Сейчас я тихонько из него сбегу и быстренько вернусь, а то опять начнется: вечером одна по улице не ходи, я тебя провожу... А пока провожатые собираются, аптекарь уже уйдет.

На комоде сиротливо лежала медька. Я походая цапнула ее и тенью проскользнула мимо Матеуша, который запоздало окликнул: «Нари, стой! Ты куда это на ночь глядя?» Но я была уже далеко. Лишь крикнула: «В аптеку за заказом». Кажется, Матеуш успокоился.

Квартал. Второй. Третий. На улицах уже зажглись фонари. Да и район мирный. Сейчас быстро туда и обратно.

На углу перекрестка мальчишка-продавец размахивал новостным листком.

— Сенсация! Сенсация! В столице орудует банда магов — народных мстителей! Тысяча форинтов за любую информацию!

Я на миг замедлила шаг, но потом напомнила себе: время. Подумаешь. Каждый день в столице что-то да случается. А если не случается, то репортеры помогут этому произойти: ведь надо же о чем-то писать в новостных листках.

Добежала до остановки, в последний момент успела запрыгнуть на подножку монорельсового вагончика. Тот вздрогнул и помчался под утробный рев элементарей, вращавших под полом тяжелые чугунные колеса. Народа было немного, и я, оплатив духу-хранителю проезд, добралась до квартала Брокеров.

Толстячок аптекарь эйр Чебр при виде меня воскликнул:

— Как хорошо, что ты пришла, Нари! Твой кристалл связи молчит, я уже было расстроился, что ты не придешь! У нас сегодня грандиозный заказ.

Аптекарь был уже пожилым, но не растерявшим оптимизма вервольфом. Его расовую принадлежность выдавали только густые снежно-белые бакенбарды и повышенная волосатость. Эйр Чебр отлично готовил травяные настои, вытяжки, декокты, но вот с алхимией у него не сложилось.

Объявление о том, что в аптеку требуется помощник-алхимик, я увидела на столбе пару лет назад. И хотя диплома у меня еще не было, но работу я получила: с вервольфом мы сошлись в цене и характерах. И если первое было важным для меня, то второе — для аптекаря, который в канун полнолуния мог быть тем еще брюзгой и мизантропом. В такие дни предыдущий помощник бесил вервольфа до зубовного скрежета. И отнюдь не в фигуральном смысле.

Со слов эйра Чебра выходило, что сегодня он получил крупный заказ, который должен был изготовить к утру. Три пинты эликсира с поэтическим названием «Весеннее дуновение», который алхимики между собой называли «вечная молодость на три часа». Или еще проще — «магожаба». Эта разновидность «гламуреи» держалась ровно три часа, после чего на лицо возвращались морщины, пигментные пятна и прочие прелести.

Целый чан этой гадости. К утру. Сие означало, что готовить придется не в университетской лаборатории, где я часто оставалась после занятий, а здесь и сейчас.

— Заказ оплатили наперед. Поэтому вот, держи аванс! — И мне протянули пять форинтов, лишая тем самым призрачной надежды на побег.

Пришлось включать горелку, тормоша недовольных огненных элементарей, водружать котелок... В работу провалилась с головой как в омут. Быстрее начну — быстрее закончу.

— Я уж не буду тебя дожидаться. — Аптекарь смущенно улыбнулся и, словно извиняясь, пояснил: — У нас с женой сегодня годовщина. Пятьдесят лет, как мы впервые вместе на луну выли... Ты, как закончишь, оставь эликсир на столе. И обязательно вызови магомобиль. Одна по ночным улицам не ходи!

Вервольф ушел, а я еще четыре часа колдовала над чаном с «гламуреей». Интересно, кому это приспичило в срочном порядке обливаться подобной пакостью? Ведь не безобидная витаминная настойка. И даже не невинное слабительное. Кожа то разглаживается, то опять становится морщинистой, а при частом использовании «магожабы» и вовсе превращается в пергамент, который потом ни один эликсир даже на час не сделает молодой. Но тут, как говорится, пока заказчик платит, алхимик молчит.

Закончив, с облегчением выдохнула. Кажется, на сегодня все! Я заторопилась домой. Спать хотелось невероятно. Мысленно я уже садилась в магомобиль. И тут только вспомнила, что мой кристалл связи разряжен. Я выругалась, достала амулет и... Демон! Чтобы подзарядить его, не снимая кольца, нужно было полчаса. Тратить столько времени мне показалось расточительством. Стянула кольцо.

Кристалл стал полон спустя минуту. Аж заискрил. Но когда я попыталась связаться с диспетчером, вежливый голос сообщил мне, что все извозные магомобили сейчас заняты.

До полуночи оставалось четверть часа. Ждать, пока кто-то из шоферов освободится или попытаться успеть на последний общественный вагончик? Решила, что вызвать магомобиль я смогу и с монорельсовой платформы.

Заперла дверь аптеки, активировала защитное заклинание и побежала по улицам. Вот только, видимо, у меня имелся какой-то прямо-таки скрытый талант оказываться в ненужном месте в ненужное время, чтобы узнавать ненужную информацию.

Едва отойдя от аптеки, я услышала возню в подворотне. Драка. Ожесточенная и яростная, судя по тому, что никто не разменивался на крики о помощи. Я прижалась к стене дома и осторожно, на цыпочках, так, чтобы каблуки не стукнули в ночной тишине о мостовую,

двинулась мимо опасной подворотни. С радостью вернулась бы в аптеку, но охранное заклинание не впустит внутрь до восьми часов утра никого, кроме хозяина, на чью кровь оно и замыкалось. А оставаться на месте... Нет уж, увольте!

Прошла несколько ярдов и выдохнула. Кажется, пронесло. И тут звуки в подворотне стихли. Сверкнула неяркая вспышка, раздался звук, который тяжело с чем-то спутать: так металл приветствует камень.

Ноги сами собой пустились в бег. Быть свидетельницей я не желала. Быть мертвой свидетельницей не желала вдвойне. Я помчалась по улице, на ходу сплетая атакующий аркан. Вдох через раз, выдох через два. Все же зря я не занималась усиленно бегом. Мудрые люди говорят, что, быстро перебирая ногами, можно избежать неприятностей. Вот... надо было их слушать.

Рухнувший камнем с неба тип преградил мне путь.

— Куда это мы собрал... — договорить он не успел.

Я действовала в лучших традициях боевых магов, которые сначала шарахнут заклинанием, а потом уже заводят светскую беседу.

Полыхнуло так, что на миг стало светло, как днем. Когда же волна спала и я смогла хоть что-то разглядеть... Вернее, кого-то!

— Варлок, вэйхэр дэркон дир ин коп! — в сердцах воскликнула я на цвергском, желая падения драконьей туши на одну альвийскую голову. — Какого пекла?

— Вот и я о том же хотел тебя спросить, Най, — убирая щит, парировал альв.

— Я думала, там... — не договорив, мотнула головой в сторону оставшегося позади переулка.

Радоваться тому, что встретила в полночь почти знакомого, я не спешила. Мало ли. И на всякий случай мысленно составила матрицу шквального огня.

— Что бы ты там ни думала, но поступила очень опрометчиво. Разве не знаешь, что девушке одной опасно ходить по ночным улицам? — с укором произнес Варлок.

— Так получилось, — буравя его взглядом, буркнула я. А затем с подозрением прищурилась: — А в общежитии вроде как уже наступил комендантский час?

— Наступил, но прошел мимо меня. Мы разминулись.

— И почему же?

— Мы с ребятами решили прогуляться по кабакам, сплотить команду... — с напускной ленцой протянул остроухий.

Я рефлекторно приняхалась. Духа «сплочения», что так похож на винные пары, не уловила. А Варлок между тем продолжил:

— Я как раз возвращался, решил срезать путь через переулок. Ребята, которые там оказались, отчего-то решили взять мзду за проход. И... мы слегка не сошлись в цене.

Только сейчас я заметила, что его костяшки сбиты до крови.

— Не мог приложить заклинанием? — спросила и прикусила язык.

Это мы, алхимики, могли использовать свою магию и вне стен академии, а вот боевые маги — нет. За атакующий аркан против обывателя можно было и на рудники загреметь.

— Давай поговорим где-нибудь в другом месте. А то, боюсь, у господ жандармов сработало оповещение на применение тобой запрещенных чар. У нас в запасе пара минут. Бежим.

Но не успели мы преодолеть и двух кварталов, как над нами в небе я услышала хлопанье гигантских крыльев и магически усиленный голос:

— Сдавайтесь. Вы окружены. Никаких заклинаний, иначе мы применим чары ликвидации.

— Не успели, — констатировал Варлок.

Или мне показалось, или в его голосе даже сожаления особого не было.

Я замерла как вкопанная. Между тем трое жандармов на грифонах медленно опустились на мостовую. Здоровенные крылатые звери, на которых прилетели патрульные, зло щелкали клювами и били хвостами.

А я увидела алую нить, которую один из жандармов держал в руках. Попала.

Смысла бежать или сопротивляться не было: на грифонах догонят, поймают и еще раз поймают. Главное сейчас — исхитриться и незаметно надеть на палец кольцо, что слегка проблематично: на меня был направлен атакующий аркан.

Жандарм предъявил мне обвинение в несанкционированном применении атакующей магии. И тут вышла загвоздка, потому как выяснилось, что я не боевой маг и уровень дара у меня по официальной версии — «нить». А этого точно не хватило бы на разрывной потоковый аркан. Зато стоявший рядом Варлок являлся как раз боевым магом, но... огненного дара он не использовал.

— Разберемся в участке! — буркнул жандарм.

Антимагических наручников из стаурина у патрульных оказалась всего одна пара, которой меня с альвом за запястья и сковали.

А затем было ожидание магомобиля жандармерии, поездка, во время которой мне все-таки удалось надеть кольцо. На допросе я почти засыпала, мечтая лишь о том, чтобы отпустили домой.

Но даже в состоянии сомнамбулы я не стала болтать лишнего про подворотню. Мало ли кого там альв встретил. Я же лично этого не видела. Только с его слов. А зачем заниматься пересказами? Для того есть специальные люди: сплетники и историки. И если первые действуют по велению души и по-дилетантски, то вторые имеют дипломы и занимаются наговорами в промышленных масштабах. Я ни к той, ни к другой когорте не относилась, а посему выдала урезанную, но правдивую версию. Возвращалась домой. Шла одна по улице, а когда на меня сверху что-то упало, от испуга сотворила ма-а-аленький светлячок. Почему от него задрожали стекла в окнах домов через два квартала? А я откуда знаю. У меня уровень дара небольшой, я не то что убить, покалечить бы не смогла. Разве что психику альва, когда заорала благим матом на языке цвергов.

Остроухий и вовсе заявил, что возвращался от друзей, увидел идущую по улице знакомую, то бишь меня, и решил подшутить: напугать, неожиданно появившись.

В общем, его вариант был еще более невинен, чем мой.

— Так, с вами двумя ясно, что ничего не ясно, — вынес вердикт жандарм. — Один мог, но не применял магию. Второй уровень дара не позволяет, но след ведет к ней... Остаются до выяснения обстоятельств в камере.

Я мысленно взвыла.

За кольцо, в котором артефакт не распознали даже архимаги университета, я не переживала. Вот только...

— Я могу связаться с... — я лихорадочно думала, кто мне мог бы помочь в такой ситуации, — родственниками. Обо мне наверняка беспокоятся.

Смерив меня взглядом, жандарм положил на стол служебный кристалл связи. Мою сумку отобрали сразу же по прибытии в участок.

— У вас на разговор одна минута. В моем присутствии.

Я подвесила кристалл и раскрутила его сначала в одну, потом в другую сторону.

Альв, глядя на меня, откровенно скучал и считал трещины на потолке.

Наконец кристалл мигнул, показав проекцию Алекс в миниатюре.

— Нари? Ты где? Я весь вечер не могла тебя найти. Даже забегала к тебе домой. Что случилось? — обеспокоенно выпалила подруга.

— Я в участке, — устало произнесла я. Хотела добавить, что вместе с Варлоком, но не успела.

— В каком? — перебила Алекс.

— Тринадцатом, — подсказал жандарм.

— Жди, — только и успела сказать подруга.

Законник бесстрастно произнес:

— Время вышло.

Связь тут же оборвалась. Я выдохнула, утешая себя тем, что могло быть и хуже. На тех типов из подворотни вполне могла нарваться я, а не Варлок. О том, что могло бы быть не только хуже, но и лучше, дожидсь я извозного магомобилия, постаралась не думать. Зачем сожалеть о том, чему уже не бывать?

Спустя полчаса, когда захлопнулась решетка камеры, я услышала насмешливое:

— Эту ночь ты проведешь со мной...

Голос, холодный и самоуверенный, заставил меня со злостью сжать зубы и вскинуть голову.

Так и захотелось поправить наглую аристократическую рожу. Лопатой. Раз десять для верности. А еще лучше — сразу убить. Но, увы, тогда бы встал вопрос: как избавиться от трупа? А если учесть, что он останется прикованным к моей руке... Нет, определенно шестифутовая туша весом в два раза больше моего — это не тот «брелок на браслетик», которым я мечтала бы обзавестись.

— Спишь на полу, — отрезала я, дернув на себя «узы брака».

Увы, в моем случае это была отнюдь не фигура речи, а самые настоящие кандалы из добротного металла, да еще и зачарованные магически.

Меня смирили надменным взглядом. Да хоть двумя! Полка у стены узкая, на ней не то что лежать, сидеть вдвоем тесно. Так что она моя. Целиком и полностью. В конце концов, кто из нас хрупкая девушка?

ГЛАВА 6

Единственная камера, где нас заперли, оказалась в конце короткого коридора. Еще бы: магов нечасто арестовывали. Нас не так и много, если сравнить с простыми жителями города. Да к тому же обычно, случись чего, чародеев либо выносили по кускам, либо отправляли в лечебницу, либо они успевали удрать... благородно отступить, не наследив.

В общем, мы были редкими гостями в этой тихой обители. Перед тем как уйти, наш охранник провел целый инструктаж. Заключался он в единственной фразе: захотите по нужде — вон ночной горшок. И его перст указал в угол. Я же, до этого слышавшая о том, что в департаменте правопорядка чтят не только закон, но и традиции, и не подозревала, что последние соблюдают настолько фанатично. В наш прогрессивный век и... горшок?!

Хотя тут же вспомнилось, как в женской уборной год назад адепки умудрились разворотить слив, призывая водного элемента по трубам. Может, горшок — это такая превентивная мера от побега?

Жандарм ушел, заскрежетав дверью, отделявшей коридор от кабинета дежурного.

— Надо будет амулет подзарядить... — услышала я сварливый бас нашего надзирателя. А затем что-то щелкнуло, и звуки, раздававшиеся из-за двери, как отрезало.

Похоже, односторонний полог тишины: двойной в амулеты не встраивают. Зато теперь мы не слышали ничего, что происходило снаружи, а вот наш страж слышал все.

Над дверью, почти под самым потолком, тускло коптил газовый рожок. Магия — штука расточительная, особенно для тех, кто ее лишен. Кстати... Судя по стенам, сложенным из камня с прожилками стаурина, поглощавшего любую магию, даже не будь на нас наручников, дар был бы заблокирован. Напрочь. Но жандарм решил перебдеть и браслетов с нас не снял.

Я опустилась на «супружеское ложе». Струганные доски. Причем не самые чистые. Варлок присел рядом. «Прямо как влюбленные на скамеечке», — подумалось вдруг. От подобного сравнения я поморщилась. Альв, будто читая мои мысли, скучающим тоном начал:

— Сегодня ты оказалась в моем шкафчике в раздевалке, потом мы встретились на улице. Теперь вот и вовсе ты меня к себе приковала. — Он поднял руку, показывая браслет. Кованая цепь звякнула, привлекая мое внимание. — Признайся, малышка, ты меня преследуешь?

— Угу, как смерть больного проказой: на кой мне бегать за ходячим трупом-то?

— Какое поэтическое сравнение, — хмыкнул альв.

— Для нашего томного вечера, полного романтики, самое оно, — вяло огрызнулась я.

Варлок откинулся назад, оперся о стену, отчего цепь, соединявшая антимагические браслеты, натянулась, дернув мою руку. Я покосилась на альва. Он и ухом не повел. Развалился, понимаешь, как у себя дома. Мне бы такую невозмутимость...

Спустя пару минут дурной пример оказался заразителен. Держать спину прямой, изображая наглядное пособие по этикету, мне надоело. И я тоже прислонилась к стене. Та оказалась не просто холодной, ледяной. Что у них там, с другой стороны? Филиал бескрайней ледяной пустыни в пределах одного конкретного участка жандармерии?

Варлок, который к этому времени уже вроде как смежил веки и собрался вздремнуть, приоткрыл один глаз. Потом скорбно, словно ему предстояло с похмелья идти на эшафот, вздохнул и... произнес:

— Обопрись на меня. Я все же теплее стены.

— Спасибо, обойдусь.

— Ну, как хочешь. — Варлок широко зевнул и... вновь смежил веки.

Глаза сами собой слипались, спина сгибалась. Я и не заметила, как начала изображать шамана, входящего в транс, — спать сидя. Тело само собой повело назад. Последней связной мыслью было: стена не такая уж и холодная. Скорее даже, наоборот, теплая, с тонким запахом сандала... И почему-то не совсем твердая.

Разбудил меня прокуренный голос, что-то зло и возмущенно бубнящий за дверью. Неужели энергия в амулете полога тишины закончилась раньше, чем полагал жандарм?

Сначала я не разобрала слов. Лишь сонно прищурилась, поднимаясь... с груди альва. Варлок все так же безмятежно дрых. Ну и хорошо. Сейчас сяду и сделаю вид, что вовсе не использовала его в качестве подушки. Только блузку поправлю. Как говорится, если в новостной листок не попало, значит, и не было.

Между тем жандарм (а именно его голос разбудил меня) продолжал общаться с кем-то.

— Так весь участок на ноги подняли?

— И не только наш, — устало и чуть подкашливая, отозвался тенор. — Всю столицу. Еще бы. Больше десяти лет о наемниках Успы в столице не было слышно, и вот опять... Чую, осерчает император, полетят головы у начальства...

Я не видела говоривших, но бас дородного, уже в летах жандарма узнала. Именно он, попыхивая трубкой, составлял протокол. И оставил нас ночевать в участке.

— Так летят-то головы лишь тогда, когда дело какое громкое не раскрывают, — с сомнением возразил любитель подымить табаком.

— А ты думаешь, раскроют? — прокашлял тенор. — Наемники окромя метки своей, черной лилии, ничего не оставляют.

— Неужто ничего? Даже трупа? — поразился бас.

— Ну, нюхачи говорят, что в этот раз маг, вроде придворный алхимик, на которого напали, даже выжил. Вот только остался без дара... и без мозгов.

— Это как?

— Его, как я понял, пытали. Может, потом и убить хотели, да кто-то наемников спугнул.

— Во дела... Кто же они такие, что смогли самих...

— Может, народные мстители, что уже который день по столице шастают?

— Ты еще в сказку о золотой монетке, которая от бабки с дедкой сбежала, поверь, — хохотнул бас. — Скажешь тоже, мстители. Репортеры придумали, а ты, как наивная девица, и поверил...

Тенорок замолчал. Я подумала, что обиделся, но по донесшимся звукам поняла: просморкался.

— Кстати, о новостниках: капитан приказал никому ни слова, ни полслова... — прогнусавил тенор. — Поэтому я только тебе по дружбе. Так что...

— Да ни в смерть! — заверил бас. — Никому ничего не скажу.

Жандармы еще о чем-то говорили, подтверждая истину, что женским сплетням до мужских бесед — как упырю до солнца: расти и расти.

Вот только я в секреты старых друзей уже не вслушивалась. Я сидела ни жива ни мертва. Наемники Успы. В столице. Пытали придворного алхимика. Память услужливо подсказала имя: эйр Понрой. Он был немногим старше мамы, будь она живой.

Я сглотнула, выныривая из липких лап страха.

— ...а чья это сумка лежит? Ты тут не один, что ли? — забеспокоился тенор, видимо, узрев отнятую у меня торбу, которую жандарм положил на полку перед тем, как отвести нас в камеру. — У тебя же отродясь никого не было!

— Да не бойся, на дверях полог тишины. А те двое залетных, что у меня сегодня квартируют, спят, как цуцики. Я вот только перед твоим приходом проверял.

— Кто хоть попался-то? — полюбопытствовал тенор, успокаиваясь.

— Да голубки влюбленные, судя по тому, как цапались. Оба маги, видимо, что-то не поделили. Или девка приревновала парня своего. У нее дару-то с мышиный хвост, а шарахнула заклинанием, как сказал Леш, неслабо.

— Леш?

— Да, он сегодня в патруле был.

— А-а-а. Давно я его не видел. Все сменами не совпадаем.

Тенор не успел договорить, послышался скрип двери, стук каблуков, я узнала злой и острый, хоть лед коли, голос Алекс:

— Где магесса Найриша Росс?

— Кто? — пробасил жандарм.

— Ошибочно арестованная сегодня ночью адептка, — отчеканила подруга.

— Ну, допустим, не ошибочно... — начал было жандарм, похоже, еще не подозревавший, что ему сейчас выедят мозг чайной ложечкой.

— Поверьте, ее адвокат сейчас докажет вам обратное.

Ничего себе, Алекс умудрилась еще отрыть среди ночи где-то защитника? А спустя четверть часа я убедилась, что нашла она не абы какого, а весьма дельного, потому что нас с Варлоком отпустили, не задавая лишних вопросов.

Правда, когда в замке двери, что отделяла нас от кабинета жандарма, заскрежетал ключ, мне пришлось срочно изобразить спящую. Так, на всякий случай, чтобы наш надзиратель не догадался, что я слышала разговор.

Я уже было прислонилась к стене, прикрыв глаза, как лапища одного наглого альва сонно сграбастала меня и, как плющевого мишку, подтащила к груди.

— Какая неожиданная встреча, — при виде альва громко воскликнула Алекс.

Я, играя роль пробудившейся спящей... — хм... до красавицы, полагаю, мне было далеко, так что просто — девицы, попыталась отпрянуть от остроухого. Куда там, он протестующе замычал.

Я от души пихнула альва в бок. Только после этой целебной акупунктуры он соизволил проснуться и выпустить меня. Взгляд Алекс буквально впился в куртку Варлока. Видимо, она решила, что сей случайной встрече обязана булавке.

Альв же, увидев свою спасительницу, широко ей улыбнулся и подмигнул. Алекс в ответ стрельнула глазами... В общем, эти двое завязали межрасовую беседу о чувствах без использования сложных лингвистических конструкций, в просторечии именуемую флиртом.

Причем милая беседа глазами и жестами продолжилась и в магомобиле. Я села на переднее сиденье рядом с шофером. Тем самым, который недавно отвозил меня домой из особняка Алекс.

Подруге быстро надоело молчать, и она перешла в атаку, весело защебетав. Варлок, как истинный боец, и не подумал отступить.

Я же изображала крайнюю степень усталости и напоказ клевала носом. Вот только знала: этой ночью после подслушанного разговора я уже не сомкну глаз.

Выйдя из магомобилия, я попрощалась с Алекс и альвом, поймав на себе задумчивый взгляд последнего. Он смотрел на меня как-то слишком внимательно. Поправив ремень сумки на плече, пошла к крыльцу дома.

Забирая нас из участка, Алекс обмолвилась, что, когда она забежала ко мне, дома панику еще не поднимали. Я понадеялась, что и после ее ухода все осталось так же тихо.

Осторожно достала ключ, провернула его в замке. Открыв дверь, шагнула в прихожую. Тишина. Дом спал. Даже фамильное привидение, зависнув полупрозрачным облачком под потолком, тихо посапывало.

Я прокралась по лестнице, переступая особо скрипучие ступени. В голове мелькнула шальная мысль: слишком много в моей жизни альвов, а что если... Тихо повернула ручку двери и заглянула в бабушкину комнату. Вир спал, его волосы, не скрепленные кожаным ремешком,

разметались по подушке.

Затворила дверь, быстро перебежала в дядину мастерскую, окна которой выходили на улицу.

Магомобиль все еще стоял напротив нашего дома. Странно. Подруга же с десятков раз повторила, что довезет Варлока до общежития. И тут дверца открылась, альв вышел, отсалютовав оставшейся в машине Алекс. Потом зачем-то посмотрел вверх, как раз туда, где я пряталась за занавеской, и... оттолкнувшись от мостовой, взмыл в небо. Хм... Зачем тогда ехал с нами, когда мог вот так отлеветировать?

Я помотала головой, пробормотав себе под нос:

— Нари, тебе слишком многое чудится там, где ничего нет. Лучше бы разобралась с тем, что действительно существует.

Я стояла, вцепившись в плотную штору, пахшую пылью и известью. Магомобиль с Алекс уже давно уехал. Переступила босыми ногами, которые уже начал леденить холод паркета.

Ночь — время откровений, когда мысли — короче, чувства — острее, правда — обнаженнее, а одиночество — честнее. Под двумя лунами, выкатившимися на звездное небо, все видится немного по-другому. Без мишуры и суеты дня. Вот только тени у демонов страха тоже длиннее.

Но сейчас дорожка лунного света, в которой я очутилась, словно щитом, укрыла меня от них.

Когда я услышала о наемниках, первой мыслью было — бежать. Как можно дальше. Но сейчас, стоя в дядиной мастерской, я поняла, что если я задам стрекача, то стану куда заметнее. И чем быстрее попытаюсь скрыться, тем четче будет мой след. Поэтому лучше замереть среди ночных теней, в которых, как говорится, все властелины — темные. Среди таких попробуй отыщи тихую крохотную мышь.

Эта мысль успокоила. Придала сил. А чтобы окончательно успокоиться — неплохо бы перекусить. Я спустилась на кухню. На столе стояла пустая бутылка вина. Выкинула ее в мусорное ведро и заварила свежий чай. Правда, специи добавляла механически, не задумываясь. Руки делали привычную работу, а мысли были далеко. И почему-то витали они там же, где и Варлок: в облаках.

— Давно вернулась? — раздался голос из-за спины.

Я обернулась и увидела Виру. Он, зевая, стоял в дверях кухни.

— Нет, — честно ответила я. Врать не хотелось.

— Признаться, я переживал, когда узнал, что ты ушла.

— Извини, я торопилась в аптеку, я там подрабатываю... — Я зачем-то пустилась в путаные объяснения.

— Твои кузены сказали то же самое. А еще заверили, что волноваться не стоит и ты часто задерживаешься в аптеке... — произнес он и с укоризной добавил: — Нары, почему ты не сказала? Ходить по городу ночью одной опасно.

— Ну, ничего же не случилось. — Я постаралась изобразить безмятежность.

— Обещай, что в следующий раз позовешь меня. — И посмотрел испытующе.

— Хорошо. — Я опустила взгляд и, чтобы как-то перевести разговор на другую тему, спросила: — Будешь чай?

— Конечно, буду. Особенно чай, — усмехнулся альв.

И только когда я наклонила заварочник над кружкой, поняла: разрыв-трава, добавленная в чай, бодрит гораздо лучше самого крепкого кофе. Причем даже пробовать напиток не нужно. Достаточно оказаться рядом. А ведь всего-то надо было смотреть, что добавляю...

Ошпариться не ошпарилась, успела отскочить. Но от кружки остались одни осколки. От моего желания почаяевничать — тоже.

— Не пострадала? — Альв неожиданно быстро возник за спиной.

— Не считая чувства собственного достоинства, остальное цело, — фыркнула я.

— Тогда садись за стол, тяжелораненая, я сам приберу. И чай тоже заварю сам.

— Напомни твою специализацию? — вкрадчиво спросила я.

— Поверь мне, не яды. Это точно.

— Ну, тогда я спокойна...

Села и приготовилась наблюдать, как перед моими глазами альв будет становиться еще благороднее. Ведь труд, как известно, облагораживает. И я буду созерцать сей эволюционный процесс.

Но, увы, Вир повел себя как изнеженное дитя магического прогресса и не дал мне насладиться видом его зад... спины. Веник и совок были отринуты альвом как архаизм. Вир совершил пасс рукой так, что под конец мне явственно привиделась фи́га, и под звуки заклинивания ликвидировал осколки и лужу. А заодно почему-то и разделочный нож, лежавший рядом.

— Извини, — задумчиво почесав затылок, выдал альв.

— Ничего страшного. Главное, что он был кухонный, а не ритуальный. Иначе Тай нас без него бы зарезала.

— Ну что, теперь, может, я попробую заварить чай? — спросил Вир.

— Знаешь, я чаю не хочу... — призналась я. — А вот поесть...

Главное, чтобы было что. А то получится, как в том рецепте постного бульона, который начинался словами: «Пододвиньте кастрюлю так, чтобы тень от висящего за окном изображения курицы падала на бурлящий кипяток...»

Но, к счастью, на этот раз продукты нашлись. Хотя продукты — громко сказано. Был только набор для митинга и демонстраций протеста: помидоры и яйца. Но даже если завтра Тай и планировала идти на очередную манифестацию (водился за ней сей грешок), то отправится она на нее без оружия: оное ушло на омлет.

Взбивая скрэмбл, я подумала, что лозунг прошлого «перекуем мечи на орала» изжил себя. Нынешний: «перебьем яйца на омлет» — куда как демократичнее, а главное — вкуснее и питательнее.

То ли слишком поздний ужин, то ли слишком ранний завтрак пришелся на четыре утра.

Вир хитро поглядывал на меня, уплетая яйца с помидорами.

— А ты обещала мне сказку... — закинул удочку он.

— Может, еще обнять, поцеловать и укрыть одеялком? — Я изогнула бровь.

Скажи я это другим тоном, и вышла бы издевка, но я была настроена благодушно, и получилась лишь дружеская подначка.

— Про твою беременность... — напомнил Вир.

— А, про нее... Да там ерунда вышла из разряда: любишь порчу наводить, люби и откат получать.

— В смысле? — не понял остроухий.

— Ну, я почти увильнула от отработки в оранжерее и теперь расплачиваюсь. Алекс сказала Гринро, что я беременная. И мне нельзя напрягаться. Тот освободил меня от отработки, но передал эту чушь нашему куратору. А он решил поговорить со мной. И если что — побеседовать с отцом моего ребенка...

— Ты беременна? — прогремело из-за дверей.

Я зажмурилась, про себя помянув всех демонов пекла. Ну почему дяде приспичило прийти на кухню именно сейчас? Да, он натура творческая, часто полуночничал, но... Уже утро! Я набрала побольше воздуха в грудь, чтобы начать в очередной раз пересказ о своей

лжебеременности. Мысленно даже поклялась себе, что на эту тему никогда... — нет, не так! — ни-ког-да-а-а не буду врать! Но дядя меня опередил.

— Кто отец?! Хотя не надо, Нари, не говори! — прорычал Моррис, выставив вперед ладонь в категоричном жесте. Он подошел ближе и встал между столом и плитой. — Это ведь он! — И обличительным перстом ткнул в сторону опешившего Вира.

Альв оказался куда проворнее меня. Или мысли у него в голове кучковались, и их не надо было собирать. Он влет выдал:

— Эйр Моррис, если я с вами соглашусь, то боюсь, что мы оба окажемся не правы.

— Что? — опешил дядя и рефлекторно потянулся к ручке чугунной сковородки, что скучала на плите в одиночестве и опустошении. А потом проникновенно начал: — Я всегда считал, что творить магию и благословлять надлежит с радостью, по зову сердца или гнева...

— Положи сковородку! — предостерегающе произнесла я, бдительно следя за дядей.

— Это моя волшебная палочка, которой я благословлю одного альва! — протестующе взревел Моррис.

Дядя всегда был импульсивным, но сегодня — особенно. Словно он ревновал меня. Или... действительно ревновал? Как отец, беспокоящийся о дочери, у которой помимо него в жизни появился еще один любимый мужчина.

— Нари, — с затаенным отчаянием произнес Моррис. — Скажи, зачем было лгать про какую-то программу по обмену? Неужели ты думала, что если скажешь правду, что ты в положении, а твой мужчина будет жить с нами, я выгнал бы взащей отца твоего ребенка?

— С учетом того, что Вир разбил твою скульптуру, я думала, что ты его вообще убьешь, — выпалила я и прикусила язык.

Определенно, бессонная ночь сказалась на моих мыслительных способностях не лучшим образом! Ну чего бы мне не промолчать?

— Убить? Собственного зятя? Да за кого ты меня принимаешь! — И в противовес своим же словам дядя поудобнее перехватил сковородку.

— Я. Не. Бе-ре-мен-на! — произнесла я, с яростью чеканя каждый слог.

— Совсем? — огорчился Моррис.

— Совсем. Окончательно. Бесповоротно. И ни разу. Я вообще не могу быть в положении!

А затем я в сердцах пересказала про оранжерею. В красках. Так, чтобы Алекс в постели икалось долго и беспрерывно!

Нас с Виром смили подозрительным взглядом из-под кустистых бровей.

— Значит, точно?

— Точнее не бывает! — вскипела я. — Могу через врата святой Иоганны пройти, если не веришь! — помянула я артефакт, что стоял в центральном столичном храме двуединой силы.

Через арку, столпы которой полыхали пламенем, могли пройти неопаленными только невинные девушки. И мне бояться было нечего.

— Не надо. — Дядя и вовсе сник. Аккуратно поставил сковородку обратно и смущенно пробурчал: — Извини, Нари. Просто я как услышал в дверях... — Он развел руками.

— Чай будешь? — примирительно произнесла я.

— Чур, готовлю его я, — тут же вклинился Вир.

— У Нари он хорошо получается, — не понял дядя.

— Поверь, сегодня у Вира получится лучше, — заверила я, с содроганием вспомнив о разрыв-траве.

У альва действительно получилось. Удивить. Вроде бы он заваривал чай, но в итоге вышел

кофе, который, как ни странно, понравился Моррису. За чашкой бодрящего напитка эти двое и разговорились. Начали с обсуждения современной крупной скульптуры, а дальше... Под бархатный баритон Вира и бас дяди я поняла, что свершилось невероятное: я захотела спать. Хотя, выходя из участка, готова была поклясться, что в ближайшее время не смогу сомкнуть глаз.

Сама не заметила, как провалилась в дрему. Она была как мягкое облако. Без всяких кошмаров и страхов. А потом чьи-то сильные руки подняли меня и куда-то понесли. Последним, что услышала сквозь сон, были слова: «Отдохни, малышка».

Мне снился луг, залитый светом. Трава, молодая и оттого особенно яркая, мягко пружинила под босыми ногами. Солнце купало меня в своих лучах. Я подняла голову и посмотрела туда, где по небу неспешно плыли легкие и узорчатые, как перья, облака. Прислонилась ко лбу ладонь, согнув ее козырьком, взгляделась в лазурь над головой.

Тень. Она была огромной, словно грозовая туча, и стремительной, как бешеный порыв ветра. Стрела, немыслимых размеров стрела, будто выпущенная из гигантского арбалета, летела по небу.

В тишине раздался рев. Блеснула сталью черная чешуя, и лучи полуденного солнца закрыла здоровенная туша дракона, пронесшаяся прямо надо мной. Воздушная волна окатила меня, заставив пошатнуться, когда ящер взмахнул крыльями, набирая высоту.

Чиркнув по небу острым хвостом, он зашел на вираж. Круг над поляной, где я стояла. Еще один.

Завороженно смотрела я, как дракон приземлился на поляну, спружинив лапами, и сложил крылья. Его черная чешуя блестела на солнце броней, острый шипастый гребень, начинавшийся у шеи, шел вдоль всего хребта и заканчивался булавой на кончике хвоста.

Сильный. Опасный. Хищник. Созданный для того, чтобы убивать. Острые зубы, мощное тело, под чешуйчатыми пластинами которого перекачивались мышцы. Дракон склонил лобастую голову набок, точно дворняга, с интересом глянул на меня. В его лазурных глазах было... любопытство.

Хвост ударил по земле, дракон раззявил алую пасть, словно ухмыльнувшись. Мелькнул красный раздвоенный язык, точно ящер пробовал воздух на вкус.

Удивительно, но мне не было страшно. Скорее, как и дракону, любопытно. Я сделала шаг вперед. Дракон сложил передние лапы перед собой, наклонился, уркнув. Едва его голова опустилась, как я почувствовала: что-то неуловимо изменилось.

Голубые глаза с вертикальным зрачком моргнули. В них застыло невероятное изумление. Я замерла, глядя на дракона и не смея пошевелиться. Страх, зародившийся где-то в груди, расцветал морозным узором, бежал по венам, сковывал. А тело ящера между тем превращалось в камень.

Сначала хвост, потом задние лапы, тело, крылья. Кажется, дракон в последний миг понял, что с ним происходит. Вскинулся, уперся передними лапами в дерн. Рванулся, будто пытаюсь убежать сам от себя. И замер. Застыл навечно, превратившись в каменную статую.

А я так и осталась стоять в ее тени. По спине пробежала капля пота. Холодного, липкого. Прокатилась по позвоночнику, будто сама госпожа смерть провела по коже своим ледяным костлявым пальцем.

Все так же по небу плыли белые облака. Все так же пекло солнце, вот только...

— Нари! — Звонкий голос, подобно острому мечу, рассек тишину.

Я резко обернулась, ища того, кто меня звал.

— Нари!

Я внимательно огляделась по сторонам. Никого...

— Нари, засоня, да сколько можно дрыхнуть!

Исчезла поляна, словно смазалась. А здоровенная каменная морда дракона начала обретать черты Тай.

Я проснулась. Помотала головой. И привидится же такой бред...

— Твой альв просил тебя разбудить к десяти, чтобы не проспала. Сказал, что у тебя первого занятия сегодня нет...

Мой взгляд упал на хроносы.

— Преисподняя и пепел! — Я схватилась за голову.

— Ну еще же только десять! — поспешила оправдаться кузина. — А не одиннадцать.

— Десять тридцать! — Я вылетела из постели, будто рядом лежал зомби.

Заметалась по комнате, пытаюсь собрать сумку, натянуть платье, собрать волосы в хвост.

Тай попыталась притвориться, что ее тут нет. И не важно, что она грозная некромантка с сильным даром, а я всего лишь какой-то алхимик, раб пробирок и склянок. Сейчас, в данный конкретный момент, вероятность получить тяжкие телесные повреждения была как раз у кузины.

Уже надев платье, я поняла, что оно то самое, пострадавшее вчера от шпингалета. Выругалась, переоделась, запихнула-таки в свою торбу свитки не только сегодняшних лекций, но половину лишних, попавшихся под руку. И с низкого старта рванула к знаниям. В смысле, в университет.

Влетела в аудиторию, когда занятие уже началось. Пришлось несколько раз извиниться перед магистром Ломб. Она, всегда невозмутимая, строгая, с идеально прямой спиной и изысканными манерами, вела у нас предмет «Руды и их соединения».

— Причина опоздания? — изогнув бровь, осведомилась эйра Ломб и с усмешкой добавила: — Надеюсь, причина окажется если не веской, то хотя бы интересной, а не набившее оскомину «проспала», за которое мне придется наказывать вас отработкой.

Да уж. Острого как бритва языка магессы побаивался иногда даже ректор. Понятное дело. Такого оружия, особенно в дипломатических сражениях, стоило опасаться. Тем более если учесть, что оттачивала его и практиковалась в словесном фехтовании госпожа преподаватель каждый день.

Услышав об отработке, я представила еще один визит в оранжерею и вздрогнула.

— Я проспала из-за любовника. Даже двух! — тут же выпалила я и, видя, что этого маловато, добавила: — А потом была целая оргия! Только на отработку не отправляйте!

По аудитории прокатились смешки. Магесса позволила себе улыбку.

— Садитесь на место, Найриша. За оригинальность и смелый подход, что так необходимы каждому алхимику, я вас прощаю. Но это последний раз, когда я пускаю на лекцию после ее начала.

Я выдохнула и поспешила за парту. И вот странность. Алекс не было. Вира, к слову, тоже. Но если у альва не все занятия совпали с нашими, поскольку некоторые предметы он уже сдал у себя в университете, то подруга... Обычно она никогда не пропускала занятий.

Я старательно конспектировала уравнения реакций рудных металлов первой группы активности, особенности их взаимодействия, а сама думала. И мыслей в голове было так много, что они гудели внутри черепа пчелиным роем.

Звонок стал сигналом к освобождению. Адепты в едином порыве повскакивали со своих мест и ринулись в столовую. Я же попыталась по кристаллу связаться с Алекс.

— Привет. Ты куда пропала? — спросила я у подруги, когда та наконец-то откликнулась.

— Ох, — выдохнула Алекс. — Ты не представляешь, сколько всего произошло. Давай встретимся в столовой на нашем месте. Через полчаса.

Я согласилась и отключилась. А потом поняла: жутко хочу есть. Вспомнив, что вчера заработала целых пять форинтов, решила побаловать себя. В результате набрала всего и побольше.

Заставшая меня за приступом чревоугодия Алекс покосилась на поднос и вместо приветствия произнесла:

— Настоящая эйра должна есть, как птичка.

— Я и ем, как птичка, — возразила я, уминая булку с маком и запивая компотом.

— Ты слопала две тарелки супа!

— Индюк — тоже птичка! — Сытую меня было ничем не смутить.

— Уела. — Алекс подняла руки в жесте «сдаюсь».

— Не уела, а съела, но не все, тебе тоже осталось, — улыбнулась я и протянула подруге ее любимый яблочный пирожок. — Вот, держи.

— Спасибо. — Алекс не стала скромничать и с удовольствием вгрызлась в выпечку.

А пока она была занята, я задала вопрос, мучивший меня почти что сутки:

— Куда ты вчера исчезла из-под окна раздевалки?

Подруга тут же закашлялась. Наконец, справившись с приступом, она заговорила. Вчера она выскочила из окна и с нетерпением ждала меня. Потом по голосу тренера и захлопнувшейся фрамуге Алекс поняла, что я застряла в раздевалке, и решила узнать, в чем дело. Ради этого она даже залезла на дерево. То самое, чьи ветки не доставали до окна. Оттуда-то подруга и узрела, что команда по громобоя в раздевалке есть, а меня — нет.

Когда игроки ушли в душевую, Алекс сообразила, что сейчас-то я и сбегу. Она начала слезать и с ужасом обнаружила, что застряла... Натурально. И пока она отцепляла запутавшийся вокруг гадкого сучка подол, внизу под деревом нарисовался Стрела. Да так нарисовался, что не сотрешь.

Сначала рыжий, увидев на дереве весьма необычный плод, посмеялся. А когда Алекс послала его затейливым анатомическим маршрутом, наглец ответил, что недавно там уже был и ему весьма понравилось. В общем, не растерялся. Даже, наоборот, заявил, что его такая горячая девушка только заводит.

Алекс пожелала, чтобы его завод как можно скорее сломался... Так, слово за слово, они поцапались. Одна при этом сидела на ветке, второй стоял внизу и созерцал голые ножки... Пейзаж созерцал.

Не знаю, сколько бы они еще переругивались, но тут вышла незадача с деревом. Ветка обломилась, и Алекс рухнула прямо на Стрелу.

— Представляешь, этот гад заявил, что за спасение я обязана его минимум поцеловать.

— А максимум? — Мне стало любопытно.

— Пойти с ним на осенние танцы. Пойти! С таким придурком!

— И ты его конечно же отшила? — задала я риторический вопрос.

— Конечно. Когда он меня поставил на землю.

Я зацепилась за это уточнение:

— А где он тебя поставил на землю?

— В центральном Немдинском парке.

— Который недалеко от моста через Кейшу? В паре миль от университета?

— Да, — фыркнула Алекс. Под моим испытующим взглядом ей пришлось пояснить: — Он вздумал взмыть со мной в небо! Я же говорю — придурок. Активировал все свои демоновы накопители и взмыл.

Я сидела с непроницаемым лицом. М-да. Куда-то я не туда булавку выкинула. Просто ведь хотела, чтобы Варлок и Алекс (а значит, и я) поменьше сталкивались, вот и выдернула у альва из куртки заговоренную булавку. Кто же знал, что соседний шкафчик — у Стрелы. А если

булавка-повстречайка сейчас у рыжего, то...

То у меня были плохие новости для подруги. Но делиться ими с взбешенной Алекс? Спасибо, я еще пожить хочу! Желательно долго, счастливо и в комплекте со всеми своими конечностями. Пока Алекс бушевала, я прикидывала, как исхитриться и отобрать булавку у Стрелы. Но обдумать эту мысль до конца не успела.

Теперь уже с вопросами меня атаковала подруга. Как я оказалась в участке? Почему с Варлоком? Пришлось выдать протокольную версию. Шла, свалился, шибанула. Причем так испугалась, что каким-то чудом смогла выкачать энергию со всех своих амулетов. Даже из кристалла связи. Вот и получился такой мощный аркан.

Кажется, подруга поверила.

— Алекс, спасибо, что вытащила из участка.

— Ерунда, — отмахнулась подруга.

Но я прекрасно знала, что это не ерунда. Хотя отец Алекс занимал высокий пост, свою дочь он воспитывал в строгости. Другое дело, что та отлично умела хитрить... Значит, к нему она за помощью не обращалась, а все провернула сама: и защитника нашла, и участок на уши поставила.

— Варлок при близком знакомстве весьма неплох. — Алекс мечтательно прикрыла глаза. — Вот только у него оказалось старомодное воспитание. Представляешь, когда я сказала, что доведу его до общежития, он заявил, что не смеет меня задерживать в столь поздний час и красть минуты моего сна! А посему доберется сам.

— Как романтично. — Я сморщила нос.

— Угу, — не разделила моего скепсиса Алекс. — Варлок уже почти очарован мной. Осталось совсем немного. Я думала, будет труднее.

— Узнаю свою подругу! — похвалила я. И вкрадчиво добавила: — А то я уже решила, что ты действительно влюбилась в этого чемпиона.

— Пфф, — оскорбилась подруга. — Я? Влюбилась? Да никогда. Просто рядом с лучшей девушкой академии должен быть только лучший.

— Ты от скромности не завянешь, — подколола я.

— Просто я искоренила в себе этот порок.

— Угу, как сорняк с грядки, — поддакнула я.

— Нарі, я хочу с тобой серьезно поговорить...

По резко изменившемуся тону Алекс я поняла: надгробная крышка свалилась оттуда, откуда не ждали.

— О чем? — настороженно спросила я.

— О дипломе... — Алекс потупилась и начала изучать крошки на столе. Пристально. Очень.

— Мы же хотели писать его вместе? — не поняла я.

— Понимаешь, тут такое дело... — начала Алекс. — Сегодня утром ко мне подходил Мейнхаф, в общем...

Она наконец собралась с духом и вылила на меня ушат новостей. Оказалось, ей, как одной из самых талантливых и одаренных адептов-выпускниц, предложили участие в гранте. Исследование, диплом с перспективой аспирантуры, отличные рекомендации... Алекс не смогла устоять перед таким искушением.

— Извини, я хотела тебе лично сказать. — Она нервно побарабанила пальцами по столешнице. — Я знаю, что мы хотели вместе. Что у тебя с учебой отношения так себе, и я обещала помочь... Но пойми, Нарі, для меня это шанс! Шанс доказать отцу, что я могу добиться многого и без его денег и положения. Ну, не расстраивайся так! Я все равно буду тебе помогать с твоим дипломом, обещаю! — И, увидев мое угрюмое лицо, Алекс воскликнула:

— Клянусь своей кровью и даром, что помогу написать тебе твой диплом! Ну, не злись...

Я была зла? Нет... Так, слегка в бешенстве. Только старалась не слишком громко скрежетать зубами. Мейнхаф... Он сдержал свое слово. Пекло! Я уже планировала, как спокойноенько мы с подругой напишем этот демонов диплом, один на двоих. Алекс будет блистать на защите, и никто не обратит внимания на мямлю Нари за ее спиной... А у меня весь год будет предлог, чтобы спокойно изучать работы именитых алхимиков, посвященные преобразованию крови. Возможно, Алекс с ее уровнем дара даже спецдопуск бы выдали в закрытый сектор императорской библиотеки.

Вообще в нашем университете редко кто писал дипломы на вольные темы. Ректор был очень практичен и считал, что незачем полумразумный адептский потенциал тратить попусту. Потому и брал от совета архимагов заказы на исследования. Кому-то из умудренных всесильных чародеев нужно было сотню мелких опытов провести, чтобы статистику собрать. Не самому же такой ерундой заниматься? Другому — протестировать совместимость дюжины бытовых заклинаний. Так и набирался целый ворох тем, а заодно и форинтов. Ведь эйр Ортридж просто так результаты изысканий своих адептов заказчикам не отдавал. Хозяйственный нам попался ректор и экономически подкованный. Так-то. Остальные темы, чтобы всем студентам хватило, предлагали уже преподаватели. Из них адепты и выбирали, кому какая ближе.

Когда в первый день учебы у расписания вывесили список тем для дипломов, я не поверила своей удаче. «Эликсиры, изменяющие кровь, ее свойства и состав», — прочитала я и поняла: вот он, мой шанс. Но напротив темы стояла руна, обозначающая уровень дара адепта, который мог бы ее взять, — «канат». С моей официальной «нитью» и мечтать не стоит. Но вместе с Алекс... Подругу я подводила к мысли взять именно «Кровь» долго и обстоятельно. И вот теперь...

Я была готова убивать. Да что там убивать: проклинать, поднимать из могилы, развоплощать душу... Так, мне срочно нужна маленькая кукла Мейнхафа и иголки.

— Для чего? — спросила Алекс, и я поняла: последнюю мысль я произнесла вслух.

— Для акупунктуры, конечно. Магия смерти же запрещена в империи... — буркнула я и тихо добавила: — А жаль.

— Нари, не будь пессимисткой, не впадай в депрессию!

— Хорошо, впаду в Кейшу или сразу в Армирское море.

— Ну, я же поклялась, что буду тебе помогать с дипломом! — Подруга, державшая стакан, экспрессивно стукнула им по столу. — Возьми другую тему.

Я молчала. Загнав злость в дальний угол, старалась просто просчитать ситуацию. Мейнхаф меня же предупредил? Предупредил. Да и Алекс по-своему права, для нее это шанс. Да для любого адепта имперский грант — не то что путь, а прямо-таки освещенный огнями широкий проспект в благополучное будущее. И по ее логике она меня не бросила. Даже собственным даром поклялась, что будет помогать. Вот только легче от осознания мотивов Алекс и Мейнхафа мне не становилось.

— Ты, кстати, написала доклад для Шелеста? — Подруга попыталась сменить тему.

Демон раздери! Я и так злая до невозможности, а тут еще и это...

— Знаешь, Алекс, я думала, что хуже уже быть не могло, но ты постаралась...

— Забыла? — понимающе уточнила она.

— Напрочь.

— Ясно. — Она полезла в сумку и, достав несколько листов, протянула их мне. — Держи, я написала. Так и знала, что ты со своими ночными приключениями не успеешь ничего сделать.

Раздавшийся звонок возвестил о том, что большой перерыв закончен.

— Ну что, пошли на «Хронологию реакций»? — Как ни в чем не бывало Алекс подхватила с места и улыбнулась.

Я кивнула. Вторая половина дня пролетела для разнообразия тихо. Даже сданный Мыхрыму

доклад не вызвал у преподавателя ни одного вопроса. Что еще больше насторожило: ведь если все идет хорошо, значит, судьба притаилась и готовит грандиозную подлянку.

Последняя пара заканчивалась поздно. И кто только такой альтернативно-одаренный составлял расписание? Последний рабочий день, шесть вечера и лекция по эндамагическим реакциям сочетались плохо. Очень плохо. Алекс клевала носом, но держалась.

За большим — выше моего роста — окном догорал закат, обещая вскоре смениться звездным небом с двумя щербатыми лунами. И на фоне сего пейзажа я узрела рыжую макушку, которая на миг появилась между красных крон рябин. Стрела. Что ему нужно? Хотя... Я покосилась на порозовевшую Алекс. Ага, скорее не что, а кто.

Прозвенел звонок, дав нам всем вольную.

— Кажется, тебя встречают. — Я кивнула на окно, где напротив нас уже во весь рост в воздухе завис Стрела, сложив руки на груди. Алекс гордо отвернулась, словно боевика тут и вовсе не было, и начала убирать конспект в сумку. Вот зря она его проигнорировала. Все же за сильным магом, как за фокусником, нужен глаз да глаз.

Стрела ухмыльнулся, совершил пасс, и в стекло полетело заклинание. Я рефлекторно отпрянула, ожидая осколков, но их не было. Прозрачная преграда на миг пошла рябью, превратилась в зеленоватую дымку и стала проницаемой. Адепт медлить не стал и шагнул на подоконник. Благо преподаватель покинул аудиторию и видеть сего попрания устава академии не мог.

Спрыгнув на пол, рыжий уверенной, чуть ленивой походкой подрулил к Алекс и обнял ее за талию.

Резкий удар локтем в солнечное сплетение мог бы вышибить дух у многих. Но Стрела не зря был одним из лучших боевиков на своем факультете. Он этого даже не заметил. Только усмехнулся и, наклонившись к замершей в напряжении Алекс, прошептал ей на ухо, но так, чтобы окружающие, которые отчего-то словно поймали проклятие медлительности, услышали:

— Вчера наше свидание закончилось слишком быстро, а поцелуев было слишком мало...

Я посмотрела на рыжего, потом на Алекс и засомневалась: а булавка точно была только на встречи? Без приворота, который запрещен законами империи? Нет, надо срочно ее вернуть!

— Руку убрал! Или она у тебя лишняя?! — между тем зло прошипела Алекс.

— Как скажешь, медовая, — провокационно промурлыкал рыжий, и его ладонь переместилась ниже. Как раз на то место, на которое мы вчера и огребли с подругой приключений.

— Ах ты... — В руке Алекс заискрился снежный свет.

— Применишь магию — поцелую, — предупредил боевик.

Неужели это отличительная черта всех адептов факультета боевой магии: наглость, напористость и желание любым способом добиться своего?

— Поцелуешь — урою, — в тон Стреле, будто сама была одноклассницей рыжего, ответила Алекс.

— Лопату дать? — Рыжий пристально смотрел на ее губы.

— Лучше самоубейся.

— Вот это вряд ли... — хмыкнул Стрела, а потом добавил: — К тому же вчера ты так быстро отблагодарила меня и убежала, что не заметила, как у тебя кое-что порвалось.

Он достал из кармана кулон, цепочка которого была целой.

— Я позволил себе ее починить. — Это Стрела произнес, уже ловко увернувшись от когтей Алекс, которая попыталась вернуть свое самым быстрым и простым способом.

— Отдай мне родовой артефакт! Мне его на двадцать лет отец подарил!

— Отдать? За просто так? — изумился Стрела.

— Хорошо, чего ты хочешь? — спросила Алекс.

Когда нужно, подруга была очень деловой и практичной.

— Свидания. — Рыжий спрятал кулон обратно в карман.

— Ладно, когда?

У меня сложилось впечатление, что я секретарь на переговорах двух цвергов, деловых до неприличия.

— Прямо сейчас, — улыбнулся рыжий и, заметив, что Алекс бросила на меня просительный взгляд, уточнил: — Одна, без своей серой тени.

— Нари не тень! — отчеканила подруга.

— Хорошо, без твоей цветастой палитры и яркого розария, — покладисто заявил Стрела и шуточно отсалютовал мне, словно извиняясь.

Алекс стиснула зубы. Я прекрасно знала, как дорог ей этот кулон. И ради того, чтобы его вернуть, она даже с зомби на randevu пошла бы.

— Отлично. Пошли. — Алекс решительно закинула сумку на плечо и, повернувшись ко мне, тоном «я сейчас его быстренько упокою и вернусь» произнесла: — Вечером созвонимся.

Зло стуча высокими острыми каблуками, она вышла из аудитории, а следом за ней, чему-то загадочно улыбаясь, испарился Стрела. Вздохнув, я затолкала свой конспект в сумку и пошла к расписанию. Все же нужно было посмотреть оставшиеся темы. И выбрать ту, что мне с кольцом под силу.

Холл был почти пуст: adeпты спешили домой. Кто-то, как и я, подошел к расписанию. Списки неярко мерцали в полумраке. Нашла свою группу, посмотрела на перечень оставшихся тем и чуть не взвыла. Почти все подходящие для слабого дара были заняты. Дотянула! Хотя откуда мне было знать, что Мейнхаф озверееет?

«Зелья обращения. Временной аспект и матрица усиления», руководитель Т. Осох. Уровень — «канат».

«Экзوماгический эффект реакции вулканизации серебряного полотна и его применение в промышленности», руководитель У. Мыхрым. Уровень — «нить».

«Эликсиры, изменяющие кровь, ее свойства и состав», руководитель Б. То Моррис. Уровень — «канат».

Нужно было всего лишь приложить палец к выбранной теме и вложить крупицу силы, подтверждая свой выбор. Моя рука уже потянулась к неизбежному, чей-то наглый перст опередил меня, ткнув в имя «Мыхрым».

Обернулась. Йоннок широко растянул губы в щербатой улыбке.

— Кто успел, того и котелок с зельем! — Он весело подмигнул. — А ты чего зависла? Вы же с Алекс вроде как давно тему с кровью застолбили, — спросил он, запустив руку в свои вихры на затылке.

— Уже нет. Алекс на грант согласилась. Я одна. — И в доказательство указала на верхнюю строчку, где напротив темы, помеченной значком имперского гранта, красовалось имя Алекс.

До Йоннока не сразу дошло, что он увел у меня из-под носа единственный диплом, который мне по дару.

— Просроченные реагенты! — присвистнул этот темоумыкатель, и мы оба уставились на две оставшиеся.

Таковыми нас и застал Вир. У него занятия закончились еще час назад, но, оказалось, он ждал меня на крыльце. А когда группа почти вся вышла, а я — нет, альв пошел меня искать. И нашел.

— Выбираешь тему? — спросил он.

— А ты уже определился? — Я глянула снизу вверх на Вира.

— Я еще год назад определился. Даже теоретическую часть написал. При подаче документов

на перевод попросил оставить ее. В ректорате заверили, что внесут ее в ваш список и мне нужно будет ее только подтвердить.

— О, да вот же она. — И альв указал на «Кровь», почти коснувшись списка пальцем.

— Подожди. — Я повисла на руке Вира.

Сказать, что альв удивился — значит промолчать.

Идея, еще не до конца сформировавшаяся, требовала времени на раздумья. Хотя бы минуту, которой у меня не было. Пока не было.

— Знаешь, что прикладывать палец к строке нужно по всем правилам! — Я откровенно тянула время. — Прицелиться. Выровнять дыхание. Палец обязательно должен быть чистым, дабы не оставить отпечатков чернил или грязи. Еще раз спросить себя, точно ли данную тему ты хочешь и хватит ли на нее потенциала. Затем приложить перст к выбранной теме, глубоко вдохнуть...

— Остановись, демон! Я знаю, что ты скрываешься в деталях, но не настолько же! — в притворном ужасе воскликнул Йонок.

— Сгинь, юродивый, — в шутку шикнула я на кучерявого одnogруппника. — Ты мешаешь обряду соблазнения!

— Какого соблазнения? — заинтересовался Вир, до этого стоявший молча.

— Твоего.

Йонок выразительно свистнул и добавил:

— Вот от кого от кого, а от тебя, Нар, я такого услышать не ожидал!

— Цыц! Я молю о спасении!

— У тебя проблемы? — обеспокоенно спросил альв. — Я чем-то могу помочь?

— Да, мне нужно спасти диплом, — призналась я. — Понимаешь, вот он, — я ткнула пальцем в Йонока, — украл у меня из-под носа единственную тему, которую я могла бы написать сама. Понимаешь, у меня очень низкий уровень дара.

В глазах альва мелькнуло удивление.

— Правда-правда, у нее всего лишь «нить», — вставил свои пять медек кучерявый.

Я кивнула, подтверждая.

— А остались темы только для уровня «каната» и выше... Вир, помоги мне с дипломом... — начала я.

Просить было неловко. Жутко неловко. И я уже морально готовилась к отказу, когда услышала:

— Мне нужно его убить? — И сказано это было по-деловому, а сам темоумыватель удостоился пристального взгляда.

— Я буду защищаться, — тут же отреагировал Йонок, вставая в боевую стойку. Она получилась у него на диво корявой, будто он решил сесть на низенькую табуретку, вытянув руки.

— Обижает, только яды, никакой рукопашной! — По весело блеснувшим глазам Вира я поняла, что это был своеобразный альвийский юмор.

Йонок в альвийском юморе был явно слабават, а потому нервно оттянул ворот рубахи, едва не оборвав пуговицу.

— Ты хочешь, чтобы мы вместе писали этот диплом? — Вир оказался очень проницательным.

Сейчас он смотрел очень внимательно, будто я была головоломкой, случайностью, которая намекает пытливому уму изобретателя на закономерность. Под его взглядом я чувствовала себя неуютно.

— Да... — выдавила я и, внезапно осознав, что мою идею смело можно было назвать дурацкой, тут же выпалила: — Нет... Наверное... Извини... Я просто растерялась и ляпнула, не подумав.

Хотела было развернуться и уйти, как сильная рука меня остановила.

— Нари, о чем речь, я тебе помогу.

Я медленно, очень медленно, еще не веря своей удаче, обернулась:

— Правда?

— Ты помогла мне, я — тебе, — хитро улыбнулся альв.

— Чем это ты ему помогла? — встрял любопытный Йонок.

— Не дала погибнуть от гнева мага-разрушителя, — не соврав ни слова, ответил остроухий.

— Ну тогда ты просто обязан ее взять в жен... Ай! — осекся кучерявый, схлопотав от меня по макушке. И тут же исправился: — В соавторы! В соавторы ты, Вир, должен ее взять!

— Ну, раз обязан, то... Нари ты согласна... — торжественно произнес альв, — писать со мной диплом, пока предзащита не разлучит нас?

Все-таки Вир удивительный. С ним было легко. Даже сейчас, когда я должна была его просить и уговаривать, он все превратил в шутку. Переиначил так, что получалось, именно он у меня просит согласия.

— Если только это не будет для тебя большой обузой.

— Ты? Обуза? Да ты легкая, как пушинка, — прищурившись, ответил он и, посерьезнев, произнес: — Нет, Нари, нисколько. Ну так как? Вместе?

Я кивнула, и мы синхронно приложили пальцы к строчке «Эликсиры, изменяющие кровь, ее свойства и состав», руководитель Б. То Моррис. Уровень — «канат». Та на миг засветилась чуть ярче, а йотом появилась приписка: адепты Н. Росс, В. Норвуд.

— Спасибо! — Я посмотрела на Вира, который улыбался мне и только мне.

Хотела добавить, что он даже не представляет, что это для меня значит, но Йонок испортил момент:

— Ну все, раз проблема решена, я могу с чистой совестью сматываться. А то, Нари, я почти почувствовал, как во мне пробуждается совесть.

— То, что мертво, пробудиться не может, — парировала я.

— Скажи это некромантам, — хохотнул Йонок и, довольный каламбуром, махнул нам с Виром рукой в жесте «бывайте».

— Какие, однако, у тебя совестливые одноклассники, сначала уводят тему, потом испытывают муки раскаяния.

— На самом деле он думал, что я буду писать диплом с Алекс... Вот и взял тему для уровня «нити». С его-то «колодцем».

— Колодец? — глядя вслед Йонку, переспросил Вир.

— Угу. Так что, дойди дело до магической дуэли, Йонок легко может раскатать даже некоторых боевиков.

Я говорила вполне серьезно. Несмотря на дурашливость и откровенно разгильдяйское отношение к учебе, кучерявый был сильным магом. До уровня «потока» ему еще, конечно, было далеко, но Алекс с ее «канатом» он превосходил.

— Может, если успеет. В сражении важна не только сила, но и реакция. А еще — опыт.

— Ты говоришь со знанием дела... — Я скосила взгляд на альва.

— Я из древнего рода боевых магов. Единственный, кто не пошел по стопам предков. Так что теперь мой двенадцатилетний брат — последняя надежда отца. — Вир невесело усмехнулся.

— Знаешь, иногда для того, чтобы пойти наперекор традициям, тоже нужны и мужество, и смелость, — задумчиво сказала я. И тут меня озарило. — Скажи, ты именно поэтому уехал из дома, решил на программу обмена?

— Отчасти, — неохотно ответил альв и предложил: — Давай лучше поговорим о тебе.

— Обо мне? — удивилась я.

— Конечно! Должен же я знать больше о своем содипломнике.

— А что ты хочешь знать? — Я повернулась к выходу.

— Все. Но сегодня могу ограничиться твоим любимым видом мороженого. — И на мой недоуменный взгляд пояснил: — Как ты насчет того, чтобы прогуляться по набережной? Мне говорили, что в вечерних сумерках она особенно красива.

— Тебе соврали, — усмехнулась я и, выждав паузу, добавила: — Она не красива. Она прекрасна. Особенно мост через Кейшу.

Болтая о ерунде, мы вышли из университета. Вечер был на удивление теплым, разговор — легким, а мороженое, которое Вир купил мне у уличной лоточницы, — вкусным. Правда, лакомство из холодильного ларя оказалось слегка подтаявшим. Видимо, заклинание заморозки доживало свои последние минуты, а то и вовсе закончилось.

Сливки так и норовили удрать из рожка, и приходилось изощряться, чтобы их побег не увенчался успехом. Беглецов я поймала, но испачкалась сама. Вир, чуть наклонившись ко мне, провел пальцем по щеке:

— У тебя тут капля осталась... И еще тут...

Он наклонился чуть ближе. Его губы коснулись моих.

Поцелуй, неожиданный, с привкусом ванили... Он был нежным, пленяющим. Вир развернул меня к себе, обнял, словно защищая от всего мира, согревая в объятиях. Его язык дотронулся до моих губ, приоткрывая их, проникая, исследуя, лаская. Рука альва поднялась чуть выше, скользнула по шее, и его пальцы оказались на моем затылке, зарылись в волосы.

Эти прикосновения, поцелуи заставляли меня забыть, кто я, где. Они искушали, обещали. Я плавилась, растворялась в новых невероятных ощущениях, чувствуя себя весенним ветром. Хотелось касаться. Дотрагиваться до его кожи пальцами, до его губ — губами, слышать, как бешено бьется его сердце под моей ладонью. А еще мне почему-то показалось, что Вир сдерживается.

В какой миг мне этого стало мало? Не знаю. Мужской запах, в котором были едва уловимые ноты сандала, кружил голову, заставляя быть смелее, даря жажду и дрожь предвкушения.

Я укусила Вира за нижнюю губу, дразня, играя. Он хрипло выдохнул, прижимая меня к себе. Сильнее. Ближе. Так, что я смогла почувствовать под одеждой стальные мышцы его поджарого тела.

Он с трудом оторвался от моих губ. В его глазах было столько страсти, огня, что я забыла, как дышать. Всего миг, и Вир смежил веки, прислонив свой лоб к моему.

А я вдруг осознала, что мы стоим посреди улицы так близко, что невинность нашего поцелуя под большим вопросом. Под очень большим вопросом. Щеки начал заливать румянец.

Вир, словно поняв причину моего смущения, чуть отстранился, все еще продолжая удерживать меня за талию.

— Нари, ты прекрасна. Невозможно прекрасна.

— И все? — Я, стараясь загнать подальше смущение, решила перевести все в шутку.

— А еще удивительная, чудесная и... — Вир зажал амулет и произнес на едином имперском, старательно выговаривая каждое слово: — Ты мне нравишься. Очень.

— Я догадалась после твоего намека.

— Какого? — Альв отнял руку от переводчика.

— Когда ты меня поцеловал.

— Это было только что, — серьезно и как-то озадаченно возразил Вир.

— Ну, я только что и догадалась...

Лицо альва прояснилось, а потом он улыбнулся.

— А это у вас там колесо преисподней сверкает огнями? — Вир кивнул куда-то за мою спину.

Я обернулась. Действительно, «Око неба», как прозвали гигантский круг с вращающимися на нем кабинками, озарился огнями. Колесо медленно крутилось, поднимая к небесам все новых и новых зрителей, желавших насладиться с высоты видом столицы.

— Да, оно. — Я кивнула, завороченно следя за огнями.

Мне не довелось прокатиться на колесе: все же цена в десять форинтов отпугивала почище смертельного проклятия.

— Ты была на нем? — будто догадавшись, спросил Вир.

Я отрицательно замотала головой и отвернулась от «Ока».

— Тогда чего же мы ждем? Давай прокатимся!

— Не думаю, что это хорошая идея: спустить стипендию за два месяца за четверть часа.

— А ты знаешь, что глупости иногда не только можно, но и нужно совершать. Во всяком случае, там интересно. Идем! — приглашающе кивнул альв и, видя мое сомнение, добавил: — Или ты испугалась?

— Оказаться на высоте птичьего полета в кабинке, вверив свою жизнь фырчащему элементалю, который вращает колесо? Конечно нет, — фыркнула я.

— Значит, нам абсолютно ничто не сможет помешать совершить этот подвиг. — И Вир, схватив меня за руку, потянул в сторону колеса. Но самое удивительное, я согласилась!

А когда мы, запыхавшиеся и смеющиеся, оказались у касс, Вир, поцеловав меня в нос, молниеносно достал из кармана монеты. И их было явно больше десяти.

— Кабинку для двоих, — бросил он.

Билетерша протянула нам два билета и, дежурно улыбнувшись, добавила:

— Приятного вечера.

У входа возникла небольшая очередь. И хотя мы стояли первыми, дух-контролер отчего-то пропустил перед нами шумную и веселую семейку, потом компанию девушек и лишь потом — нас.

Причину такого странного поведения духа я поняла лишь тогда, когда оказалась внутри кабинки. Пол со стеклянным окном посередине, панорамные окна, стол с двумя бокалами игристого вина и ваза с фруктами.

— Мне просто захотелось, чтобы нам никто не мешал... — Вир, как профессиональный провокатор, выдержал паузу, — смотреть на город. Кстати, а ты не знаешь, что это? — И он, поправ все нормы этикета, ткнул пальцем в стекло.

Проследив за направлением, я увидела базилику Святого Лонга, о чем и сообщила. А затем Вир указал на здание биржи брокеров, и на башню Непокорных стихий, и на... Я сама не заметила, как оказалась стоящей лицом к стеклу, а сзади — Вир. Я чувствовала его дыхание на своей макушке. И от него по моей коже бежали мурашки, а сердце так и норовило пуститься вскачь.

Я рассказывала и любовалась огнями города, погружавшегося в объятия пряной ночи. Когда кабинка опустилась на землю, мне показалось, что я словно сошла с облака.

— Спасибо за чудесный вечер. — Я чуть запрокинула голову, чтобы посмотреть в глаза Вира. — За все двенадцать лет, что здесь живу, я ни разу не видела столицу с такой высоты.

— Ты выглядишь чуть старше тринадцати, — возразил Вир.

— Мои родители погибли в аварии. И дядя взял меня к себе, — сказала я то, что заученно повторяла уже тысячу раз.

Ложь, переплетенная с правдой, завязанная на сотню узелков, как шанойский ковер, образовывала узор, неотличимый от истины. Ведь мама действительно умерла. Отец, наверное, тоже. А то, что не вместе и не в аварии... Но боль, боль от потери была настоящей.

— Извини, — посерьезнел Вир.

— Ничего страшного. Это было давно.

Хроносы на центральной башне пробили девять раз. Я постояла, прислушиваясь и отсчитывая удары. Меня словно озарило.

— Пойдем. — Теперь уже я потянула альва в сторону набережной.

— Куда? — не понял Вир.

— Не куда, а зачем! Ты показал мне нашу столицу с высоты, а сейчас я покажу тебе то, чем она знаменита.

Мы успели как раз вовремя: к моменту исчезновения моста. Он исчезал ночью на несколько часов, давая возможность парусникам проплыть по Кейше.

Зрелище было завораживающим. Сначала с обеих сторон вспыхнули линии огня и света, преграждая путь магомобилиям, а затем мост начал растворяться. Исчезли арки, пролеты, стали прозрачными кованые ограждения. А последними, мигнув на прощанье, истаяли фонари-мандарины, освещавшие пешеходам и машинам путь.

Домой мы вернулись поздно, и если альв рассчитывал, что в темной прихожей поцелует меня еще раз, то он наивно ошибался. Я, впрочем, тоже. Дружный филиал психбольницы оглушил, едва мы переступили порог.

Тай пыталась отбить у Морриса зомби. Тот пытался заполучить несчастного мертвяка со словами «дочка, это отличный натурщик для новой статуи!». Но юная некромантка не сдавалась:

— Сам добудь себе натурщика! Могу лопату дать. А этот — мой. Я его сама выкопала.

— Мне некогда, у меня вдохновение! — парировал Моррис.

Я лишь покачала головой. Даже не знаю, что опаснее: становиться между творцом, укушенным музой, и натурщиком для его творения или между некромантом и его зомби.

— Ставлю на Тай, — с верхней ступеньки произнес Генри.

— Проиграешь, — возразил второй близнец, и братья ударили по рукам.

Интересно, на что поспорили? На очередь по уборке или щелбаны?

— Мяу... — Под ногами возник рыжий.

Кажется, кот — единственный, кто заметил наш приход. Привидение Йоко, выплыв из стены, печально глянуло на происходящее и выдохнуло:

— Иногда в этой семье я ощущаю себя свеклой в супе: жизнь вокруг кипит, а я еще не готов...

— Йоко, ты привидение, поэтому все в порядке... — утешила я призрака.

— Все время об этом забываю, — снова печально выдохнул он и уплыл обратно в стену.

А Тай между тем перешла от слов к действиям и отвоевала-таки своего зомби. Моррис лишь на пару секунд огорчился, но потом увидел Вира и, хлопнув в ладоши, азартно произнес:

— А альвов я еще не лепил! — И восхищенно зацокал языком, будто первый раз узрел Вира. — Какой типаж.

— Беги к себе и баррикадируй дверь, — произнесла я, но было поздно.

Увы, я не смогла защитить остроухого: талантами Тай превращать любое бытовое заклинание в боевое оружие я не обладала, а альв, в отличие от зомби, не сопротивлялся. Так что Моррис уволок-таки его в мастерскую, где и заперся со своей жертвой до самого утра.

Я, конечно, попыталась воззвать к совести дяди, хотя и знала наперед, что дело это гиблое. Было легче поверить в оживших драконов или прогноз гидромагцентра, чем в то, что дядя отпустит на волю жертву своего вдохновения, прежде чем изваяет очередную гадос... радость для очей благодарного зрителя.

— Нари, все нормально, — подозрительно уверенно крикнул из-за двери альв. — Не беспокойся, лучше иди отдыхай.

Мои подозрения насчет того, что в мастерской творится что-то неладное, усилились. Но, увы, помочь я ничем не могла и решила просто подождать. Вот только на голодный желудок это оказалось делом очень сложным. Спустилась на кухню, разжилась бутербродом и чаем. Поднялась обратно и решила, что ожидание в своей комнате ничуть не хуже ожидания в коридоре.

Села разбирать то, что законспектировала тогда в библиотеке.

Детская память — удивительная вещь. Она стирает порою что-то значимое и страшное, зато бережно хранит малозначительные детали: запах любимых маминых духов, образ одноглазого плюшевого мишки, рисунки принцесс, на создание которых пошли черновики исследований. Формулы на оборотной стороне листов я запомнила как причудливый рисунок. Лишь когда поступила в университет, начала понимать их смысл. Не до конца, но все же. А еще покоя не давали последние слова мамы перед смертью: «Талисман... Они будут искать тебя... Ты ключ».

Я в очередной раз достала кулон, висевший на шее на тонкой прочной цепочке. Он был со мной в тот день, когда я появилась на пороге дома дяди Морриса, с ним я не расставалась все двенадцать лет. Магическая подвеска размером с боб или маленький желудь. Сейчас она напоминала обычное украшение. Единственная память о маме.

Я развеяла морок, и украшение, выглядевшее до этого каплей янтаря, приобрело свой истинный облик. Затейливо свернутая серебряная проволока образовывала ажурный узор, через который было видно, что внутри горошины в воздухе завис алмаз. Он вращался, сияя гранями.

Магического фона от украшения не ощущалось. Но тем не менее это был родовой артефакт моей мамы. Она бы никогда с ним не рассталась. Именно поэтому, увидев подвеску, Моррис, который это знал, все понял: и то, что Эбигейл мертва, и кто я.

Но только ли «рекомендательным письмом» была эта подвеска? Я в который раз покрутила ее в пальцах, ища ответ. И в который раз не нашла.

— Значит, остается формула. — Я выдохнула, пряча украшение под мороком янтарной капли, а потом и вовсе за пазуху.

Все же, когда знаешь, почему и за что тебя хотят убить наемники, шансов выжить становится больше. Вот я и села за конспекты и учебники. Спасаться. Не заметила, как заснула.

А утро встретило меня радостно подпрыгивающим на столе кристаллом связи. Сонно сощутив глаза, на ощупь нашла его и активировала. И тут же на меня обрушился шквал эмоций по имени Алекс.

Я, зевая, в такт охала, особо не вслушиваясь в проклятия, которыми она щедро осыпала Стрелу. Из состояния «Йонок на лекции» меня выдернул вопрос:

— Ну ты как, собираешься?

— А? — Я заморгала, соображая, что же такое важное я упустила.

— Ты на хроносы смотрела? Я через два часа за тобой заеду. Сегодня первая игра сезона по громобю.

Я глянула на циферблат. М-да... Не раннее утро, совсем не раннее. И даже не полдень.

— И никаких возражений! Я что, зря билеты с боем добывала? — На такой возмущенной ноте Алекс оборвала разговор.

Я, продолжая зевать, спустилась на кухню. Никого. Лишь ополовиненная кастрюля супа-пюре. Странно... В меню семейства Росс такого блюда не водилось. Может, Матеуш решил опробовать новый рецепт?

Чашка сладкого (недаром пять ложек насыпала) крепкого чая вернула мне веру в то, что есть жизнь после пробуждения. А если вокруг еще и тишина, то эта жизнь если не прекрасна, то хотя бы терпима.

Взгляд упал на стол. Два новостных листка. Вчерашний и уже сегодняшний, утренний. Руки сами собой потянулись к ним. В первом, заляпанном кофе, была статья про банду народных мстителей. И ничего, абсолютно ничего про придворного алхимика, силу которого выпили.

Не было ничего про алхимика и в утреннем листке. Зато на полстраницы красовалась магография разгромленной выставки. Заголовок «Альвы мстят цвергам?» заинтересовал. Я даже ознакомилась с репортажем. Оказалось, что сегодня утром неизвестные ворвались на выставку знаменитого цвергского ювелира, чьи работы год назад выставлялись в столице империи альвов. С того времени коллекция экспонатов заметно пополнилась, и в нашей столице выставка была значительно больше. И вот что примечательно: преступники уничтожили только те ювелирные украшения, которые год назад побывали у альвов. Именно уничтожили, а не украли. А новые даже не тронули. И это было странным вдвойне.

На движущемся изображении сначала был общий план с разбитыми витринами, потом — крупный. И вот тут-то я похолодела: сдавленные и раскуроченные ажурные бусины очень напоминали ту, что болталась у меня на шее. Может быть, это всего лишь совпадение? Или когда-то мастер-ювелир увидел подобное украшение и решил воссоздать его аналог?

ГЛАВА 7

Из размышлений меня выдернул стук в дверь. Настойчивый, неустойчивый.

На пороге стояла Алекс.

— Я решила, что за пару часов ты не успеешь сама собраться, и пришла тебе помочь! — жизнерадостно заявила она, проходя внутрь. — А где альв? — Подруга с любопытством огляделась и тут же замерла как вкопанная: — Как тебе это удалось?

Ей даже было не нужно кивать на пустой постамент, я и так поняла, что речь идет о статуе.

— Долгая история. А Вир наверняка спит, его дядя вчера заставил позировать.

— Я ему искренне сочувствую, — хмыкнула Алекс, поднимаясь вслед за мной по лестнице. Означенного чувства в ее голосе не было и унции. — Ладно, расскажешь, пока будем собираться на игру.

Я мысленно взвыла: ненавижу громобой! Особенно одного самовлюбленного остроухого, на встречу с которым так стремилась Алекс.

— А вдруг там пойдет дождь? — Я зашла в свою комнату и с надеждой выглянула из окна.

Демон! На небе ни облачка.

— Погодники сегодня предсказали: без дождей, — возразила подруга, закрывая за собой дверь.

— Ну-да, ну-да, синоптическая магия — наука точная, поэтому бубен погодники всегда держат в левой руке, — вспомнила я старую шутку.

— Ты не стой, давай одевайся, — неумолимо напомнила подруга.

Я долго выбирала платье и в итоге остановилась на штанах и кофте. Потом еще дольше расчесывала волосы. В конце концов Алекс не выдержала и, выхватив расческу, решила снять с меня скальп. Я взвыла, зато косу заплела быстро. Очень.

Как мы добирались до центрального столичного стадиона — отдельная история. Алекс, памятуя о том, что припарковать магомобиль будет нелегко, оставила его дома, и мы сначала тряслись в битком набитом общественном вагончике. А потом очередь на входе и вовсе заставила подумать о вечном. Глядя на эту вереницу, я поняла, что, стоя здесь, можно успеть влюбиться, выйти замуж, нарожать детишек, состариться, помереть, воскреснуть в виде зомби и окончательно упокоиться. Причем для последнего даже заклинания развоплощения не потребуется, потому что тебя банально задавят в толкучке.

Наконец мы сели на жесткие скамьи. Алекс была вся в предвкушении. Я тоже. Но в отличие от подруги — в предвкушении крупных неприятностей.

— Смотри, возвели новый барьер. Установщики обещали, что теперь он не будет мерцать и смотреть на происходящее можно будет так, словно его и вовсе нет.

— А тенты над болельщиками эти установщики, случаем, не хотят сделать? — проворчала я. — Например, на случай дождя!

— Не будь занудой, Нари... — протянула Алекс. — Дался тебе тот дождь. Сказано же: его не будет. А с тентами боя в небе не увидишь.

Эти же слова она повторила через полчаса, когда небо над нами стало затягиваться тучами. Спустя еще тридцать минут, когда трибуны оказались полны, небо и вовсе почернело.

— Дождя не будет... — уже не столь уверенно заявила Алекс. — В новостных листках писали: из казны выделено сто тысяч форинтов, чтобы сегодня было сухо.

— Тогда, если все же пойдет, это будет поистине золотой дождь. И он намочит не только одежду, но и подмочит репутацию погодников. Хотя им не привыкать.

Впрочем, несмотря на мой пессимизм, брюхатые дождем (а то и градом) тучи хмурились и негодовали молча. Воздух, ставший тяжелым и густым, как губка впитывал в себя звуки. Гасил их. Природа ожидала бури. Болельщики — зрелища.

Две стихии: небесная и людская. Десятки тысяч поднятых рук — словно море. Море, которое волновалось: флаги-буруны, рокот, катившийся с вершины трибун к нам, нижним рядам.

Грянули фанфары, во вспышках света включившихся прожекторов на поле появились две команды. Рев трибун оглушил. Лица. Руки. Лица. Флаги. Лица. Тысячи светляков, взвившихся свечками вверх в знак приветствия команд. И резкий свисток, призвавший к тишине.

Наш университет играл сегодня с северянами.

— Они оборотни? — вырвалось у меня, когда я увидела, как беловолосый капитан игроков из Снежной Пустоши пожимает руку альву.

— Ага, все шестеро, — кивнула Алекс, не отрывая взгляда от своей жертвы. — Тот, что поприветствовал Варлока, во второй ипостаси медведь. — Она ткнула пальцем в льдистого блондина. — Говорят, здоровенный.

— Да он и в человеческом облике немаленький. Такой и без магии обойдется: положит на одну ладонь, второй прихлопнет, — пробормотала я под впечатлением от габаритов капитана северян.

— Сегодня, чувствуется, будет жарко! — вещал между тем усиленный магией голос комментатора. — Первая игра, а на поле уже сошлись чемпионы прошлого года и их заклятые соперники — команда имперского университета магии имени мессира Мейро Победоносного! — Он еще что-то говорил, но я не слышала. Я смотрела на арену.

Альв и оборотень ударили по рукам и разошлись. Судья, стоявший в центре поля, выпустил молнию, и игра началась. Бешеная, яростная, на предельной скорости. Игра, которую по правилам нельзя было прервать, пока один из игроков не поймает шаровую молнию.

Варлок и оборотень одновременно устремились в небо, а вслед им полетели огненные и ледяные арканы — дары от нападавших обеих команд. Стрела, рванувший в небо следом за альвом, вдруг резко развернулся и камнем устремился вниз — наперерез атакующему северян, который нацелился на спину Варлока. Они столкнулись, перекувырнувшись в воздухе и сыпая искрами. Ударились о песок арены, прокатились по нему, вспахав две борозды. И лишь потом расцепились. В Стрелу тут же полетела звезда смерти, и, не выстрелив защитник нашей команды арканом-перехватчиком, заклинание прошило бы грудь рыжего.

Алекс, напряженно следившая за игрой, охнула. Хотя ей вроде бы надлежало переживать за Варлока, а не за Стрелу. Альв в этот момент летел наперегонки с беловолосым. Оборотень уступал остроухому в скорости, но не в силе.

Шаровая молния, словно в ней был заперт высший демон, металась над полем, то уходя в небо, то падая камнем.

Пару раз мне казалось, что ее преследователи не сумеют повторить ее маневр и либо впечатаются в ограничивающие игровое поле столбы, либо просто убьются, летя вертикально вниз. Я сама не заметила, как ногти до крови впились в кожу, а голос сорвался от криков.

Но вот в очередном пике, когда тяжеловесный оборотень вырвался вперед, молния, будто издеваясь, пролетела так низко над ареной, что оставила за собой след взметнувшегося двумя волнами песка. Беловолосый не успел выровняться, со всего маху врезался в арену. Варлок пролетел в паре дюймов над ним и рванул за молнией, когда в него устремился «жнец» — заклинание, пущенное одним из нападавших из команды северян. Гигантская черная стена, в которой виднелись очертания оскаленных черепов, была несколько ярдов высотой.

Альв, ныряя от нее вниз, перекувырнулся, на бешеной скорости пробороzdил песок арены. И не успел он подняться, как на него обрушился еще один атакующий аркан.

Я, до этого пристально следившая за Варлоком, огляделась: оказалось, двух наших магов вывели из игры. Защитник лежал, весь переломанный. Атакующий — в режущих путах. Попробуй он дернуться, и заклинание просто-напросто перережет ему горло. Вторым защитником прикрывал Стрелу, который пытался разделаться с фланговым северян. Последний, шестой игрок нашей сборной играл лишь условно: пытался сбить с себя пламя вписавшегося в него фаербол.

Тренер что-то кричал, то ли матерясь, то ли мотивируя. А может, и то и другое. Стрела, накастав шквальный огонь, пробил-таки защиту флангового снежных. Пламя смело, вдавило оборотня в прозрачный барьер. Преграда, защищавшая нас, и до этого незримая, пошла

трещинами, но устояла. Мне стало страшно до дрожи. Я видела пятна крови, по которым змеились разрывы рубежных чар. Чувствовала разлитый в воздухе азарт болельщиков. Он смешивался с запахами пота, теплом разгоряченных тел, воплями луженых глоток.

Секундой спустя трибуны слаженно охнули. Очухавшийся капитан северян, которому ярость застила налившиеся кровью глаза, презрел магию и решил избавиться от Варлока древнейшим способом: сожрать. Причем не фигурально, а обернувшись здоровенным белым медведем.

Я говорила, что блондин был огромным? Так вот, беру свои слова назад. По сравнению с этим мохнатым йотуном северянин-человек был карликом.

Медведь встал на задние лапы, и его рев перекрыл гул трибун. Мохнатое тело еще оевала дымка трансформации, когда блеснувшие в свете прожекторов когти мелькнули в пяди от лица Варлока.

Альв успел уклониться, но на то, чтобы выставить щит или сплести аркан, у него не было и доли секунды.

— Против правил! — Голос комментатора, усиленный до предела, резанул по ушам.

— Сволочи двуипостасные, — подхватил кто-то из болельщиков, сидевших выше нас на несколько рядов.

— Арн сейчас вашего остроухого хлюпика опрокинет, вот и бесишься! — ответил ему явный фанат северян.

Послышался шум драки уже на зрительской трибуне. Алекс, казалось, этого не замечала. Она пристально следила за игрой. Сжав руки в кулаки, подруга кричала:

— Давай, давай, шквальным! Врежь еще!

И стена пламени действительно впечаталась во второго флангового северян, оставив снежных без крайних нападающих. Пустивший ее Стрела при этом и сам подставился, схлопотав ледяное копье в плечо от одного из защитников северных.

А Варлок, уйдя от острых когтей медведя, поднырнул тому под брюхо, прокатился между широко расставленными мощными лапами, оттолкнулся от земли и взмыл в небо, где бесновалась шаровая молния, не даваясь в руки ловцу северян.

На трибуне драка перерастала в серьезное побоище, втягивая в свой кипящий котел все новых болельщиков.

Медведь на арене, оставшись без противника, который в прямом смысле улетучился, втянул носом воздух, мотнул лобастой башкой. Оскалился, заревел.

— Он же не контролирует зверя, — ужаснулась я, когда поняла: оборотень и не думает возвращаться в свой человеческий облик.

В голове всплыли строчки учебника: «Эликсир Эброса увеличивает магический потенциал в несколько раз, у двуипостасных — в четыре. Но притом увеличивается и агрессия. В худших случаях возможна потеря контроля над животной половиной, и чем сильнее зверь, тем больше вероятность того, что подобное случится». Демоны, неужели северяне использовали запрещенный...

Додумать я не успела. Стражи порядка, следившие за игрой, начали разнимать дерущихся, применив заклинания. Одно из них срикошетило, ударив в защитный барьер со стороны зрителей, и угодило как раз туда, где змеилась трещина, оставленная оборотнем.

— Алекс, давай уйдем! — Я затеребила подругу за плечо.

— Не могу, Нари, не могу. — Она как приклеенная смотрела на арену. На песок, обagrившийся кровью, туда, где на одном колене стоял Стрела, удерживая щит, прикрывавший его от потока чистой искрящейся силы одного из северян.

А в небе, как два бога грозы, на бешеной скорости швыряя друг в друга пульсарами, сражались Варлок и северянин. Вот оборотень запустил в альва «пожирателем стихий» — волной льдистого, вымораживающего света. Варлок принял удар на щит и ответил роем огненных стрел. Его противник не успел перейти с атаки в оборону.

Остроухий воспользовался этим и нырнул вниз за шаровой молнией, которая, оставив выжженный росчерк на песке, вновь устремилась ввысь. Варлок настиг ее, шипящая сфера вновь решила вильнуть в сторону, но не успела. Едва его рука коснулась сгустка энергии, как в спину альва полетело не заклинание, а проклятие того самого снежного, которого Варлок атаковал роем огненных стрел.

— Берегись! — заорала я, прекрасно понимая, что он не услышит.

Альв и не услышал. Только все равно, опровергая поговорку «проклятие не воробей, вылетит — не увернешься», сумел разойтись с чернословием не иначе как чудом. Чудом, умением и своей альвийской ловкостью.

Темная волна чернословия, ударив в барьер рядом с трещиной, насквозь пробила его и развеялась.

Варлок яростно сжал в кулаке шаровую молнию, гася ее. Грянули трубы, ознаменовав победу нашей команды. Взревел оборотень, почуявший через пробоину запах азарта, пота и... страха.

Удар мощных лап о песок. Еще один. Еще. Для зверя не было игры. Для него была охота, и он несея к своим жертвам. К нам.

Алекс заорала. Закричали болельщики, ринувшись со своих мест. Выше. Выше по трибунам, туда, где еще не успели до конца разнять драку. В месиво испуганных тел. Это были обычные люди. Не маги. Просто зрители, которые несколько секунд назад следили за ходом игры.

Алекс схватила меня за руку, потянула прочь. Но я прекрасно понимала: не убежать. Выше — обезумевшая толпа. Ниже — зверь, проламывающий преграду.

— Алекс, мы же маги! Мы должны защищать!

— Мы алхимики! — попыталась меня вразумить подруга. — Максимум, что мы можем, — это отравить! Но извини, я не взяла своего любимого котелка, чтобы сварить зелье!

Она дернула меня вверх. Я же уперлась. Ненавижу совесть! Особенно когда эта тварь просыпается во мне и орет, что ты, Нари, можешь. Что у тебя хватит на это сил. Что ты знаешь, как остановить.

Я выдернула запястье. Повернулась к арене. Пальцы сами собой сложились, создавая атакующий аркан. Зубами с другой руки я на ходу начала стаскивать кольцо, когда услышала от подруги: «Да чтоб тебя, Нари!» Алекс встала чуть позади меня, готовясь если не защищать, то защищаться.

Именно в этот момент произошло сразу несколько вещей. В медведя с разных сторон ударили заклинаниями: среди болельщиков были боевые маги. Стрела накинул на оборотня аркан, пытаясь удержать его, наполовину вылезшего на трибуны. Втянуть эту здоровенную тушу обратно на арену. А Варлок, увидев нас с Алекс посреди опустевших мест, просто перелетел через преграду, оказавшись между мной и зверем, и... смел его волной чистой силы. Чистой. Без заклинаний и матриц. И кажется, я только сейчас начала понимать, что значит уровень «поток». Этого громадного медведя, как пушинку или перекасти-поле, перекувырнуло несколько раз по арене, словно зверь попал в бешеный водный поток.

На миг на стадионе воцарилась звенящая тишина, взорвавшаяся через секунду криками радости. Одни праздновали победу нашей команды, другие — что все обошлось. А небо... Небо решило тоже внести свою поздравительную лепту и обрушилось на нас ливнем. Или, может, как раз вышел срок у чар, сдерживавших ненастье? Хотя сегодня погодники все же оправдали выплаченный гонорар: игру мы смотрели без единой капли.

Напряжение начало отпускать, и я, отняв руку от губ, подставила лицо упругим каплям, рассмеявшись. Ливень отрезал все звуки, смазывал очертания, освобождал.

Чуть хриплый бархатный голос, словно вплетаясь в шум дождя, вернул меня на землю:

— Малышка, это было очень неосмотрительно. Я спас тебя, и ты теперь моя должница.

Я распахнула глаза, ища взглядом Варлока. Хотела ему возразить, что я о помощи не просила, но... альв уже взмыл ввысь. Комментатор кричал на всю арену о победе нашей команды, на песке, омываемом небесной водой, лежало тело капитана двупостасных. В разорванной одежде, израненное. К нему, как и к другим, спешили лекари. Мелькали вспышки репортерских камер. Наверняка вечером в новостных листках появятся статьи с

сенсационными заголовками. А пока... я просто наслаждалась ливнем, который не мог остудить пыл болельщиков.

— Что он тебе сказал? Я из-за ливня ничего не услышала! — Алекс очутилась совсем рядом, пытаюсь перекричать шум ливня и вопли ликующей толпы.

— Что я идиотка, — ответила я, слегка конкретизировав фразу Варлока о своей неосмотрительности.

— Знаешь, я с ним согласна, — буркнула она, зябко обхватив себя за плечи.

Я посмотрела на промокшую до нитки подругу. Усмехнулась. В мире есть три вещи, которые не стоит делать: кидать камень в воду, разговаривать с дураком и возражать разгневанной Алекс.

— Ну-у-у... Значит, у вас с альвом уже есть много общего. — Я пожала плечами и, раскинув руки в стороны, рассмеялась в лицо туче.

Вода стекала с меня, унося с собой напряжение, даря хмельное безумие и легкость. Я бы наверняка взмыла ввысь, если бы могла.

Домой я пришла через два часа. После игры народу на остановке было столько, что я решила: лучше добегу. Алекс осталась штурмовать двери очередного рейсового вагончика и пытаться втиснуться в него.

Я перепрыгивала через ручьи, шлепала по пузырившимся лужам, постигая все новые и новые грани слова «промокнуть». Как итог, когда переступила порог прихожей, одежду можно было смело выжимать — наверняка набралось бы пару ведер. Ливень не собирался утихать, барабана в стекла, стуча по крыше. Похоже, это надолго. Может, даже на пару дней: погода не любит вмешательства магии. И платит за него сторицей.

Дом жил привычной жизнью: гремя, возмущенно споря, смеясь, мяукая. Я поднялась к себе. Тело начала бить дрожь: все-таки я здорово продрогла. Хотелось в ванную. Горячую, с пеной. Я достала из шкафа уютный махровый халат и пошла по коридору, предвкушая, как налью в теплую воду ароматных масел. И буду лежать, блаженствуя...

Мурлыкая под нос песенку, я дернула ручку двери ванной комнаты, другой рукой машинально потянувшись к выключателю и...

Свет уже горел.

— Ой! — Я попыталась отскочить назад.

Но то ли у меня ноги были мокрые, то ли кто-то пролил воду... Я почувствовала, как теряю равновесие и лечу спиной вперед в коридор.

Вир, а в ванной комнате стоял именно он, успел схватить меня за руку и вздернул, помогая принять нормальное положение.

— Спасибо, — заторможенно произнесла я, рассматривая следы от старых шрамов на его сильном поджаром теле.

На альве были одни домашние штаны. Накинуть рубашку он не успел, как, впрочем, и надеть очки. Мы так и стояли друг напротив друга, не зная, что сказать. Я сглотнула и начала глупо оправдываться:

— Извини, я не знала, что занято. Дверь была не заперта, и...

— Дужка шпингалета отлетела, а я, наверное, плохо накинул заклинание закрепа...

Кажется, Вир даже не понял, что сказал, продолжая неотрывно смотреть на меня. А я, как полная идиотка, — на него. На периферии сознания мелькнуло воспоминание, что еще позавчера Генри обещал починить этот демонов запор. Мелькнула — и исчезла.

Вир сделал шаг вперед. Слитное плавное движение — и он уже оказался совсем рядом. Втянул воздух, вбирая мой запах. Прикрыл глаза, будто борясь с собой, но через секунду обнял и с силой прижал меня. Я чувствовала его дыхание на виске, его бешеный пульс, его тело, словно ставшее пружиной. Пружиной сжатой, закрученной до предела.

Мои губы коснулись его горячей, влажной после душа кожи, и он откинул голову, подставляя шею под мои нечаянные поцелуи.

— Вир... — Мой шепот вышел сдавленным. Дыхание перехватило. По всему телу будто прошел разряд тока, а в животе начала свивать кольца огненная змея.

Альв наклонил голову. Наши взгляды встретились. В его глазах бесновались голод и пламя. Пламя, которое манило, завораживало, тянуло как магнитом.

Внизу резко хлопнула входная дверь, а затем раздались сразу три проклятия, после чего возмущенно мяукнул кот.

— Извини, я тебя напугал, — хрипло произнес Вир.

Резко отстранился, и спустя миг я смотрела в стремительно удалявшуюся спину альва.

Я так и осталась стоять в ванной. Внутри меня бушевал целый ураган. Зато в случившемся был несомненный плюс: я согрелась. Быстро. Окончательно. Бесповоротно. Так, что даже в ванную больше не хотелось. И пены не хотелось, и запаха ароматических масел, и горячей воды. Быстро приняла душ, перед этим надежно заперев дверь заклинанием.

Пока сушила голову, переодевалась, а самое главное — пыталась разобраться в себе, наступил вечер. Позвонила Алекс, чтобы узнать, благополучно ли я добралась. Мы долго болтали с ней, и вечер обернулся ночью. Вместе с ней пришла и усталость. Я сидела на кровати и даже не заметила, как голова коснулась подушки. Но, что примечательно, в эту ночь мне не снились кошмары.

А утро последнего дня недели началось с того, что снизу раздался громовой голос дяди Морриса:

— У нас что, взвод драконов дома живет? Я вчера принес две корзины еды! И ни крошки! Пять фунтов копченого мяса! Три ковриги хлеба! Молоко, сыр, ветчина...

Он еще долго перечислял, а я поражалась, в кого столько могло влезть. Нет, Чейз и Генри были боевыми магами. Оба — «канаты». И бывало, после тренировок мели все подряд. Но чтобы сразу три корзины?

На кухню я спускалась, готовая ко всему. Но там уже никого не было. И ничего. Даже крошек. Решив, что прогулка до булочной — это не только полезно для здоровья, но еще и вкусно, я взяла холщовую сумку.

Когда я вышла на крыльцо, то первое, что увидела, — наглого ухмыляющегося альва в черной кожаной куртке и темных очках.

— Постой, должница, есть разговор.

Я смерила Варлока взглядом. Вот как бы ему сказать, чтобы он с первого раза понял: я не желаю с ним вести никаких бесед.

— А если нет?

— Мы все равно поговорим, но это займет чуть больше времени, — уверенно возразили мне.

— Самонадеянно.

— Просто констатация факта. — По напряженному виду альва стало ясно, что холодность его обманчива.

— Констатируй дальше.

Я демонстративно начала обходить его. И почти обошла, когда в спину, словно стрела, врезались слова Варлока:

— Жаль, что придется доложить ректору, что одна из его адептов использует запрещенную магию. За приворот можно не только вылететь из университета, но и...

Договорить он не успел. А может, и не собирался. Я резко развернулась, так что волосы взметнулись волной. Варлок стоял, ухмыляясь, а в его руке была булава. Та самая демонова булава Алекс. Арх! Мне следовало догадаться раньше, что это не просто повстречалка.

— Какое интересное плетение чар... — между тем, будто и не замечая меня, произнес альв. — Тут и страсть, и притяжение, и частые встречи... Целый веер. Я даже не берусь предположить, сколько такая работа стоит.

— Откуда она у тебя? — Я попыталась сделать резкий выпад.

Тщетно. Варлок не зря был лучшим игроком сборной: реакция у него была отменная.

— Скажем так, ее вчера после игры нашел один мой знакомый у себя в вещах. А с учетом того, что недавно я встретил в раздевалке одну малышку, у меня даже зародилось подозрение, как именно булавка могла оказаться у Стрелы.

Да он откровенно издевался! Я заскрипела зубами.

— Какие, к пеклу, подозрения? — Я совершила еще одну попытку дотянуться до булавки.

— Малышка любит рыжих? — Варлок изогнул бровь.

— Я люблю адекватных, — выпалила я. — Отдай!

— Неправильный ответ, — отчеканил Варлок. — Значит, мне все же придется сообщить обо всем ректору...

— Давай поговорим, — буквально выдавила из себя я.

— Ну, раз ты просишь... — протянул альв насмешливо и нарочито галантно предложил руку.

Я вложила свою ладонь, а в ушах звучали слова остроухого гада: «Мы все равно поговорим, но это займет чуть больше времени». Преисподняя! Он что, всегда добивается своего?! Я сжала зубы, призывая своих внутренних демонов к спокойствию.

Дорогая кожаная куртка, от которой веяло тонким ароматом цитруса, зеркальные черные очки, ухмылка и самоуверенность, излучаемая Варлоком, — все это напрягало и бесило меня.

Шантажист! Демонов шантажист и провокатор! Надменный, сволочной гад!

— Давай расставим все точки над литерами... — начала я.

Альв неожиданно резко притянул меня к себе, обхватив за талию. Не успела и глазом моргнуть, как он резко оттолкнулся от земли, и мы взмыли в воздух. На мгновение заложило уши. Я судорожно вцепилась в сильные плечи. Воздух, до этого казавшийся просто прохладным, враз стал ледяным, ожег лицо, плечи. Выроненная холщовая сумка, с которой я собиралась в булочную, кляксой осталась лежать на брусчатке.

Мы неслись над кварталом Брокеров, над центральным парком. Под нами мелькнула излучина Кейши, затем мост.

Все это время я молчала, молясь и проклиная одновременно. Думая лишь об одном: только бы не разбиться.

— Так Стрела тебе нравится? — прозвучал голос, холодный, отстраненный. Но не это было самое страшное. Хуже было то, что Варлок спрашивал, глядя на меня. На меня, демоны его разорви, а не вперед!

— Нет! — выкрикнула я. — Смотри лучше, куда летим, а то сейчас врежемся.

И это были не пустые слова. Прямо по курсу вращалось «Око небес», чуть дальше виднелись шпиль собора и купол центральной башни Непокорных стихий. А за ними — обелиск первозакрывателю долины демонов и семиглавый императорский дворец.

— Страх делает нас более искренними, ты не находишь? — ухмыльнулся альв и все же посмотрел вперед.

Колесо приближалось быстро. Слишком быстро.

— Но если тебе не нравится Стрела, тогда кто же? Неужели я? — Самодовольства в его голосе было хоть займы давай. Целой стране.

— И не ты!

Страх, безотчетный и всепоглощающий, который возник во мне, едва Варлок сорвался в свой бешеный полет по улицам, никуда не ушел. Но сейчас в ответ на эти идиотские вопросы в душе начала подниматься волна. Волна гнева. На самовлюбленного гада, на Алекс с ее дурацкой идеей, на себя, угодившую в ловушку.

«Око небес» надвигалось настолько быстро, что я вжала голову в плечи, инстинктивно готовясь к удару. В последний момент Варлок «свечкой» ушел вверх. Так близко к одной из кабинок, что я смогла увидеть изумленное лицо евшей мороженое девчушки, что была внутри. Она заворуженно смотрела на нас, даже не заметив, как сливочный шарик выпал из вафельного рожка.

— Придурок. Мы могли разбиться! — выкрикнула я.

— Разбиться? Со мной? — Альв уничижительно фыркнул. — И кто же тот несчастный, если не я и не Стрела?

Да он забавлялся! Откровенно насмехался.

— Вирмар Норвуд! — выпалила я, лишь бы остроухий псих наконец утомился и опустил меня на землю.

— Этот трус и ботаник? — скривился Варлок. И, предвосхищая мой вопрос, добавил: — Мы с ним учились в одном университете. Никчемный маг и абсолютно никакой боец.

— Зато он нормальный!

— Скучный зануда!

Мне показалось или Варлок злился?

— Ты хотел поговорить о булавке, — напомнила я.

— Так мы о ней и говорим. Вернее, о том, почему ты, по твоим же заверениям, влюбленная в какого-то ботаника, подкинула приворотную булавку моему напарнику по игре. Знаешь ли, с втюрившимися по уши идиотами очень тяжело выигрывать. Они постоянно пялятся на трибуны, ища глазами свою девушку, вместо того чтобы прикрывать тебе спину!

И вроде бы в словах альва была логика и только логика, но почему я тогда слышала ярость?

— Давай я тебе все объясню. — Я запрокинула голову, вглядываясь в холодное лицо Варлока. — Просто опусти меня на землю.

— Хо-ро-шо, — явно сдерживаясь, выдохнул альв.

Спустя минуту мои ноги действительно коснулись тверди. Вот только то была не брусчатка или дорожка в парке. Крыша. Здание суда, чья игла пронзала небо, возвышалась на Орийском холме.

Варлок опустился на черепицу: узкая пологая полоска, ширина которой — всего пару ярдов от края крыши до основания шпиля. Она как раз была такой, что можно было не только стоять, но и присесть. Но самое главное — уступ был горизонтальный. По его углам стояли каменные горгульи.

— Как символично, — не удержалась я, посмотрев на оскалившуюся пасть каменного монстра.

Ветер, гулявший на высоте, был резким, он взметнул мои и так порядком растрепавшиеся волосы, подхватил юбку, подол которой тут же взмыл вверх. Я инстинктивно придавила ткань к бедрам. Варлок хмыкнул.

Меня это разозлило. Да что там разозлило, взбесило. Именно поэтому я подошла к краю крыши и села, свесив ноги вниз, натянув юбку так, чтобы она не смогла вздуться. Альв опустился рядом.

— Итак, я жду. — Он снял наконец свои демоновы очки. Зацепил одной из дужек за вырез рубашки и оставил висеть у себя на груди.

— На самом деле то была булавка для тебя. От Алекс... — начала я. Пришлось в подробностях рассказать ему обо всем. Но чем дольше я говорила, тем больше мрачнел альв.

Город под нами жил своей неторопливой жизнью. Сновали по проспекту магомобили, вагончики со свистом и перестуком мчались по монорельсам, солнце играло в золотой листве, а ветер нет-нет да и проносил в пронзительно чистом осеннем воздухе легкие паутинки.

— И почему я должен тебе верить? — мрачно спросил он.

— Клянусь своей силой, плотью и кровью, что так и было, — выпалила я.

Древние слова, отзвучав, словно ударились в небеса, упали в землю, отозвались в кончиках пальцев и устремились по венам.

Меня смерили тяжелым взглядом.

— Малышка. — Альв наконец нарушил тишину. — Знаешь, что я ненавижу так же сильно, как ложь? Это когда меня считают идиотом, который ничего не заметит.

Я хотела было возразить. Или послать альва к демонам. Ему же поклялись, что все сказанное правда... Не успела.

— Если твоя подруга думала, что меня можно превратить в послушного пса, приносящего тапочки и влюбленно пускающего на нее слюну, с помощью одного лишь приворота, то она глупа.

Почему-то мне показалось, что он говорит не только об Алекс.

— Она не первая? — осторожно спросила я.

Спросила и почувствовала, что ступила на тонкий лед. Один неверный шаг, слово, жест, вдох — и провалюсь, а холодная вода сомкнется над моей головой, сковывая мышцы, не давая и шанса на спасение.

— И не последняя... — Варлок с остервенением глянул вдаль, туда, где за рыночной площадью в лучах осеннего солнца пускал блики фонтан дракона. — Как же они мне все надоели. Фальшивые и одержимые, считающие себя охотницами. — Он говорил ровно, но мне казалось, альв выплевывает слова напополам с презрением. А потом, резко повернувшись, с какой-то безуминкой во взгляде произнес: — Малышка, а у меня появилась идея. Я хочу проучить твою глупую подружку, поэтому ты будешь моей девушкой. На том арховом танцевальном вечере ты будешь со мной.

— Нет, — категорично отрезала я. — Я уже обещала Виру, что буду с ним.

— Да. — Варлок будто не услышал. — Ты пойдешь со мной. Я настаиваю.

— Настаивай, — согласилась я. — Хоть мухоморы на спирту, хоть вороньи когти на вине. Но мой ответ будет тем же. Нет.

— В библиотеке — тот слюняй. Сейчас — ботаник. У тебя странный вкус, малышка. — Он явно издевался. Глумился тонко и изощренно. — Почему ты выбрала Вира? Его, не меня? — Он странно усмехнулся. — Вот уж не думал, что когда-нибудь проиграю ему. Хотя... Это будет даже весело.

— Ты псих! — Я не поняла ничего из его слов.

— Еще какой, — ответили мне шальной улыбкой. — А еще я до арха не люблю проигрывать. Ты же бросила мне вызов, малышка. И я просто не могу его не принять.

— Единственное, что я мечтаю бросить, — это тебя с крыши, — не выдержала я.

— А придется поцеловать.

Не давая возразить, Варлок сграбастал меня за талию, и мы полетели вниз навстречу брусчатке.

Мне показалось, что над головой даже раздался хохот оскалившихся каменных горгулий. Но я почти тут же почувствовала, как меня держат. Надежно. Крепко прижав к сильному мужскому телу.

— Я жду.

Мои ноги болтались в воздухе. А я поняла, почему Варлок лучший игрок: он всегда добивается

своего. Любым способом.

Вот и сейчас, находясь во всех смыслах в подвешенном состоянии, я осознавала: придется целовать. Хотя хотелось — убивать. Но чем дольше я буду противиться, тем больше шансов, что этот псих устанет и мы разобьемся.

Я зажмурилась, вытянула губы в трубочку и скорее клюнула, чем поцеловала альва. Хотела в щеку. Но промахнулась и попала в ухо. Варлок вздрогнул и инстинктивно прижал меня к себе еще сильнее.

Упс... Некстати вспомнились слова Вира о том, что этой части тела вроде бы у альвов не стоит касаться. Когда приоткрыла один глаз, закончив процедуру лобзания, то увидела, с каким удивленным выражением лица меня изучают. Так наверняка браконьер рассматривал бы дракона, угодившего в силки для куропатки.

— Издеваешься? — хрипло спросил Варлок.

— Я нечаянно... Я не туда метила... — Я оборвала сама себя на полуслове, заметив, как дернулся кадык альва, напряглась его шея и проступили под кожей жгуты сухожилий.

— Смотрю, ты любишь бесить и раздражать, — выдохнул мне в губы этот ненормальный и поцеловал.

Меня буквально смело. Напором. Натиском. Штормовой волной. Запредельно откровенно, страстно, горячо. Прижатая к горячему сильному телу, напряженному, словно согнутый в дугу клинок, я чувствовала, как поднимается и опускается грудь альва при каждом вдохе. Да я и сама в этот момент напоминала натянутую до предела струну.

Поцелуй, поначалу жадный, ненасытный, дикий, становился все нежнее. Он сводил с ума, кружил голову, заставлял задыхаться от осеннего воздуха, вдруг ставшего горячим. Меня наполняло неясное предвкушение, у него был вкус джина, запах морского бриза. Губы Варлока — пьянящие, прикосновения — далекие от целомудрия.

Его язык, поначалу легко уколотивший мои губы, заставляя их раскрыться, сейчас исследовал мой рот. Даже целуясь, он будто играл. То сметая напором, то даря нежность, ласку, чувственную негу.

Прижатая к Варлоку, я ощутила, что этот поцелуй между небом и землей перестает быть просто поцелуем. Альв был возбужден. Очень. Его хриплое дыхание, рваные движения, закаменевшее тело — все говорило о том, что одних моих губ ему мало.

Но, что хуже всего, и мне тоже. Мне тоже мало. А может, виной всему был язык Варлока? Раньше я думала: девушку в женщину превращает только мужское достоинство. Я ошибалась. Альв доказал, что с этим может справиться и язык. Главное, уметь им владеть в совершенстве. А Варлок умел. Чувствовалось, что за плечами у него немалый опыт и тренировки. Спортсмен и победитель — он везде и во всем такой.

А я... У меня было такое чувство, будто меня не просто поцеловали, а лишили невинности. Несколько раз и в разных позах. Утонченно и развращенно.

— Твой ботаник никогда так не сможет, — с трудом оторвавшись от моих губ, выдохнул Варлок.

Его самодовольная фраза меня взбесила. Дико. Я ненавидела его. Я ненавидела себя. За то, что на несколько мгновений превратилась в податливый воск в руках альва. Наглых горячих руках, одна из которых держала меня за талию, а вторая... ласкала бедро через ткань платья. И там, где лежала его ладонь, кожа горела огнем.

Я сглотнула. В горле была Гейрийская пустыня. Слова дались с трудом.

— Лапу с бедра убрал.

Варлок подчинился. Его рука скользнула по ткани вверх. Выше. Еще выше. И остановилась на моей груди. Я со злостью посмотрела на него. Вены, проступившие на шее от возбуждения, прерывистое хриплое дыхание — альв тоже был далек от спокойствия.

— Речь шла о поцелуе, — отчеканила я. Хотела, чтобы голос звучал холодно и надменно. А вышло... Не важно. Как вышло, так и вышло.

— А разве было что-то большее? — Альв иронично вздернул бровь.

Едва не вырвалось: «Ты отымел меня ртом», — но вовремя прикусила язык. Приличные эйры так не выражаются. В подобных ситуациях приличные эйры вспоминают, где лежит любимая лопата и в какой части кладбища ныне ведутся захоронения. Ну или хотя бы в какой шкатулке спрятан надежный яд, способный качественно и быстро убить наглеца.

Видимо, на моем лице что-то такое отразилось: Варлок начал снижаться. В полном молчании мы приземлились. Мои ноги коснулись брусчатки, я выдохнула. Теперь главное, чтобы этот псих меня опять не схватил.

Но нет, альв отступил и бросил:

— На осеннем вечере ты будешь моей... — И, дождавшись, когда я в полной мере осознаю смысл фразы и дойду до точки взрыва, то бишь ровно десятую долю секунды, продолжил: — Парой в танцах.

Я сжала кулаки. А Варлок, опережая мои слова, готовые вырваться, напомнил:

— Булавка еще все у меня.

— Проклянута, — прищурившись, предупредила я.

— Я как-нибудь это переживу, — беспечно отозвался альв и, развернувшись, пошел по аллее, а не взмыл в воздух. Не иначе как по ошибке.

Я все же в него запустила. Правда, не чернословием, а увесистым камнем, который так кстати оказался рядом со мной. Надо ли говорить, что ушастый гад, даже не обернувшись, сумел уклониться. И, насвистывая веселую песенку, ушел. А я осталась одна на аллее рядом со зданием суда.

Зачем-то задрала голову, глянув на глумливо скалящихся горгулий, и показала им язык.

— Ну, мы еще посмотрим, кто, куда и с кем пойдет, шантажист фигов, — пообещала я лазурному небу.

Домой вернулась злая, мрачная и готовая освежевать любого, кто встанет у меня на пути.

— Нари, я хотел с тобой поговорить. — Вир появился в холле.

— Не сейчас. Подожди немного. — Я уже было устремилась к себе, как резко затормозила и развернулась к альву: — Хотя нет. Ты мне нужен, Вир.

— Да? — насторожился он.

— Да. Я хочу от тебя идей!

— Кого? — опешил альв.

— Чего, — поправила я. — Мне нужны гениальные, но сойдут и дельные.

— А-а-а, — облегченно выдохнул альв. — А мне уже слышалось...

— Что именно? — Теперь я насторожилась.

— Да ничего, так, ерунда. — Вир отчего-то смутился. — И все же что произошло? Я проснулся — а дома никого. Пробовал с тобой связаться, но кристалл...

— Я оставила его дома. А случилось... Долго рассказывать, потому лучше делать это на сытый желудок, — сказала я.

И вспомнила, что дома — ни крошки. Морально приготовилась, что нужно сейчас будет повторить попытку добраться до булочной.

— Отлично! — обрадовался Вир. И с интонацией магистра Монта, создавшего очередной экспериментальный образец зелья, произнес: — Я как раз приготовил отменный салат. Сегодня ведь моя очередь дежурства по кухне.

Салат действительно оказался отменным. Особенно хорошо Виру удалась сметана, которой он заправил нарезанные овощи.

Альв, попробовав творение рук своих, тут же попытался образумить меня:

— Нари, не ешь! Кажется, я переоценил свои силы... как повара.

Я прижала тарелку к себе, будто Вир готов был наброситься и силой отобрать ее у меня.

— Нет. Салат нормальный, — возразила я.

И пусть там были копченая рыба, картофель, яйца, огурцы, помидоры и брокколи. Плевать. Ничто не делает обед таким вкусным, как отсутствие завтрака.

— Я не могу на тебя смотреть, это же гадость! — не выдержал Вир, когда я с наслаждением зажмурилась.

— Ты просто не распробовал, — авторитетно заявила я и, зачерпнув ложку, протянула ее альву, как маленькому.

Он задумчиво пожевал, а потом проглотил и потребовал:

— Еще.

— У тебя своя тарелка есть.

— В ней невкусно. Не то что у тебя.

— Так и скажи, что просто решил покуситься на мое.

— Нет, — возразил остроухий. — Не покуситься, а сразу съесть. Давай лучше взамен салата я дам тебе кусок тортика, который купил сегодня.

— Так с этого и надо было начинать. — Я тут же отодвинула тарелку. К слову — пустую.

Торт мы продегустировали. А когда альв прихлебывал чай, я спросила:

— Вир, а ты хорошо разбираешься в кражах?

На мой простой вопрос он закашлялся, словно я невзначай спросила, не он ли обчистил имперскую сокровищницу. Или на худой конец ту же выставку цвергов, о которой недавно писали в новостных листках.

— Это как-то связано с твоей проблемой? — прокашлявшись, уточнил альв.

— Да, — мрачно согласилась я.

— И решить ее можно только с помощью кражи? — Таким проникновенно-вкрадчивым тоном Вир напомнил мне следователя. О чем я ему и сообщила.

Он тут же фыркнул и поправил очки. Собравшись с духом, я рассказала, как одну мою знакомую шантажирует тип. Противный такой, спесивый аристократишка, привыкший, чтобы его капризы исполнялись. И этому паразиту взбренило в голову, что моя знакомая должна непременно идти на осенний вечер с ним.

— Может быть, твоя знакомая просто ему нравится? — невинно спросил альв.

— Единственное, что нравится этой зазнавшейся заднице, — издеваться над ней и шантажировать, — возразила я.

— И чем же можно шантажировать добропорядочную девушку? — Мне показалось, что в голосе Вира скользнула насмешка.

— Говоришь, как будто сам святой, — фыркнула я.

— Ты права, безгрешных я не встречал. Но зато знал тех, кто умеет отлично прятать свои грехи. Так, что даже некромант не подкопается, — сдался Вир.

— Ты из таких? — не удержавшись, съязвила я. Альв всколыхнул во мне только-только улегшиеся чувства. Главным из которых была злость. Варлок бесил меня до демонов.

— А ты как думаешь? — Он взял меня за руку.

— Это провокация? — Я тоже умела уходить от прямого ответа.

— Конечно. Я хочу спровоцировать тебя на поцелуй. Мне было мало... — Он сглотнул. — Мало того, который ты мне подарила вечером на набережной.

Мне же почему-то вспомнился другой вечер. И я на пороге ванной комнаты. И старые шрамы на теле альва. Откуда они? Хотелось узнать ответ, но сейчас, увы, нужно было решить одну наглую остроухую проблему.

— Я, как добропорядочная эйра, сделаю вид, что этого не слышала. — Я изобразила саму богиню Невозмутимости, а потом, резко подавшись вперед, оперлась рукой о стол и губами невесомо коснулась губ Вира.

Всего на миг. И тут же отстранилась, плутовски улыбаясь.

— Но быть всегда добропорядочной скучно.

— Знаешь, сейчас я готов помочь тебе выкрасть что угодно, хоть центральный алмаз из короны владыки альвов, — хрипло выдохнул Вир, окинув меня неожиданно горячим и голодным взглядом.

— Тебе не нужно ничего красть, — категорично заявила я. Не хватало еще, чтобы Вир узнал, о какой именно «безделице» идет речь. Все же булавка на приворот хоть и не дурманный порошок звездной пыли, но тоже вещь незаконная. — Просто, может, у тебя есть идеи, как выкрасть одну мелочь, которая принадлежит подруге, но тот гад ее забрал.

— И что там за вещь, ты мне, конечно, не скажешь? — Вир был на удивление догадливым.

— Это не моя тайна.

— Хорошо. Ты знаешь точно, где лежит та вещь?

— У него. Вряд ли он будет носить ее с собой постоянно, — предположила я. Все же булавку с приворотом не стоит держать все время рядом с собой.

— Знаешь, будет проще, если я попытаюсь... — начал Вир.

Я вновь возразила. Мы слегка поспорили, но потом все же смогли не только договориться, но и придумать план. Вир обещал помочь с каскадной матрицей невидимости — заклинанием, которое считалось весьма сложным даже для магистров. Да и требовало оно силы уровня «поток» или же демоновой кучи накопителей. Зато с ним я спокойно смогла бы войти в мужское общежитие так, что ни одна охранка меня бы не заметила. На мой вопрос, откуда Вир так хорошо знает это заклинание, альв лишь усмехнулся и заявил, что потратил на него несколько месяцев. А все для того, чтобы удрать из Эллийской цитадели в пятнадцать лет.

Я вспомнила, как Вир обмолвился, что ему пришлось отстаивать свое право на выбор. Его отец мечтал, чтобы сын продолжил династию, а Вир поступил на алхимика. И судя по тому, что он в пятнадцать сбежал из цитадели, девизом которой было «из наших стен выходят воины, которых не остановит даже смерть» (догадываюсь, какие методы воспитания там были в чести при таком-то девизе), с отцом у альва был долгий и изнурительный бой за свою судьбу.

Я хотела спросить Вира о многом. Но не успела. Он встал из-за стола, сказав, что ему нужно кое-что уточнить по заклинанию. А потом его взгляд упал на салат. Альв тут же попытался выкинуть забракованное им же блюдо, но я не позволила. После кулинарных шедевров Тай салат Вира был весьма недурен.

— Оставь. Поверь мне, в нашей семье пробовали и не такое.

— Ты утешила, — хмыкнул он.

— Конечно. — Я согласно кивнула. — Самое неизгладимое гастрономическое впечатление на меня произвели не супы кузины, а профитроли из ресторана «Золотой феникс».

— Это как? — заинтересовался Вир.

— Моррис как-то принес профитроли для нас с Тай (мы тогда были совсем мелкими), чтобы порадовать. Захватил их с одной из выставок, завернув в салфетку. Сказал, что профитроли — кулинарный шедевр и самое модное лакомство того сезона в столице. Так вот, представляешь мое разочарование, когда вместо взбитого крема в этих профитролях я обнаружила икру в

меду.

— Высокая кухня вообще может сильно разочаровать, — пытаюсь сохранить серьезное выражение лица, заверил альв.

Забегая вперед: всю глубину разочарования Вира я постигла поздним вечером, когда, выкидывая мусор с совка, заметила в ведре чек из ресторана. Того самого «Золотого феникса»: листок был с фирменной печатью заведения. И значился в нем салат «морское искушение» аж десять форинтов за четыре фунта. Я фыркнула, припомнив фразу «я приготовил салат». Гордый Вир не захотел ударить лицом в грязь. Я покачала головой. Дядя поступал иногда точно так же, особенно когда ухаживал за очередной своей музой. Все-таки в некоторых вещах мужчины всегда остаются мальчишками.

Ну а пока мы разошлись. Я поднялась к себе в комнату, чтобы готовиться к очередной авантюре под кодовым названием «Укради у Варлока». А потом засела за задания. Проголодалась, спустилась на кухню, где умудрилась разбить чашку. Демон, разрыв-трава, оказывается, все еще оставалась в заварнике! Аккуратно вылив ее за окно, я сполоснула чайник, поклявшись впредь смотреть, что сыплю. Иначе посуды не напасешься.

Соорудив бутерброд, я с удовольствием съела его, запивая свежесваренным ромашковым чаем. Налив еще чашечку, поднялась с нею на второй этаж и постучала в комнату Вира. Ни звука. Ушел, что ли? Прислушалась. Из-за створки раздавалось мерное сопение. Неужели опять спит? Обещал же с заклинанием уточнить.

Я не удержалась и прильнула к замочной скважине. Дрых. Действительно дрых без задних ног. Сонно что-то бормотал, а потом и вовсе перевернулся на бок. Ну надо же! Может, он заболел? Восемь вечера же еще... Хотя, может, мне просто в подселенцы достался засоня?

Я вернулась к себе. По крышам опять зашуршал дождь. Осень — время печали и долгих, затяжных слез неба. Спать не хотелось, хотелось взгрустнуть.

Подоконник, плед, чашка ромашкового чая...

В итоге на узкий подоконник я не поместилась, запуталась в пледе, свалилась, облилась чаем и поняла: не умею я страдать. Вот совсем! Во всяком случае, по всем правилам.

Я вздохнула и потянулась за папкой без подписи, что стояла на верхней полке, аккуратно завязанная. Там, в ее недрах лежали уже слегка пожелтевшие листы. На них, как детали пазла, хранились фрагменты формул. Части маминого исследования. То, что я запомнила. Не заметила, как руки сами начали приставлять их друг к другу. Но головоломка не складывалась. В который раз.

Все, что удалось мне понять: формула как-то связана с преобразованием крови. Точнее — со стимулированием чего-то. Вот только чего именно?

Промучившись до полуночи, я плюнула и, собрав листы обратно в папку, легла спать. И снова провалилась в свой кошмар. Но первый раз за все время он был с продолжением.

Вновь были улица, холодный вязкий туман и страх. Я, десятилетняя, плакала без слез от отчаяния и боли. Переживала все сызнова, бежала по улицам, ведомая заклинанием. И вдруг врезалась в стену. Твердую, теплую... живую.

ГЛАВА 8

— Нари! Нари! Очнись! Ну же... — Голос знакомый, до боли знакомый.

Неужели он будет преследовать меня и во снах?

Варлок. На темной мостовой был он. Тот, кого там быть не могло. Никак. Совершенно. Впервые мой самый страшный сон потерял свою реалистичность. Или просто альв в моем сознании стал истинным демоном, место которому в кошмарах?

— Тише, тише! — Он обнял меня, крепко прижав к себе. И вот странность. Я была уже не маленькой девочкой: миг назад я смотрела на Варлока, задрав голову, и вот моя голова легла ему на плечо.

— Тише, тише... — Теплое дыхание щекотало ухо. И я поняла, что уже не сплю, а лежу в своей постели и меня кто-то крепко обнимает.

Попыталась оттолкнуть и услышала:

— Нари, это я, Вир. Все хорошо. Это просто сон.

Сглотнула. Меня еще все трясло. По спине бежал холодный пот.

— Посмотри на меня, — потребовал Вир, беря мое лицо в ладони.

Я не могла не подчиниться.

— Позволь мне увидеть, что тебе снилось. — Он хотел прислониться своим лбом к моему, как делают обычно телепаты, чтобы проникнуть в сознание.

— Нет! — выкрикнула я, вжимаясь в стену.

Страх кошмара отступил. Его место занял другой: я боялась, что альв может узнать тайну моего прошлого. Между тем Вир начал спрашивать, как часто мне снятся подобные кошмары, а узнав, что один и тот же сон повторяется на протяжении многих лет с заядлой периодичностью, потрясенно спросил:

— Ты не пробовала обращаться к целителям?

— В детстве дядя как-то сводил меня к одному. Но когда мозгоправ попробовал считать меня, то затрясся в припадке. А лишь только пришел в себя, сказал, что мои слишком сильные эмоции, связанные со сном, мешают ему хоть что-то увидеть. И его экраны почему-то не срабатывают. Лишь утешил меня и дядю тем, что со временем это должно пройти, потому что связано с детской впечатлительностью и психологической травмой от потери родителей.

Я говорила, чувствуя, что замерзаю. Прямо дико, до дрожи и мурашек по коже. Непроизвольно натянула одеяло до подбородка и только тут поняла, что окно настежь открыто. Зато входная дверь — наоборот.

— К-как ты оказался в моей комнате? — стуча зубами, спросила я, пытаюсь согреться.

— Услышал твой крик... — И, проследив за моим взглядом, пояснил: — Дверь была не заперта, а когда я резко ее открыл, то от сквозняка распахнулось окно. Давай я его закрою.

Вир действительно подошел и закрыл створки, надежно задвинув шпингалет. Поднял с пола чудом не разбившийся горшок с цветком, вернул его на подоконник.

— Вот и все. — Он обернулся.

Мне отчего-то на миг показалось, что передо мной стоит другой. Варлок. Хотя я точно знала: этого не может быть! Я же сама видела той ночью, когда вернулась из участка, как Варлок выходил из магомобиля в то самое время, когда Вир спал у себя в комнате.

— По-моему, у тебя не простой кошмар... — Слова альва выдернули меня из размышлений.

— Ты о чем?

— Такие кошмары порою используют маги-поисковики, когда им почти ничего неизвестно о том, кого они ищут. Обычно в таких случаях маг ловит отголоски эмоций, цепляется за них и

идет по ним, как по нити, через мир грез.

— Никогда не слышала о подобном.

— Потому что этого нет в учебниках, — грустно улыбнулся Вир. — Да даже в трактатах древних редко встретишь. Провернуть подобное по плечу очень — Нари, я повторяюсь! — очень сильному магу. Кто-то вместе с тобой каждый раз проживает этот сон в надежде найти хоть какую-то зацепку, которая могла бы подсказать ему, где ты.

Я похолодела. Даже сердце пропустило удар, а сама я забыла, как делается вдох.

— Нари, — меня затрясли за плечи, — что случилось?

— Кажется, сегодня ему удалось найти эту подсказку... — помертвевшими губами прошептала я.

Варлок... Варлок, который обнимал меня сегодня во сне.

Если за все время тот, кто искал меня, не смог зацепиться ни за одну деталь моего сна, то сейчас у него был отличный шанс. Лицо остроухого чемпиона постоянно мелькало в новостных листках. Демоны! Вдох. Выдох. Успокоиться. И просто держаться от наглого альва подальше. Хотя нет, сначала обокрасть, а потом держаться подальше.

— Какую? — напряженно спросил Вир.

— Я не помню, что именно. Но сегодня мой кошмар закончился как-то иначе.

Я соврала. Намеренно. Потому что мне нужно было все обдумать и взвесить. Спокойно, а не под натиском эмоций.

Поверил ли Вир? Судя по его лицу, ни на унцию. Но промолчал, а потом и вовсе решил сменить тему:

— Если ты боишься, я могу побыть с тобой, пока ты не заснешь.

— Ага, если дядя застанет нас вместе ночью в моей комнате, то уже никто и ничто не сможет помешать ему сочетать нас браком. Даже если мы в один голос будем кричать «нет!» у алтаря.

Я не шутила. С учетом того, что на мне из одежды была одна тонкая ночная сорочка, тяжело было бы убедить Морриса, что мы тут написанием диплома занимались. Хотя Вир, к слову, был в штанах, рубашке, куртке и даже ботинках. Ботинках?

— Ты с улицы? — запоздало спросила я.

Да, кошмары, на удивление, не сделали из меня неврастеника, но вот соображала после них я порою туго.

Альв, проследив за моим взглядом, и сам понял, что одет не в положенную данному часу пижаму с мишками. Хотя он спит как раз без пижамы. Перед глазами возникла картинка, как я приоткрываю дверь и смотрю на сонного альва, чьи волосы разметались по подушке. И я точно вспомнила, что по пояс он был обнажен. Шаловливое сознание тут же подкинуло еще одну картинку: Вир в ванной, когда мы столкнулись.

Мои щеки окончательно заалели. Я опустила лицо вниз, чтобы скрыть смущение.

— Д-да. — Он запнулся, и я явственно почувствовала его взгляд на моих почти обнаженных плечах. Две тоненькие бретельки — не в счет. — Я решил прогуляться. — Его голос звучал отстраненно, словно он не особо вдумывался в смысл собственных слов. — Я решил прогуляться. Никак не мог решить уравнение магического импульса. А когда вошел в дом, то услышал твой крик.

Я все же победила смущение и, заверив, что уже в порядке, отправила Вира к себе. А сама потом долго ворочалась.

Под утро в голове накопилось столько мыслей, что я, проснувшись, даже слегка растерялась: с какой же глупости начать день. Но судьба выбрала за меня. Ушей достигли весьма интригующие звуки. Кто-то в моей комнате аппетитно чем-то хрустел. Приоткрыла один глаз. Кот нагло жрал цветок на подоконнике. Я вскочила и отвесила ему по наглому рыжему филею. И не важно, что Бенедикт у нас особа титулованная, с родословной исключительно

голубых кошачьих кровей. Вегетарианство в доме Росс не приветствуется. И точка!

После проведения карательной операции осмотрела остатки цветка. М-да. Пора переходить на разведение кактусов. Хотя, зная упорство кота, бесполезно. Он и их сможет сожрать. Запросто! Поставив горшок на подоконник, я глянула в окно и резко выдохнула. Сегодня кто-то не доживет до заката. Скорее всего — Генри. Его наша соседка закопает первым. Причем под тем самым розовым кустом, который сегодня ночью кто-то вытоптал.

На всякий случай я отпрянула от окна. Мысли о поруганном кусте быстро вытеснились другими: об ограблении.

Я позвонила Алекс, узнала, во сколько сегодня тренируется наша команда по громобою. Оказалось, что в одиннадцать. Отлично! Значит, именно в это время я и буду грабить Варлока. Хотя нет... Грабить — слишком громкое слово. Скорее уж специализироваться на неоднозначных приобретениях. Вот!

Постучалась к Виру. Из-за двери раздалось сонное «минуту!». И действительно, ровно через минуту на пороге нарисовался альв. До невозможности улыбающийся, свежий, причесанный и одетый так, что хоть на выставку с ним иди. В общем, вызывающий глухое раздражение своим бодрым видом.

Я напомнила ему о том, что он обещал мне помочь с заклинанием невидимости. Он согласно кивнул и уточнил:

— Во сколько?

Глянув на наручные хроносы, показывавшие половину десятого, я улыбнулась и ответила:

— Да прямо сейчас.

Оптимизм альва слегка поугас, но он заверил, что все будет готово к десяти.

Без четверти одиннадцать мы стояли за углом мужского общежития, подкарауливая Варлока, который должен был отправиться на тренировку. Но время шло, а чемпион — ни разу.

— Может, он уже на поле? Пораньше отправился? — поправляя очки, предположил Вир.

Но я была из тех, кто, пока своими глазами не увидит, не уверует. Посему ждала. Ровно до того момента, пока хроносы на башне не пробили одиннадцать.

— Тренировка началась, — нахмурился альв.

— Наверное, ты все же был прав, и Варлок ушел пораньше... — задумчиво протянула я. Тут же вспомнился грозный тренер и его рык в раздевалке. К такому не то что придешь без опозданий. Даже, будучи при смерти, явишься. — Давай накидывай заклинание.

— Держи. Это понадобится для связи. — Мне в руку лег амулет. — А теперь потерпи. Будет не очень приятно, приготовься. — Вир сосредоточился, и с его пальцев полилось сияние.

Что он там сказал о «не очень приятно»? Да меня едва не вывернуло. Но оно того стоило. Я стала полностью невидимой. И, что важнее всего, бесплотной. Рука спокойно прошла через угол стены. Да уж. Живое привидение.

— Как окажешься внутри, сожми амулет посильнее. Это будет знак, чтобы снять чары.

Ну да, бесплотный дух не сможет взять булавку. Поэтому заклинание нужно будет на время снять, а потом активировать вновь. Я кивнула. Хотя Вир этого уже и не видел.

На крыльце стояла стайка девиц. По долетевшему до меня обрывку разговора поняла, что это фанатки Варлока. Конечно, девушки могли заходить в мужское общежитие, но только имея на руках разрешение, подписанное преподавателем. Ректор бдительно стоял на страже нравственного порядка, учитывая любвеобильность adeптов боевого факультета.

Было немного страшно. Особенно когда я шагнула через порог мужского общежития. Казалось, что именно в этот момент сработают охранные чары: сколько раз adeпты обоих полов были пойманы, пытаясь проникнуть туда, куда вход им был закрыт.

Именно на входе выпившие эликсир невидимости становились частично видимыми (и в наказание потом неделю ходили именно так). А сколько скрывающих шляп было отобрано,

сколько отводящих глаз заклинаний взрывалось, личин стекало, мороков развеивалось — не сосчитать. А все оттого, что вход в общежитие был заговорен от подобных чар.

Но со мной ничего подобного не произошло. Я миновала вход, потом таращившегося в пустоту холла вахтера-цверга. Сверившись со списком жильцов, поднялась на нужный этаж. И... весьма удивилась нескольким девицам, дежурившим у двери Варлока. Одну из них я узнала — Корделия. Давняя соперница Алекс во всем. Но в парнях — особенно. Я даже остановилась рядом с ней. Склонила голову, пытаюсь прочитать, что у нее написано на пропускном свитке. И к кому же она якобы пришла?

Эриас Лунц — значилось на листе. И ниже шла размашистая преподавательская подпись. Я усмехнулась. Вспомнился Эр — артефактор с пятого курса. Гений, надежда университета и та еще глыба льда. По эмоциональности Эр мог посоперничать со статуей дракона в центральном фонтане. И с такой же невозмутимой физиономией он доводил чуть ли не до истерики всех преподавателей, методично сажая их в лужи: знал артефактор поболее многих архимагов. Куда только эти знания у него вмещались?

Что может быть между глупышкой Корделией и Эриасом? Только Варлок. Именно ради альва красotka и выбила пропуск к артефактору.

Я прошла по коридору и остановилась напротив двери. Та ничем не отличалась от соседних. Ну разве что парой отпечатков губной помады. Хорошо... парой дюжин отпечатков. И надписями в духе: «Хочу тебя», «Варлок, ты супер», «Я твоя». Меня потянуло тоже внести свою лепту. Что-то типа: «Порядочный, вот только сволочь та еще...» Еле удержалась.

Я здесь по делу! С такими мыслями я и прошла сквозь дверь. Оказавшись внутри, быстро осмотрелась и... поняла, что сейчас произойдет одно из двух: либо я горы сверну, либо дров наломаю. Хотя возможен и совмещенный вариант.

В комнате обнаружился Варлок.

И что теперь делать? Перенести ограбление века? Второй раз просить Ви́ра? Нет, чем раньше я верну булавку, тем лучше. К тому же Варлок вел себя, будто был на кладбище: лежал и не дергался. А точнее — спал беспробудным сном. Хорошо, что хотя бы один. Судя по раскиданным вокруг вещам, вчера тут была оргия. И это — минимум. Один лифчик, венчавший стопку учебников, чего только стоил... А вот мужские порты, явно принадлежавшие кому-то в два раза крупнее хозяина комнаты, признались, озадачили. И сильно.

Но как в подобном бардаке искать булавку?

Активировала артефакт, который дал мне Вир. Заклинание исчезло. Зато мне вновь стала доступна магия. В том числе и поисковая. Сняла с пальца кольцо и создала малый луч «райдо», держа в голове образ булавки.

Моя удача явно ушла в загул. А может, и вовсе уволилась. Верить в то, что она решила покончить жизнь самоубийством, не хотелось вовсе. Но, судя по тому, что поисковая нить тянулась к альву под подушку, фортуна явно отсутствовала на своем рабочем месте. Паразитка!

Затаив дыхание, я медленно-медленно и очень аккуратно просунула руку под подушку. Было ощущение, что я стою рядом не со спящим человеком, а со здоровенной коброй. Одно неверное движение — и она взметнется, раздует капюшон и вонзит в мою руку свои ядовитые клыки.

Вот кончики пальцев коснулись стальной иглы... Я так же осторожно начала высовывать руку из-под подушки. Резкий рывок не дал мне возможности опомниться. Я даже не успела ничего сообразить, как оказалась под альвом. Сонным и абсолютно обнаженным альвом.

Он вдавил меня в простыни. Руки заскользили по моему телу, а рот тут же заткнули поцелуем.

Яростным и жадным. Но самое поразительное — Варлок не открывал глаз. А вот его желание было однозначным — обладать. Об этом говорили жаркие прикосновения, его дыхание, откровенные ласки...

Его нога, вклинившись, уверенно раздвинула мои колени. Я с силой уперлась рукой в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Под моими пальцами стучал бешеный пульс.

По моим жилам бежали неразбавленные страх, напряжение и... еще что-то. Что-то, от чего

сводило мышцы живота, дыхание перехватывало, а воздуха вдруг резко становилось мало. Зато вдосталь было пламени, от которого горело все тело.

— Мм, — с наслаждением простонал Варлок, отрываясь от меня.

Он открыл глаза и, прищурившись, выдохнул:

— Какая неожиданная встреча. Утро, и ты, малышка, в моей постели. Пришла сама... Ты умеешь делать приятные сюрпризы.

В его глазах плясала джигу насмешка.

— Я случайно... — пискнула я, пытаюсь выбраться из крепких объятий.

— Дверью ошиблась? — невинно уточнил альв.

Я хотела кивнуть, дескать, да-да, все именно так, но поняла, что надо мной форменно издеваются.

— А за ошибки надо платить.

— Я заплачу. Сколько? У меня есть пять форинтов... — Я тянула время, в уме готовя матрицу плетения огненной лозы.

— Най, ты оскорбляешь меня, предлагая деньги. От тебя я возьму плату исключительно натурой.

— Могу молочком и свиным окоро... — договорить я не успела, как и достроить матрицу.

Губы Варлока впились в мои. До боли. До дрожи. Вырывая стоны и сбивая с мысли. Сволочь!

Он вжал мое тело, придавил собой, несмотря на попытку сопротивления, блокируя волну сырой силы, которую я попыталась выпустить.

Подол бесстыдно задрался, оголяя не только колени, но и бедра. Я почувствовала его ладонь у себя на пояснице. Варлок начал стягивать с меня...

Раздался резкий стук в дверь, а затем и громовой голос, который, казалось, слышали даже в императорском дворце:

— Открывай, архов потрох, я знаю, что ты дрыхнешь!

Помимо воли первой мыслью было: «А тренер со своими подопечными не церемонится». И уже потом: «Спасена!» и «Исключат ведь». Ну хорошо, если не исключат, то влетит здорово. За нарушение устава академии.

Вообще этот гадский устав — сволочная книга. Как, впрочем, и свод имперских законов, и инструкция к дистиллятору. А все потому, что мерзкие издания мстят не только тем, кто их не прочел, но и тем, кто с ними вроде бы хорошо знаком. Факт!

Пока мысли шаровой молнией носились в моей голове, у альва работали преимущественно руки. Я опомниться не успела, как на меня накиннули обездвиживающий аркан, а потом еще и отводящие взгляд чары. И в таком виде сверху припорошили одеялом.

Альв ударил в замок заклинанием, отпирая его и впуская жаждущего крови гостя. Звук бухнувшей о стену двери совпал со скрипом кровати. Из щели в своем укрытии я могла наблюдать, как Варлок в один прыжок подорвался с постели и буквально в этом же прыжке натянул штаны, нырнул в рубашку. Когда тренер ворвался в комнату и рявкнул:

— Какого ты еще здесь?

— Проспал, — отчеканил Варлок, небрежно застегивая пуговицы.

И вроде бы слово было цензурным, но вот сказано таким тоном, что невольно возникало ощущение, что прозвучала матерая площадная брань.

— Проспа-а-ал? — проревел раненым буйволом тренер. — Я вам вчера целый день на это дал. И ночь. Чтобы вы все у меня... проспались! Живо на тренировку!

— Уже лечу!

Варлок как раз обул второй сапог и... Кинув заклинанием в окно, распахнул створки и воплотил свои слова в жизнь в самом прямом смысле этого слова.

Тренер лишь ругнулся, уже, правда, не злобно, и проворчал себе под нос:

— Как дети, ей-боги двуединые, как дети. Не команда, а утиный выводок. У одного из койки сегодня девиц вытрясал, второму влюбленному идиоту мозги вправлял, теперь еще и третий... Ну этот, ладно, хоть просто продрых... — И тренер бдительно глянул на кровать.

То ли заклинание Варлока оказалось качественным и сильным, то ли время мага поджимало, но меня, накрытую одеялом, он не заметил. Шаги, а за ними хлопнувшая дверь оповестили — я осталась одна.

Попробовала пошевелиться. М-да. Как говорится, дела шли хорошо, вот только жаль, что не моей дорогой: я не могла даже дрыгнуться.

Сосредоточилась, прикрыла глаза, пытаюсь почувствовать, где находятся узлы плетения аркана. Один обнаружился у меня между лопаток, второй — на шее, третий — у лодыжек.

Надежно. Будто не безобидную адептку связал, а минимум ренегата-отступника, практиковавшего сотню лет человеческие жертвоприношения. Причем практиковавшего без соблюдения правил ритуалистики и в неположенных для оных занятий местах.

В общем, проще было сдохнуть, чем выбраться. Но у меня были упорство, магический дар и приворотная булава. Последнюю я так и сжимала в руке. Вот только пошевелить сейчас и пальцем не могла.

Возилась я долго. От напряжения взмокла. А может, виной всему то, что я находилась под теплым одеялом? Демон! И почему Вир не приходит на помощь?! Впрочем, сейчас было не до размышлений. Главное — выбраться.

Спустя час, когда хроносы пробили полдень, я окончательно озверела. В очередной раз ударила силой, на этот раз особо не концентрируя ее на узлах, но от души. Судя по звукам, стекла вылетели не только в комнате Варлока, но и на всем этаже, что подтвердили многоголосые, весьма сочные комментарии. Похоже, все адепты мужского пола были исключительно боевыми магами, сражавшимися под имперскими знаменами с десятков лет. Иначе откуда они знали столько крепких ругательств?

Зато я добилась своего: разорвала аркан и стала свободной. Из кровати вылезла мокрая как мышь: платье липло к телу, волосы щупальцами осьминога опутывали шею.

Уже хотела было сжать артефакт, чтобы Вир вновь активировал маскирующие чары, как ручку двери дернули, а потом замок стал проворачиваться.

Я не стала гадать, кто бы это мог быть: хозяин комнаты, вернувшийся с игры, тренер, что-то здесь позабывший, или очередная поклонница альва, решившая устроить ему сюрприз в постели. Просто схватила со стола книжечку помассивнее, утяжелив ее заклинанием. Вмиг очутилась у входа и, поудобнее перехватив, занесла ее повыше над головой. Подумалось, что сей фолиант не только хранитель знаний, но еще и отличное оружие для приведения разума в бессознательное состояние. Все зависит лишь от того, в каких руках книга находится.

Я готовилась провести встречу фолианта и гостя на высшем уровне, даже на цыпочки ради этого привстала. Рассчитывала ударить, размахнуться и еще раз ударить контрольно.

Дверь открылась, но randevу книги с макушкой альва не произошло. Видимо, не судьба... А может, причина в том, что Вир оказался на диво вертким и с хорошей реакцией?

В итоге мое оружие просвистело рядом с ухом альва, едва задев его плечо. А он сам рефлекторно поймал мое запястье и взял в захват.

Мы так и замерли, ошалело глядя друг на друга. А потом мои пальцы разжались, и книга грохнулась на пол. Звук вышел глухой, но очень выразительный. Настолько выразительный, что вибрацию я ощутила всем своим телом. Впрочем, не только я, но и дубовые половицы, которые гулко треснули. Жаль, не проломились. Я бы с большим удовольствием сиганула в образовавшуюся дыру. От альва, посмотревшего на меня слишком проникновенно.

— Ты, случайно, не скажешь, сколько магических единиц вложила в удар? — настораживающе спокойно спросил Вир.

— Почему не скажу, мы разве с тобой в ссоре? — Я сглотнула. Да уж... с моим чувством юмора я никогда не пропаду. Меня обязательно найдут. Лет через сто. Замурованной в стене. Впрочем, испытывать терпение альва я не стала и честно призналась: — Сто двадцать единиц.

Произнесла и только потом вспомнила, что у меня официально не может быть такого потенциала. Поэтому пришлось изобразить крайнюю степень смущения и добавить:

— Правда, с испугу я опустошила все свои накопители. Теперь полгода их заново наполнять буду.

— Нари... Как бы помягче сказать. Столько боевые маги вливают в заклинание «стены смерти», которая способна убить пару десятков воинов.

— Хорошо, что мое было бытовым... — выдохнула я.

Будь это боевое плетение, сработала бы сигналка. И хотя в университете нет жандармов, но еще большой вопрос, что хуже: участок или кабинет ректора.

— Бытовое? — недоверчиво уточнил Вир.

— Ну да... Чтобы быстрее мясо для отбивных готовить... — Я была сама невинность.

— Я думал, в вашей семье одна Тай способна превращать любые бытовые чары в оружие массового поражения, — задумчиво изрек Вир, закинув на плечо свою куртку, которую до этого держал в руках.

— Поверь мне, сделать так, чтобы массы смотрели и поражались, может любой из Россов. Не только дядя и кузина, — заверила я.

Тут в наш диалог решил вмешаться третий. Фолиант. Пол под ним снова затрещал, и... он благополучно провалился на этаж ниже. Вроде бы никого не убила, во всяком случае, трупы так бодро не орут.

Все. Вот теперь мне точно светит отработка в оранжерее. И хорошо, если только она... Не успела додумать до конца, как Вир активировал заклинание невидимости. Я вновь стала привидением.

— Дождись меня на улице, — шепнул он. — Я разберусь.

И действительно разобрался. Извинившись за легкое беспокойство, он пальцем поманил обломки пола наверх. Те полетели, вставая на место. Заклинание восстановления — затратное, хлопотное и требующее обновления каждые пару лет.

— Эй, а книгу?! — возмущенно донеслось снизу.

— Сейчас спущусь, заберу, — заверил альв перед тем, как пол окончательно восстановился.

— Нари, я же чувствую, что ты еще здесь. Спускайся и жди меня, — устало выдохнул Вир и пояснил: — У меня резерв почти пуст. И заклинание продержится пару минут. Боюсь, если ты сейчас же не скроешься отсюда, то оно спадет в тот момент, когда ты станешь проходить через стену. Это будет очень нелепая смерть, поверь мне.

Привидением я выплыла на улицу и притаилась за деревом. Едва успела вернуть кольцо на палец, как чары спали. А потом, слегка запыхавшийся, из мужского общежития появился Вир.

— Наконец-то, — с облегчением выдохнула я. И от радости, что все закончилось, повисла на шее альва. — Спасибо тебе огромное. Только почему ты так долго шел ко мне на выручку?

Он пожал плечами и запахнул куртку. Замерз, что ли? В общежитии-то он держал ее в руках. Да и вид у альва был весьма осунувшийся.

— Эй, ты чего?

— Кажется, руку слегка повредил, когда забирал твою книгу, — нехотя признался Вир.

ГЛАВА 9

Кажется, разговор с соседом снизу вышел весьма продуктивным. И если до пульсаров не дошло, то до кулаков — легко. Впрочем, выяснять подробности не стала. Вир сам с охотой сменил тему и рассказал, что спустя четверть часа после того, как снял с меня заклятие, начал беспокоиться.

Через полчаса беспокойство переросло в тревогу, и он пошел на штурм общежития. Вахтер-цверг попрепирался с ним для приличия и, потребовав мзду золот... мотком нервов, пустил Вира. Он потратил еще время на поисковое заклинание, которое привело в комнату Варлока, где и состоялась наша трогательная встреча.

— Скажи, зачем тебе нужно было проникнуть именно в его комнату? — серьезно спросил альв, когда мы уже шли к дому.

— Вот за этим...

Повинуясь сиюминутному порыву откровенности, я достала булавку. Все же он тоже изрядно рисковал и заслужил право знать правду.

— Никакой подруги не было... — глядя на мою ладонь, произнес он. Не спрашивая, утверждая.

— Ты давно это понял?

У меня было ощущение, что, даже не покажи я ему причину авантюры, он произнес бы то же самое.

— Заподозрил в тот вечер на кухне, когда ты не дала мне выкинуть салат.

— Да уж, никудышный из меня конспиратор, — печально протянула я. Все же в искусстве обмана и маскировки первое правило: выглядеть немножко глупой и недалекой.

— Ты это так сказала, что я даже задумался, что лучше: быть честным или все же приличным альвом, — шутя, поддел меня Вир.

Я на него посмотрела взглядом «только попробуй ответить неправильно».

— Понял, не дурак. Дурак бы не понял. С тобой всегда честный, с остальными — по обстоятельствам, в рамках закона и этикета.

Не успела я возмутиться таким вывертом альвовой логики, как меня поцеловали. А потом с легкостью выхватили из ладони булавку.

— Эй!

— Ну, должен же я узнать, ради чего ты была готова рискнуть всем... — поддразнил Вир, но едва он поднес булавку к лицу, как вмиг стал серьезным. — Нари, мне стоит начать ревновать? — Он изогнул бровь. — К кому?

Упс... Альв с первого взгляда распознал приворот. Неловко получилось. Как говорится, любишь порчу наводить, готовься и откат получить. А если соврала, что это твое, сумей и выкрутиться.

— Не к кому, а к чему. К экспериментам. Эта булавка с приворотом на любовь к экономике...

— К чему? — Вир даже споткнулся.

— Понимаешь, у меня проблемы с экономикой, а через пару месяцев экзамен... Вот я и решила... слегка в нее влюбиться...

Двуетидная сила, какую чушь я несла! Главное, ее донести сейчас и не расплескать!

— Приворот на учебники? — ошарашенно уточнил альв.

— Ну да... Знаю, звучит по-идиотски, но тогда казалось отличной идеей. К тому же она работала. Вот только один гад узнал о булавке... — Я мастерски изобразила негодование. — А поскольку это все же не совсем легальная магия, выкрал и решил, что меня можно пошантажировать.

— Нари, я только уточню, — мрачно начал альв. — Шантажист — Варлок? Ты ведь была в его комнате?

Я кивнула, предчувствуя беду. Причем предчувствуя ее не отдельной частью тела, печенкой там или тем местом, которое отвечает за учение и приключения, а, так сказать, целиком. Даже кончиком носа и пятками.

— Я вызову его на дуэль, — с яростью бросил Вир.

— А может, лучше сразу прикопать? — внесла я дельную мысль. — Так вылететь из университета шансов гораздо меньше, поверь. Или ты можешь вызвать, а я его тихонько сзади оглушу.

— С учетом того, сколько единиц ты умудрилась влить в обычную книгу, боюсь, и прикапывать никого уже не придется. От твоего оглушаемого останется одно мокрое место, которое разве что песочком присыпать... — иронично возразил альв.

— И все же, — сказала я предельно серьезно, — Вир, обещай мне без глупостей. Варлок остался ни с чем. Булавка уже у меня.

— Тогда ты обещай больше не связываться в сомнительные авантюры. А если у тебя возникнут проблемы — рассказывай мне. В конце концов, я твой друг. — Вир сделал выразительную паузу, а затем с какой-то затаенной надеждой добавил: — Или, может быть, больше?

Его взгляд был чистой провокацией. Вызовом, несмотря на спокойный тон.

— А кем бы ты сам хотел быть? — Я приподняла бровь. В игру слов мог играть не один альв.

— Если я скажу, то это будет за гранью светскости. Ты, правда, хочешь это услышать?

И вроде бы его слова были верхом приличия. Но вот тон... Таким не говорят, таким ласкают и соблазняют. Больше, чем просто флирт. Слишком откровенно.

В горле моментально пересохло. Я сглотнула и непроизвольно закусила губу. Приличная эйра на такое предложение должна была дать однозначный ответ. И отнюдь не согласие. Глупая эйра, жаждущая потешить свое эго, — произнести «да». Умная — промолчать. Но, увы, где Нари и где очевидные вещи?

— А ты правда готов нести ответственность за то, что я услышу? — Я сделала ударение на последних словах, выделив именно «я услышу».

Вир хмыкнул. Видимо, мне попался опытный альв, который знал, что может услышать женщина из того, что мужчина не говорил. Посему Вир резюмировал:

— Разговаривая с тобой, Нари, я понимаю, где нашим атташе нужно оттачивать мастерство переговоров. Если хотя бы треть адептов-алхимиков могут так же виртуозно уходить от ответов, то я не удивлен, отчего у альвийских дипломатов столько проваленных миссий.

— Учти, ты еще с артефакторами не общался, — просветила я остроухого.

А потом по дороге к дому пояснила, чем эти ребята так опасны: своими преподавателями. Один профессор Мрот чего только стоил. Ну, представьте себе адептов, лекции которым читал лич — существо крайне въедливое, с абсолютной памятью, имеющее презабавное хобби: выводить своих учеников из себя. Причем настолько, чтобы душа отлетала от тела.

В итоге адепты-артефакторы каждый день на лекциях Мрота ходили практически по минному полю. Тут волей-неволей станешь не то что дипломатом, но и — о ужас! — высококлассным мастером своего дела.

За нехитрым разговором мы и дошли до дома. В холле нас встретил Генри с фингалом, видимо, соседка таки отомстила за поруганный куст.

Перехватив мой заинтересованный взгляд, кузен, предвосхищая ехидный комментарий, произнес:

— Нари, вот только не надо говорить свою любимую фразу.

— Какую же? — тут же заинтересовался альв.

— Все, что дается нам даром, лучше брать деньгами, — отозвалась я. — В случае Генри форинт был бы гораздо симпатичнее гематомы.

Еще раз посмотрела на мину Генри и спросила:

— Что, опять проблема с регенерирующим заклинанием?

— Эта троллиха ударила кастетом из стаурина, — нехотя признался кузен. — Магия больше суток будет бессильна.

— Ладно, страдалец. Сейчас принесу тебе абсолютно немагическую настойку с бодяком. Фингал к утру сойдет.

Пока ходила в комнату за настойкой, Вир поднялся к себе. Вспомнив, как альв говорил про поврежденную руку, я решила, что ему тоже не помешает помощь. Правда, эликсиры с магическим компонентом эффективнее. И у меня как раз имелась парочка подходящих.

— Можно? — крикнула я из-за двери и стукнула в нее коленом: руки были заняты склянками с эликсирами.

Дверь оказалась не заперта и распахнулась, а я смогла лицезреть весьма интересную картину: Вир поливал плечо зельем. И все бы ничего. Вот только там был свежий шов. Игла с ниткой, лежавшие на столе, без слов говорили, кто только что штопал сам себя.

Но не это удивило меня больше всего. А то, как заживала рана, облитая зельем: очень быстро образовывался рубец. И, судя по скорости, через пару часов на месте свежей раны будет застарелый шрам.

Я никогда не видела ничего подобного. Да нам даже о зельях с таким эффектом преподаватели не заикались. И учебники молчали. Это я могла утверждать точно, потому что перелопатила чуть ли не всю университетскую библиотеку.

— Нари? — изумленно выдохнул альв.

— Ты сам готовил? — Я восхищенно кивнула на склянку, которую он держал в руках. И нахмурилась, глядя на внушительный рубец на плече. — Ты же говорил, что слегка повредил руку?

Вир поставил зелье на стол и поспешил пояснить:

— Ну да, слегка. Когда я пошел за книгой, то выяснилось, что сосед снизу — оборотень. Весьма нервный оборотень. То ли фаза луны у него была не та...

— При чем тут фаза-противофаза? — Я решительно зашла в комнату Вира.

Альв сделал произвольный шаг назад.

— При том, что когда он замахнулся на меня, это была еще мужская рука, а вот удар вышел уже когтистой лапой.

До меня тут же дошла и причина «промерзания» альва, когда из общежития он вышел в куртке. Значит, просто не хотел мне ничего говорить.

— Если у тебя возникнут проблемы, обязательно расскажи мне о них... — передразнила я Вира, напомнив о недавнем разговоре. Даже его тон в точности скопировала.

— Нар, это не проблема, это просто царапина.

— Такая, что зашивать пришлось? — прищурилась я.

— Заживляющий эликсир не терпит иной магии, кроме той, что заключена в нем самом. Поэтому соединить края раны с помощью чар было нельзя. А вот шелковой нитью — запросто. Зато назавтра не останется и следа.

И почему же мне показалось, что остроухий хитрец пытается меня отвлечь?

— А что до эликсира, — между тем вещал Вир, — то это альвийская разработка. В военной академии, где я раньше учился, он был самым ходовым зельем у целителей...

Альв говорил отрывисто и сухо, словно монеты чеканил. М-да... Судя по всему, воспоминания

родом из его юности — не самые приятные.

Я на миг даже смутилась. Но потом жгучее любопытство, которое идет в обязательной комплектации к дару алхимика, взяло верх.

— Значит, альвийская разработка... А рецепт дашь?

— Нари-и-и! — простонал Вир.

Видимо, он узрел фанатичный исследовательский блеск в моих глазах и понял: попал.

— Она самая. Так как насчет рецептика?

— Дам-дам, — заверил Вир и уже было шагнул к кровати, чтобы взять рубашку, как я, подойдя к столу, сгрузила свою ношу и приблизилась к нему.

— Что еще? — настороженно уточнил подселенец.

— Подожди, дай понаблюдать. — Я сосредоточенно взидала, как корочка рубца на глазах начинает осыпаться, а под ней обнаруживается розовая тонкая кожа.

Взгляд невольно скользнул выше. По плечу, потом переместился на грудь. Паутина тонких линий. Только сейчас я догадалась, сколько раз этот упрямец был ранен. Да не у всякого выпускника боевого факультета столько шрамов наберется.

— Откуда это? — Я дотронулась до груди Вира и почувствовала под пальцами рваные толчки. Хотя об ответе уже догадывалась: из того оплота, где из магов готовили лучших воинов альвийской империи.

— Нары...

Его хриплый выдох, от которого по позвоночнику прошел разряд, растворившись в теле волной жара... Я сама поразились своей реакции. Всего лишь на прикосновение. Всего лишь на его голос. На миг я будто увидела себя со стороны с затуманенным взглядом, расширенными зрачками, с бешено бьющейся жилкой на шее. Вот Вир склоняется к моим приоткрытым губам, его язык касается моего, дразня, возбуждая. Его ладонь сжимает мою грудь, вырывая стон удовольствия. Мы ловим дыхание друг друга, чувствуем вкус друг друга, касаемся, не в силах остановиться. Я выгибаюсь ему навстречу.

Это было видение-вспышка, длившаяся секунду. Но меня бросило в жар. Вир так и стоял напротив. Замерший, напряженный, не сводящий с меня взгляда. И я поняла: если останусь в его комнате хоть на секунду, то картина, которую мне только что подкинуло разыгравшееся воображение, станет реальностью.

Хотела ли я этого? Да. Боялась ли я этого? Да. Жизнь меня научила доверять осторожно. А Вир... Он мне нравился. Именно поэтому я боялась разочароваться. В нем, в своих чувствах, в решении.

И я отступила. Произнесла какую-то ерунду в духе «зайду попозже» и быстро вышла из комнаты. Отчего-то возникло ощущение, что не только я особо не вникла в смысл сказанного, но и альв. Дверь за моей спиной закрылась, и едва я прошла несколько шагов по коридору, как услышала глухой звук, будто с размаху кулаком ударили в стену.

Оказавшись в своей комнате, я выдохнула. Прислонилась к шкафу и, задрав голову к потолку, произнесла вслух:

— Это какое-то безумие...

Но кристалл связи напомнил, что специалист по сумасшествию тут вовсе не я: Алекс жаждала моих ушей.

— Скотина! — Раздавшийся крик был способен стать причиной инфаркта.

Рев Алекс сопровождала ее уменьшенная иллюзия, благодаря которой я поняла, что вопль адресован не мне, а водителю магомобиля. Тот только что окатил подругу грязью с ног до головы и рванул дальше по улице. Я могла видеть удаляющуюся красную точку сбоку от Алекс.

— Да чтоб тебе пусто было, да чтобы у тебя из-под капота элементаль сбежал, да чтоб тебя на

каждом углу жандармы останавливали, а в тещи досталась черная ведьма!

Даже я прониклась таким перечнем проклятий. Но самое удивительное произошло спустя секунду. Такого быстрого исполнения проклятия я еще не встречала. В обидчика подруги на полном ходу врезался другой магомобиль, который вырулил из-за угла на бешеной скорости и буквально протаранил любителя окатывать грязью.

Грохот, вой обережных заклинаний и... удирающий из-под капота элементаль. Алекс, лицезревшая эту картину вполоборота, удовлетворенно хмыкнула и отлепила от щеки мокрую, напоминавшую щупальце прядь.

М-да... И это еще у подруги нет дара чернокнижника. А если бы в мире граней она ухватила его? Страшно даже представить.

— Нари, ты уже здесь, — опомнилась Алекс. — Прости, это было не тебе, а одному недоумку. — И тут же без перехода: — Ты почему полдня сегодня не отвечала?

— Забыла кристалл дома... — печально протянула я, уже зная, что Алекс скажет.

И оказалась права.

— Нари, совесть надо дома забывать, совесть! А не кристалл связи, кошелек или ключи.

— Как-нибудь в следующий раз попробую, — пообещала я.

Алекс только это и было нужно: прелюдию приветствия мы обе соблюли, и на меня обрушился ее гнев.

— Нари, вот мы с тобой подруги? — начала она.

Мне категорически не понравилась такая формулировка. Вообще подобные вопросы можно использовать в качестве оружия: они бывают настолько тяжелыми и тупыми, что ими можно нанести травму мозгу, а тонкую душевную организацию и вовсе убить. Причем так, что ни один некромант не поможет.

— Конечно, подруги, — с самым серьезным тоном заверила я, но не удержалась от ехидства: — Ведь только ты, если я упаду, поможешь мне подняться... Как только просмеешься.

Алекс, уже набравшая воздуха в грудь для отповеди, сплюнула с досады:

— Злыдня!

— Стараюсь, — скромно потупилась я.

Сжав губы в тонкую линию, Алекс решила повторить атаку.

— Я встретила Йонока... — сощурившись, произнесла она. — И узнала очень интересную новость. Говорят, что ты согласилась писать диплом с альвом?

— Алекс, скажу тебе больше: нет, — выдохнула я и, выдержав паузу, пояснила: — Нет, это он согласился написать его со мной.

— Ну почему? — В голосе Алекс было только непонимание.

Пришлось в подробностях рассказать ей о том, что произошло у списка и как мой уровень дара слегка отличался от требуемого для оставшихся тем.

— Надо мне было тебя отвести за руку из столовой сразу к стенду, а не фильтровать осадок из пробирки... — по-своему поняла произошедшее Алекс. — Теперь ты вынуждена его не только дома терпеть, но и работать вместе с ним над дипломом.

— Знаешь, а Вир вполне себе нормально «терпится», — призналась я Алекс.

То ли тон меня выдал, то ли у подруги было чутье на тайные симпатии, но она тут же взвыла:

— Нари-и-и! В моем списке «самые отвратительные вещи в мире» между изменой и вареной морковкой нужно вставить еще один пункт: твое умение недоговаривать. Оно хуже, чем родовое проклятие, убойнее, чем запах хрена и чеснока изо рта парня, который лезет к тебе с поцелуем, неотвратимее, чем преследующий зомби. Да на занятиях по выживанию нужно о твоём умении рассказывать, чтобы адепты знали, чего стоит бояться по-настоящему. — И,

закончив пламенную речь, добавила: — Прониклась? А теперь выкладывай, что у тебя с этим ушастым недотепой?

Ну, я ей и выложила. Правда, не подробности, а то, что мой организм требует новое платье, торт и любви, но пока получает беснующуюся подругу, ночные кошмары и писать-писать диплом.

Алекс то ли прониклась, то ли решила просто совершить тактическое отступление, но тем не менее миролюбивым тоном произнесла:

— А я думала, что ты эти полдня провела в магазине, выбирая платье для танцев...

И столько намека было в ее голосе.

Я чуть было не ляпнула, что первую половину дня провела в постели Варлока, но сдержалась. За такой ответ меня не то что проклянут, лично придут и убьют. Причем трижды убьют. И не важно, что оказаться в кровати этого гада мне как бы совершенно не хотелось.

— Кстати, а ты сама купила себе наряд? — перевела я тему.

— Руны криво нарисовала — на шабаш опоздала, — ответила мне расхожей поговоркой Алекс.

— В каком смысле?

— В том, что на сегодня у меня было запланировано добить Варлока... — Алекс, в этот момент решительно шагая по улице, осеклась. Кажется, поняла, что сказала, и пояснила: — То есть окончательно покорить и сделать его своим парнем. Для этого даже выбрала свое любимое платье мятного цвета с кружевной юбкой и золотым шитьем.

— Что-то пошло не по плану? — осторожно уточнила я.

— Все! — рявкнула Алекс. — Сначала эти оголтелые идиотки на трибунах. Потом выяснилось, что Варлок опоздал, и тренер отправился за ним. Но едва он оказался на поле и игра началась, как Стрела, сволочь, умудрился запустить заклинанием стальных клинков, от которого мой Варлок не смог увернуться.

— Он жив?

Я вспомнила, как выглядят эти «клинки» — град острых лезвий, от которых не всякий щит спасет.

— Жив, чего ему сделается, — фыркнула подруга. — Лучше спроси, что случилось со мной!

— Что с тобой? — покорно повторила я, присаживаясь на кровать: признаться, от долгого разговора ноги уже затекли.

— Ужасные страдания и душевные муки! — выпалила она. А вот дальше я в который раз убедилась, что есть подруги хорошие, есть плохие, а есть такие, как Алекс, — непредсказуемые. — И раз ты, как и я, тоже не купила себе платья на вечер, то сейчас мы идем их выбирать.

Я уже хотела было заикнуться, что у меня всего несколько форинтов, как услышала:

— И не смей говорить о деньгах! Сегодня плачу я!

Вспомнив, чем закончился подобный поход по дамским магазинам в прошлый раз, я обреченно выдохнула: «А я, похоже, плачу», — сделав ударение на первый слог.

И не солгала ни единым словом: у меня до сих пор наворачивались слезы. Правда, от смеха, но ведь слезы же! В памяти моментально всплыло, как я спорила с модистками, пытавшимися добавить мне форм даже в талии и запихнуть ваты под корсет. Девушки заверяли, что ныне в моде пышные эйры. Моих слов о том, что я предпочитаю в вырезе декольте двум тыквам аппетитные яблочки, они, кажется, не слышали. В итоге не выдержал наряд. Он на мне треснул. И вывалилась вся вата. Прямо на подиуме перед Алекс и еще несколькими покупательницами, которые были в тот момент в магазине.

Видимо, подруга поняла, какой именно эпизод я вспомнила, потому как завияла:

— Больше никакой погони за модой! — И тут же: — О, а я к тебе уже пришла!

Вторя ее словам, снизу раздался звук дверного звонка. Ругаться на Алекс было бесполезно. Я просто отключилась. Крикнув из-за двери, чтобы открыли, я поспешила сделать то, что должна была сделать уже давно, — потянулась к демоновой приворотной булавке.

Успеть бы!

Заклинание, развеивающее чары, слетело с моих губ в тот момент, когда я с усилием переламывала ненавистную иглу. Гром не грянул, пол подо мной не дрогнул, но вот вонь... Такое ощущение, что в моей комнате решительно и окончательно что-то сдохло. И не одно. Так вот он каков — запах любви! Правда, искусственной и с добавкой из частых случайных встреч. Но любви же!

Алекс ворвалась в мою комнату, когда я как раз распахивала окно, бормоча чары проветривания.

— Ну и вонь! — выдала она, выразительно помахав ладонью перед носом.

— Та лужа, из которой тебя окатили, была не просто лужей? — невинно уточнила я, нарочно игнорируя смысл заявления подруги. И, дождавшись, когда она уже будет готова взорваться, добавила: — А, ты про этот запах... Да так, у меня одна алхимическая смесь не удалась.

— Фу, Нари, экспериментировать в лаборатории, — назидательно заявила подруга, а потом попросила: — Дай мне полотенце, я схожу в ванную, вымоюсь и платье заодно магией очищу.

— Возьми в шкафу на третьей полке. А то у меня руки в реактивах.

Пока Алекс доставала полотенце, я выкинула остатки булавки в окно. Они угодили ровнехонько в несчастный розовый куст. Отряхнув руки, я развернулась к Алекс, но она, схватив полотенце, тут же умчалась в ванную.

— Ты там хвост и жабы еще не отрастила? — постучав в дверь, спросила я у нее через полчаса.

Вот зря. Лучше бы она до ночи заплывы совершала. Потому что, как только вышла, тут же потащила меня по магазинам.

Спустя три часа, сотню перемеренных нарядов и два нервных срыва у модисток салона вечерних туалетов Алекс наконец-таки выбрала себе красное платье. Оно облегло ее тело, как вторая кожа, практически не оставляя места воображению.

— Если Варлок устоит перед таким нарядом, то я решу, что он мужеловец. Хотя нет... Он просто не может оказаться такой свиньей, чтобы предпочитать парней девушкам! — Алекс, критически оглядывая себя, вертелась у зеркала. — Нари, согласись, мы с ним вместе будем отлично смотреться. Прямо как два отражения...

Я, слегка устав, сидела в кресле, и мысли мои были далеки от нарядов. Но фраза Алекс заставила меня встрепенуться. Отражения. Вир и Варлок — вот два истинных отражения. Настолько непохожие, что...

Нет, это не может быть правдой. Но эти шрамы... Они могли вполне остаться после той игры на поле. И рука Вира, которую он сегодня «повредил».

— Алекс, а куда именно был ранен Варлок сегодня? — выпалила я.

— Вроде ему весь бок снесло... — тоном «о какой ерунде ты спрашиваешь, лучше посмотри на меня» произнесла та, примеряя к платью длинные, до локтя, алые перчатки.

Бок... Плечо... Неужели Вир... это Варлок? От подобной мысли я похолодела. Потому что за ней следом шла другая: если он это скрывает, то зачем? И что ему от меня нужно? А за ней уже совсем сумасшедшая: а что, если он один из наемников, которые отслеживают меня?

Страх накрыл волной ледяного холода, проник под кожу. Я чувствовала, как он разносится по венам, как ломает кости, выдирая их из суставов, словно волк, потрошащий свою законную добычу.

Так, Нари, спокойно... Мысли логически. Не паникуй. Я с трудом натянула на лицо маску отстраненного спокойствия, хотя сердце колотилось как бешеное. Какие у тебя доказательства, что Вир — это Варлок? Да почти никаких, кроме того, что сегодня оба оказались ранены. И вместе ты их никогда не видела. Хотя... той ночью, когда я вернулась из

полицейского участка. Вир же спал в своей комнате. Это точно. И то была не иллюзия: спящий альв был живым. Он дышал, ворочался, вроде бы даже что-то бормотал. Иллюзии так не могут. К тому же при движении они слегка смазываются, а уж чтобы звук и изображения были синхронны — это архимагом надо быть. Так что нет, в комнате был Вир. А на улице — Варлок.

Или нет? Мои логические доводы были тут же сгрызены прожорливым червяком сомнения. И я для себя решила: лучше перебдеть, чем оказаться трупом. Нужно проследить за своим подселенцем, как бы Вир мне ни нравился. А то, что я была к нему равнодушна, — увы, факт.

— Нари, у тебя такое выражение лица, словно ты разгадала нерешаемую теорему Вейра, — обернувшись, выдала подруга и беспечно добавила: — Или планируешь, где будешь прятать будущий труп... Ну, как тебе?

Алекс стояла боком, подбородок был чуть опущен вниз, плечо слегка приподнято, а бедро выставлено так, что его изгиб выглядел ну очень соблазнительно. Впрочем, и грудь с такого ракурса была призывно-округлой.

— Честно? — Я вскинула бровь, заставляя себя хотя бы казаться безмятежной. — Смотрю на тебя, а в мозгу одна мысль. В мире лишь две вещи могут заставить девушку принять столь странную позу: желание понравиться мужчине и ревматизм.

— Тьфу на тебя три раза, язва, — отмахнулась от меня Алекс, впрочем, вставая нормально, и назидательно подняла палец вверх. — Чтоб ты знала, параллельно отставленная женская попа может напрочь вышибить мужские мозги.

— Знаю. Но еще знаю, что в этом плане пульсар или заряд из магострела куда эффективнее. И зад не надо отключивать.

— Нари! — взревела Алекс.

Ответом ей был мой полный невинной кротости взгляд. Я была олицетворением послушания. Даже странно, отчего небесные духи над моей головой не затренькали на лютнях и нимба не появилось. А я ведь так старалась...

— Ты невозможна!

— Поверь мне, я еще как возможна. И даже — о ужас! — уже двадцать три года вполне себе реальна.

— Я тебя придушу! — кровожадно пообещала подруга.

— Ага, потому что отравить не сможешь!

— Просто ты яды хорошо распознаешь, — вздохнула Алекс.

— А вот завидовать тому, что у нас — благодаря Тай! — каждую неделю дегустация оных, не стоит. А то я ведь и на обед пригласить могу.

— Сдаюсь! — тут же пошла на попятную подруга и коварно провела неожиданную атаку нарядами.

Как я ни отбивалась, пытаюсь отвоевать себе скромное серое платье, потом хотя бы черное, затем темно-синее... Бесполезно. Алекс мстила. Изошренно, как может мстить только лучшая подруга. В итоге на мне оказалось летящее платье изумрудно-зеленого цвета с пышной кружевной юбкой до колена и выразительным декольте.

— Только девушка с идеальной фигурой, как у вас, может позволить себе надеть такое платье. — Модистка, помогавшая в примерочной, искренне улыбнулась мне в отражении. — Все, готово!

Я вышла в зал. Алекс закашлялась и выдала:

— Да уж! В этом платье ты, чего доброго, отобьешь у меня Варлока...

— Мне можно его снять? — тщательно отмерив радости в голосе, воскликнула я. На самом деле платье мне понравилось. Очень. Но Алекс, сама того не зная, была права: мне не стоило привлекать внимание.

— Еще чего! Мы его берем! И не смей упираться. Я знаю твою страсть рядиться в невзрачные тряпки! Все пять лет учебы я уступала твоему желанию, но сегодня — нет. Хотя бы раз в жизни стань принцессой. А я, прямо как в легенде, буду твоей демонессой-крестной.

— Угу, а ничего, что по сюжету бедную крестницу в брачную ночь сожрал муж-дракон?

— А ты разве планируешь выходить замуж?

— Пока я собираюсь не выйти куда попало, а удрать отсюда.

— Нари!

— Алекс!

Подруга аж заискрила от возмущения. Одна из трех модисток, видя это, закашлялась и быстро вышла, видимо, попить водички, но отчего-то из-за двери заорала дурниной.

Платье мы все же купили. И придя домой уставшей до невозможности, я в форме звезды упала на постель и уснула.

А утро началось с деликатного стука в дверь. Оказалось, что Вир хотел проводить меня в университет. Я с волнением, которое скрyla за смущенной улыбкой, вложила свою руку в его ладонь. Все же подозрения — страшная вещь.

Занятия начались с пары аналитической алхимии и крайне недовольного Мейнхафа. Сегодня он язвил особенно колко, прошелся по всем и каждому. Даже Алекс досталось, хотя она-то всегда умела снискать благосклонность полутролля.

По расписанию был коллоквиум, а посему у доски солировал не магистр, а студенты. Кто-то неуверенно блеял ответы. Кто-то старательно выписывал формулы, скрипя мелом.

Алекс только что расписала на доске ступенчатую реакцию снежной пыли. Ее суть заключалась в том, что в базовый эликсир, кипящий на масляной бане, вливали серную кислоту и образовывался белый туман. Он поднимался вверх, кристаллизовался и опадал белыми хлопьями, которые истаявали, не оставляя после себя ни капли влаги. Выглядело красиво, особенно на каком-нибудь балу или синемагографической картине. В виде уравнения эта реакция была скучной, зато на деле — весьма зрелищной. Но от Алекс магистр требовал только формул, а не практики.

— Уф, — тихо, чтобы Мейнхаф, не приведи двуетидная сила, не услышал, выдохнула Алекс, с облегчением опускаясь на скамью. — Он сегодня лютует.

Я глянула на подругу с некоторой завистью: она-то уже ответила и может спокойно отдыхать. А вот я печенкой чуяла: для меня Мейнхаф припас какую-нибудь изысканную гадость. И оказалась права. Ну хоть раз бы мое чутье подвело... Но нет, оно, исчадие бездны, еще ни разу не промахнулось.

— Адептка Росс, к доске.

Я тяжело выдохнула и поднялась со своего места.

— Найриша, хоть мы и не на географии, но, пожалуйста, обрисуйте нам рубежи своих знаний, — начал Мейнхаф в столь несвойственной ему витиеватой манере, что я поняла: грядет большая пакость. — И, не стесняясь, покажите нам на доске принцип действия катализатора в реакции вулканизации «золотого тумана».

Мягко говоря, я удивилась. Вопрос оказался несложным. Нет, не простым, но и без завак. Впрочем, как и ответ на него. Другое дело, что этот самый ответ был очень длинным. Занудным и длинным. Я взяла мел и, продемонстрировав некоторую робость, подошла к доске.

— Ну же, смелее, — издевательски подбодрил меня магистр и добавил: — Один совет: если не знаете ответа, не стоит маскировать его раскидистыми кустами фраз и терминов, о значении которых вы имеете весьма посредственное представление.

В аудитории раздались смешки. Впрочем, они быстро стихли под магистрским оком.

Я разозлилась. Ну сколько можно?! Да, все годы обучения я изображала не сильно обремененную званиями адептку. Но не клиническую же идиотку!

Мел застучал по доске, вычерчивая заглавные литеры, обозначающие элементы, входившие в состав реагентов. Я рисовала кольцевые и линейные формулы, указывая над стрелочками условия протекания реакций. Внизу сразу же выписывала расчетные скорости, массы, коэффициенты погрешностей.

Все время, что мел скрипел под моими пальцами, я злилась. Но вот странность, это была злость, которая сродни холодной ярости. Той, что не застит глаза, а отлично прочищает разум.

Мой почерк стал отражением моего состояния. Обычно литеры выходили у меня слегка округлыми, но сейчас я не писала, а печатала. Единственная закорючка, которая при любом условии выходила у меня прописной, — знак времени в виде символических песочных хроносов. Почему-то, уж не знаю почему, но к нижнему хвостику я добавляла завиток, больше всего напоминавший перевернутую запятую.

Уравнение реакции было объемным. Мейнхаф расхаживал за моей спиной взад-вперед, аудитория тихо замерла в ожидании.

Звонок резанул по ушам в тот момент, когда я перешла на пятую строчку в уравнении.

— Все свободны, а вы, Найриша, допишите реакции и тоже можете идти. — Голос Мейнхафа прогремел по аудитории.

Адептов как ветром сдуло. Алекс, поняв, что в вопросе я не плаваю и ее подсказки мне не нужны, легко подхватила с места. Вир сначала помедлил, посмотрел, как я быстро стучу мелом, и тоже покинул аудиторию. Но когда мы остались с преподавателем тет-а-тет, я услышала:

— Достаточно, адептка Росс.

Я повернулась, впрочем, не торопясь откладывать мел.

— Мне осталось совсем немного дописать, — ответила я, прекрасно осознавая, что вопрос был для преподавателя лишь предлогом, чтобы задержать меня.

— Я убедился, что вы все же кое-что усвоили из темы прошлого занятия.

— Вы оставили меня одну, чтобы лично сказать это? — Я решила играть в открытую.

— Нет, — правильно понял Мейнхаф и добавил: — Я хотел сказать вам, Росс, что оценил вашу предприимчивость. После того как возможность выехать на защите диплома за счет знаний подруги от вас уплыла, вы нашли другую кандидатуру. Знаете, Найриша, вы тот еще фрукт.

Я фрукт?! Да сам он... Сухофрукт! Причем почти столетний!

— «Выехать», «за счет знаний подруги», «другая кандидатура»... — Я в точности скопировала тон Мейнхафа. — Магистр, знаете, проблематично одной писать диплом, тема которого требует от адепта уровня «каната», если у тебя всего лишь «нить».

— Неправда, в списке была тема, которая вам одной вполне по дару. — Преподаватель ударил ладонью по столу.

— Единственная. И ее из-под носа у меня забрал Йоннок.

— Йоннок? — Удивлению Мейнхафа не было предела. — У него же «колодец»? Зачем ему брать сложную тему, требующую малого дара, вместо простой, но рассчитанной на большие затраты магии?

— Просто он тайно влюблен в магистра Махрума, — ляпнула я, вспомнив, кто именно является куратором того диплома.

Но Мейнхаф сарказма в моем ответе не услышал.

— То есть вы хотите сказать, что когда наконец соизволили дойти до списков, то темы вашего уровня уже не было? — с подозрением уточнил он.

— Могу поклясться собственным даром, что нет, уже не было, — отчеканила я категорично. Так, чтобы мой ответ мог трактоваться однозначно.

— Найриша, — Мейнхаф посмотрел на меня колко и внимательно, будто первый раз увидел, —

смотрю на вас и думаю, как в одном человеке может уживаться столько противоречий: вы бездарная адептка с крохотным даром, но изворотливая, наглая и проницательная. Таким, как вы, не место не то что в науке, но и в университете.

— Сочту за комплимент, — холодно произнесла я.

Меня так и подмывало ответить асимметрично. В смысле на негативный комментарий высказаться по-доброму, тщательно подбирая слова... для некролога обидчика. Сдержалась. Почти.

— Тогда и вы разрешите ответить любезностью, — начала я. — Вы, магистр, отлично знаете свой предмет, у вас даже есть определенный кодекс благородства, правда, исключительно для вашего же внутреннего пользования. Вот только, служа науке, вы забываете о простом и человеческом.

— Адептка Росс, я вас уже предупреждал, что сделаю все возможное, чтобы диплома вы не получили. Так вот учтите: напросившись в соавторы к альву, вы утянете и его за собой на дно.

— Поверьте, Вир отлично плавает, — глядя глаза в глаза и улыбнувшись одними губами, уверенно ответила я. Про себя подумала: «Но меня утопить будет тоже тяжело».

— Вы самая отвратительная адептка из всех, кого я когда-либо обучал, — припечатал магистр и, повернувшись ко мне спиной, дал понять, что наш разговор окончен.

Я также, не говоря ничего, схватила свою сумку и поспешила на следующее занятие.

После разговора с Мейнхафом я весь день была злой. Впрочем, своих истинных чувств не показывала, улыбалась. После общих занятий Вир ушел на языковой спецкурс, а мы с Алекс отправились домой. Выходя из университета, подруга посмотрела вперед, вдруг резко остановилась и скривилась.

Я проследила за ее взглядом, увидела Стрелу. Он шел с перебинтованной шеей и тремя прилипшими намертво адептками. Они буквально льнули к нему, преданно заглядывая в глаза и выразительно — на грудь. И не только заглядывая, но и активно прикасаясь к оной.

— Какой же этот рыжий гад... страшный бабник! — сказала, словно сплунула, Алекс.

— Почему страшный, вполне себе симпатичный, — поддела я.

— Раз симпатичный, забирай себе, — отрезала Алекс.

— Спасибо, он не в моем вкусе.

— Если дело только в острых ушах, то могу их рыжему подкорнать! — кровожадно прошипела она.

Да уж. Человеколюбием Алекс сегодня можно было убивать. Но не успела я ничего сказать, как подруга выпалила:

— Демоны, он меня увидел. Так, Нари, меня здесь не было.

И Алекс исчезла. Когда Стрела наконец отвязался от поклонниц и добрался до меня, я развела руками и произнесла:

— Алекс просила передать, что ее здесь не было. И даже не планировалось.

Думала, Стрела разозлится, а он — рассмеялся. Вот и пойми этих парней.

До дома я дошагала довольно быстро и, уязвленная словами Мейнхафа, засела за учебу.

Уже вечером в сумерках донесся странный звук из окна. Я насторожилась, на цыпочках подошла к подоконнику и, осторожно выглянув на улицу, потрясенно застыла.

ГЛАВА 10

Поломанный куст роз, в который я вчера выкинула обломки иголки, пел. Пел! И репертуар этого цветочного безобразия состоял исключительно из баллад о неземных чувствах. А с учетом того, что счастливо закончившаяся любовь у менестрелей была не в чести, то в конце каждой баллады кто-то из влюбленных умирал. Или оба. От неразделенных чувств, от коварства соперника, от козней врагов... Ну или хотя бы от гангрены.

Завывали розы столь пронзительно-заунывно, что я лично захотела отыскать в чулане лопату, чтобы закопать эту пакость. Но потом подумала, что некромант гораздо эффективнее и прогрессивнее примитивного ручного труда.

Тай с такой постановкой вопроса была не согласна, но, как говорится, против демократии не попрешь. А за упокоевание розового куста высказались все домочадцы единогласно, исключая юную некромантку. Она-то как раз ворчала, что демократия — это гадость и архаизм и незачем ее внедрять в прогрессивную монархическую форму правления.

Впрочем, ворчала-ворчала, а заклинание упокоения прочла. И вроде бы куст даже сдох. Как выяснилось — до утра. А с первыми лучами солнца весь квартал услышал похоронный марш. Громкий и проникновенный. Розовый куст воскрес и мстил.

Утром за завтраком собралась вся семья. И даже Вир, вернувшийся накануне в семь вечера (задержался на занятиях по единому имперскому), присутствовал. Лица всех были под стать мелодии за окном. Даже каша в тарелках была какой-то мрачной, а не просто гречневой.

— Есть идеи? — спросил дядя Моррис, когда домочадцы расправились с едой.

— Как тот, кто не понаслышке знает не только о жизни, но и о смерти, — печально и протяжно начал фамильный призрак Йоко, — могу сказать, что с тем, кого нельзя убить, нужно договариваться.

— С цветком? — изумился Генри. — У него мозгов-то нет.

— Зато неплохой музыкальный слух, — тут же возразил Чейз.

Повисла пауза. Выразительная. Цветы за окном взяли особенно высокую ноту.

— Может быть, подождем до вечера? — предложила я, подозревая, что Алекс покупала булавку у какого-нибудь адепта-старшекурсника, намудрившего с заклинанием, и остаточный эффект чар скоро развеется. Хотя... По идее, после того как я сломала булавку-амулет, закончиться должно было все и сразу.

— Хорошо, — с неохотой согласился дядя.

Мы разбежались кто куда. После занятий Вир остался в университете, а у меня был перерыв, во время которого я съездила к аптекарю. В четыре мы с альвом договорились встретиться. Остроухий, памятуя о моей версии приворота, якобы сделанного на науку экономику, настоял, что поможет мне разобраться с непонятными вопросами.

С точки зрения альва в том был резон: он еще год назад сдал экзамен по этой дисциплине в своем университете. В связи с чем был освобожден от занятий наукой, которую как вторую религию чтити цверги.

Когда я вбежала в холл, Вир уже стоял там.

— Куда пойдем? В библиотеку? — оптимистично уточнила я, оглядываясь.

— Думаю, лучше найти пустую аудиторию. Все же в читальном зале не поощряются разговоры. — Альв сказал это серьезно. Вот только в глазах его что-то на миг блеснуло.

Я насторожилась. Но вроде бы ничто не предвещало беды.

Спустя четверть часа, когда мы расположились в одной из аудиторий за партой, я услышала проникновенный вопрос:

— Ну, с чего начнем? — И, видя мое удивленное лицо, Вир добавил: — С какой темы?

— Может быть, с коммерческого предложения? А то скоро контрольная.

— Хорошо... — протянул альв. — Какие виды предложения услуг ты знаешь?

— Э... — Я изобразила усиленную работу мысли. — Прямое предложение, рекламу, тендер... Все! — Я пожала плечами и развела руками.

— Так, понятно, — вздохнул Вир, осознав, что репетиторский хлеб в моем случае будет даваться ему не просто тяжело, а мученическим, буквально рабским трудом. — А чем они хотя бы отличаются? Эти три вида.

— Ну...

Я попыталась озвучить, прикрываясь терминологией, как щитом. На самом деле я знала определения. Но экономика — не алхимия, которой я могла заниматься сутками напролет. Посему наука о доходах и расходах вызывала у меня скуку.

— Так, давай я объясню тебе на примерах. Ты узнала, что у твоей подруги Алекс есть навязчивый поклонник. Ты приходишь к ней и предлагаешь отличный яд, который быстро и эффективно избавит ее от надоеды. Это прямое предложение.

Я кивнула, хотя трактовка была оригинальной. А Вир продолжил:

— Ты узнала, что у Алекс есть навязчивый поклонник. Ты отправляешь к ней третью подругу, которая за чашкой чая нахваливает ей замечательный яд твоего производства, который отлично травит крыс, чистит ботинки и устраняет надоедливых ухажеров. Это реклама.

Я улыбнулась в кулак. Да, так экономику мне еще не преподавали.

— Ты узнала, что у Алекс появился навязчивый поклонник. Спустя пару часов к тебе на кристалл приходит вызов от самой Алекс, и она говорит примерно следующее: «Я знаю, что у тебя есть замечательные яды. Мне нужны они все!» Это уже узнаваемая торговая марка.

Я все же не выдержала и рассмеялась. Но что самое удивительное — мне действительно понравилось так заниматься экономикой. Теперь я не просто знала различия между тендером (это когда к Алекс заваливаются алхимики всем кагалом и каждый озвучивает цену за свои зелья и сроки их изготовления) и распродажей (когда, перебрав в кабаке рома, роняешь голову, а проспавшись, понимаешь, что из живых в заведении осталась ты одна)... Вир объяснял долго и вдохновенно. Часы пробили уже семь, когда он произнес:

— Осталось последнее определение.

— Какое? — удивилась я.

Казалось, мы разобрали все, даже то, что специалисты по теории имперской экономики не изучают.

— Дегустации.

— Я предложу Алекс попробовать мой яд? — Я хитро приподняла бровь.

— Угу, — согласился Вир. — А если товар недовольственный, то...

Он резко наклонился ко мне, и его губы коснулись моих. Невесомо, осторожно, лаская. Этот мимолетный поцелуй-прикосновение заставил меня вспыхнуть. А тот, кто подарил мне искру, тут же отстранился.

— Производитель демонстрирует образец, — улыбаясь, заявил альв.

Провокатор! Но в эту игру мог играть не только Вир. У меня возникла шальная мысль. А что, если альв действительно един в двух лицах и Вир — просто сдержанная маска? Даже его поцелуй — он словно контролирует себя. Порою с трудом, но все же...

— Я не успела рассмотреть демонстрационный образец, — заявила я и сама потянулась к альву.

Сняла с него очки, положила их на парту. Цель у меня была одна-единственная: сделать так, чтобы Вир перестал сдерживаться. Почувствовать, какой он настоящий, не контролирующий своих эмоций. Я хотела это узнать и боялась одновременно. Боялась того, что поцелуй станет похожим на тот, в кровати Варлока.

Губы впечатались в губы горячо, дико, отчаянно. Вир в первый миг удивился. А я... Я целовала, про себя моля его ответить. Ответить без осторожности и сдержанности. Но вместо этого Вир со стоном, борясь с самим собой, отстранился:

— Нари, не стоит, ты сводишь меня с ума.

— Ты не выглядишь ненормальным. — Я хватала ртом воздух словно рыба, выброшенная на берег.

— Провокаторша! — с какой-то мучительной яростью выдохнул альв. — Я тоже не из стали.

Его рот впился в мой. Язык альва вторгся, клеймил, беря в рабство мои мысли, даря наслаждение. Я горела. Не свечой. Пожаром. Плавилась в его объятиях, превращаясь в пепел и снова воскресая.

Одна его рука оказалась на моем затылке, пальцы, ласкавшие кожу, медленно сжали волосы, оттянув их назад, заставляя чуть откинуть голову. Поцелуи Вира начали спускаться ниже: подбородок, шея, впадинка меж ключиц, где моя тонкая розовая кожа оказалась удивительно чувствительной.

Вторая рука альва между тем скользнула на грудь. Две дюжины мелких пуговичек, на застегивание которых я убила больше четверти часа, под ловкими пальцами Вира сдались меньше чем за минуту. Я почувствовала его чуть шершавые пальцы на своей груди. Они дотронулись до затвердевших полушарий. А потом там же оказались и губы альва. Он чуть прикусил напряженный сосок, из моего горла сам собой вырвался глухой стон.

Руки Вира переместились ниже. Я ощутила, как меня подхватили под бедра. В следующую секунду я оказалась у него на коленях. А его губы — вновь на моих губах.

Я тонула. В его прикосновениях, поцелуях, своих ощущениях. В моих жилах сейчас бежали неразбавленный адреналин и желание. Сердце с силой билось о грудную клетку, а единственное слово, которое хотелось произносить, — его имя.

— Ви-и-ир, — протяжно выдохнула я, выгибаясь от очередной его ласки.

Альв вздрогнул от этого тихого стоны и будто сорвался. Больше не было и намека на мягкость и нежность. Ураган яростный, жесткий, на грани жестокости. Меня целовали бешено, так, что я не помнила себя. Лишь его.

— Нари... — хрипло выдохнул альв.

Одурманенная его ласками, губами, прикосновениями, его запахом и нашим общим желанием, я даже не поняла, почувствовала: если не скажу «нет» сейчас, то дальше Вир просто не сможет остановиться. Или я не смогу. Но дело даже не в этом, а в том, что я хотела продолжения. Хотела его губ, рук. Всего его. Так же, как тогда, когда Варлок держал меня в своих объятиях и мы парили над городом.

Хотела узнать, похож ли поцелуй Вира, настоящего Вира, который не сдерживается, на поцелуй Варлока? Что ж, узнала. Да, похож. Но отчасти.

Но вот то, что абсолютно идентично, — это моя реакция, то, как отзывалось мое тело на их губы и ласки. Точнее, его губы и его ласки.

От осознания последнего я вздрогнула и резко открыла глаза. Отстранилась, словно очнувшись от наваждения, уперлась руками в грудь Вира.

Сердце выстукивало дикий, рваный, как музыка на тамтамах первобытных племен, ритм.

Меня словно штормовой волной смело с коленей альва. Я лихорадочно запахла вырез платья, готовая рвануть прочь из аудитории.

— Нари. — Вир смотрел на меня. Его зрачки были расширены, заполнив чернотой радужку глаз. Сильная жилистая рука схватила мое запястье. — Постой! Ты куда?

В этой короткой фразе переплелись воедино непонимание, отчаяние, ярость и еще что-то, чему я не могла дать точного определения. Что-то идущее из самой глубины души Вира.

Мы смотрели в глаза друг другу. Пристально.

Страх. Отчаяние. Вот что я испытывала. Я боялась не Вира. Себя. Понимая, что, кажется, попала.

Выврав руку, схватила сумку и выбежала из аудитории. Коридор. Поворот. Еще один поворот. Лестница. Чулан с открытой дверью... В нем-то я и привела в порядок платье. Жаль, не мысли. Последние никак не хотели занять положенные им места и шествовать в голове чинным строем. Метались, как переполошившиеся погорельцы.

Думай, Нари, думай. Не пори горячку. Вир — это Варлок? Да, они в чем-то похожи. Ну, кроме того, что оба альвы. Одинаково целуются? Похоже, но не совсем. Может, мужчины, охваченные желанием, вообще очень похожи? Опыта-то в этом деле у меня, как у учебника теории магического права: если и имеется, то только книжный, философский и практикой не подкрепленный. Зато у Алекс...

Домыслить я не успела. Дверь чулана распахнулась. Вир нашел меня. Догнал. И сейчас стоял на пороге злой и решительный.

— Нари, демон возьми, объясни мне, что случилось? Что я сделал не так? Почему ты сбежала?

— Я испугалась, — ответила я. Порою стоит быть честным если не с другими, то хотя бы с самой собой.

— Я же тебя просто поцеловал.

— Поцеловал? Проклятие! Да так не целуются, так невинности лишают.

Я вспомнила свое состояние, когда была готова на все в его руках. А он «просто поцеловал»?! Страх стремительно уступал место злости.

Но Вир понял мои слова по-своему:

— Ты думала, что я воспользуюсь ситуацией? Тобой? Нари, за мной много грехов, но я не насильник, — отчеканил он холодно и зло. И его интонация никак не вязалась со взглядом, в котором бушевал шторм.

Я смотрела на лицо, на котором сейчас не было очков. Правильные аристократические черты, волевой подбородок, высокий лоб. Упрямец. Такой же, как и я, если не больше. Хотя почему «если»? Наверняка.

И сейчас я оскорбила этого гордеца. Сильно. Всего-то надо ответить «да, подумала». И он наверняка съедет из дома, а то и вовсе исчезнет из моей жизни, которая вновь станет безопасной и тихой. Или уже нет? Всего два слова. Простое решение, цена которому — мое разбитое сердце.

А если Вир все же не Варлок? Вдруг это лишь плод моей фантазии? Но главное — я не хотела терять альва.

— Прости. — Я сделала шаг вперед. — Просто все случилось слишком быстро и...

Я оказалась в объятиях. Крепких, теплых и удивительно нежных. Его сердце стучало гулко, а мне впервые за долгое время было спокойно и надежно. Будто меня укрыли от всех проблем и забот.

— И ты меня прости. Я не ожидал такой реакции. Ты убежала от меня, как будто я собрался... — Вир осекся. И, словно его осенило, он взял меня за плечи, чуть отстранился и внимательно заглянул мне в лицо: — Или кто-то уже пытался против твоей воли...

Вспомнив Варлока и произошедшее в его комнате, я выпалила:

— Нет!

М-да... Слишком быстро. Перебила альва, не дав договорить.

Вир посмотрел на меня испытующе, но, видя мои решительно сжатые губы, больше ничего не сказал. Просто обнял. Еще нежнее, еще бережнее.

— Пойдем домой? — спустя некоторое время спросил он.

Я кивнула. По дороге мы ничего не говорили друг другу. Но наше молчание... Оно было очень

личным, объединяющим сильнее, чем самые жаркие ночи. Уже у порога альв повернулся ко мне:

— Нари, я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы ты больше никогда от меня не сбегала.

И почему-то мне показалось, что за этой фразой стоит нечто гораздо большее, чем то, что случилось сегодня в аудитории. Я улыбнулась в ответ, про себя решив до конца разобраться в том, кто же такой этот альв. И созвучно моим мыслям Вир, склонившись, выдохнул мне в губы:

— Нари... Ты моя загадка, моя любимая головоломка, которую я очень хочу разгадать.

Взгляды пересеклись. «Попробуй», — говорил мой. «Непременно», — отвечал его.

Впрочем, у такой безмолвной дуэли был еще один большой плюс: я окончательно успокоилась и домой вошла если не умиротворенная, то уже не взрывоопасная.

Но только мой покой длился ровно четверть минуты.

Когда я стояла в холле, а Вир уже поднимался по лестнице к себе, в дверь позвонили. Крик Генри: «Не открывай, это она!» застал меня ровно в тот момент, когда я уже начала отпирать замок. И зачем я только не послушалась кузена?

В прихожую ворвался ураган. Весил он под двести фунтов, орал так, что у меня были все шансы получить контузию. Или оказаться размазанной ровным слоем по стене звуковой волной. И второе — предпочтительнее. По крайней мере тогда я точно не услышала бы проклятий, изрыгаемых соседкой.

Глядя на то, как троллиха кипит праведным гневом, я поняла — вот он, залог победы в любой войне, причина удачного штурма самой неприступной цитадели. Не слова полководца вдохновляют на бой, не громкие красивые лозунги или жажда наживы. Нет, любая мотивация и рядом не валялась с обычной злостью. Злость — это то, что заставляет презреть опасность, походя перемахнуть через самую высокую преграду, сражаться, когда другие обессилели и готовы сдохнуть, вгрызться зубами в горло вооруженного врага и победить. Все это обычная, элементарная, простая, очень сильная злость.

Именно такой ныне полыхала соседка.

— Вы! Сволочи, гребаная семейка чернокнижников! Что вы сделали с моими розами?

Словно поясняя ее слова, с улицы грянуло:

Мой вервольф жандармом служит. Длинный жезл у него. Говорит, что с ним гуляет, А сам кобелит с Марго.

Голос роз, весьма мелодичный, сочетался с текстом похабной частушки так же органично, как если бы на арфе попытались сыграть военный марш. Не сказать, чтобы совсем не выходило, но результат был весьма оригинальным. Едва отзвучал первый куплет, как за ним послышался второй. Вот только узнать, чем кончилось дело у перевертыша с его возлюбленной, я так и не смогла, потому что вновь раздался крик троллихи:

— Что вы, гады чернокнижные, сотворили с моими цветочками?

— Вообще-то мы пытались с ними договориться. — Генри храбро высунул голову из-за угла. — Как и советовал Йоко.

Соседка от такого признания слегка опешила, а я, воспользовавшись тишиной, поспешила уточнить:

— И как именно вы с ним договорились?

— Дали взятку: напоили остатками рома... — признался Генри.

Видимо, близнецы руководствовались принципом: с тем, с кем нельзя поговорить, всегда можно вместе распить кружечку рома. Других, хотя бы относительно логических объяснений произошедшему у меня не было.

— Они еще и спаивают мои розы! — завопила соседка.

Именно этот момент выбрал жандарм, чтобы постучать в нашу дверь. Зря.

Блюстителю правопорядка просто хотел сделать замечание владельцам куста, нарушавшего покой честных граждан. А поскольку оный безобразничал под окнами семейства Россов — то нам. Но как только жандарм заикнулся об «устранении» и намекнул, что в противном случае куст нужно будет срубить. Демон все побери! Троллиха в ярости — это мощно. Порвать голыми руками сдерживающий аркан жандарма, поставить ему фингал и спустить с лестницы... Теперь я понимаю, почему люди, эльфы, вервольфы и цверги предпочитали не воевать с троллями, а договариваться миром. Мало того что магия на них практически не действует, так и силушкой природа не обделила.

Но там, где потерпели поражение чары и дубина, справился хлороформ, которым плеснули в разошедшуюся троллиху. И ведь сработало же! Вот только откуда Вир, сбегавший за чудесной жидкостью к себе в комнату, об этом знал? Он так уверенно вылил сонный эфир на соседку, как будто не раз проворачивал подобное.

Троллиха осела. Прямо на жандарма, решившего пойти на повторный штурм нашего крыльца. В итоге пришлось спасать уже его. Из-под завала сладко посапывающей соседки. В участок смотрящую счастливые сны дебоширку отправляли уже поздним вечером. Я сама, нанюхавшись паров, непрестанно зевала, но организм, закаленный и не такой алхимической пакостью, не сдавался.

— Нари, ты едва на ногах держишься, — заметив мое состояние, категорично заявил Вир. — Иди спать.

— А куст... — протянула я, едва сдерживая зевок.

— Я с ним разберусь.

— Хорошо... — согласилась я.

Сил выяснять, как именно разберется, да и вообще что-то говорить не было. Я пошла к себе и просто упала на кровать. Но провалиться в мир грез мешали сомнения. Они терзали меня.

Рука сама собой потянулась к амулету связи. Алекс. Едва увидела проекцию подруги, как задала вопрос в лоб:

— Разные мужчины при одинаковых обстоятельствах целуются по-разному или одинаково?

— Могут и похоже, а могут и по-разному. А ты с какой целью интересуешься? — прозорливо уточнила подруга. Голос у нее, в отличие от моего, был до безобразия бодрым.

— С эмпирической! Исследование пишу, — фыркнула я.

И тут же зевнула. Все-таки сонный эфир — зло. Но, как говорится, в борьбе с еще большим злом оно эффективнее, чем самое прекрасное добро.

— Если для дипломной, то тут теорией не обойтись, придется и в практической части лично участвовать, — хихикнула Алекс и, глядя на мой мрачный вид, потребовала: — Рассказывай!

А вот этого мне делать крайне не хотелось. Я, решив потянуть время, пробормотала:

— Я на ходу засыпаю... — И широко зевнула.

— Значит, клюя носом, ты как бы между прочим решила узнать, одинаково ли целуются разные парни? — тоном «если не расскажешь сама, я все равно выпытаю из тебя правду» осведомилась Алекс.

Подозреваю, что при подобных «пытках» костер инквизиции покажется мне приятным курортом.

— Давай завтра, — ушла я от прямого ответа.

— Хо-ро-шо, — по слогам отчеканила подруга и отключилась.

Обиделась. Но работать дворником и цирюльником одновременно, в смысле заметать следы и пудрить мозги, у меня сейчас сил не было. А говорить правду — желания. Категорически не было.

Я отложила кристалл и уставилась в потолок. Может, Алекс действительно права? Вир и Варлок вполне могли быть разными альвами. Или одним, но с раздвоением личности? А вдруг

это у меня случилось легкое помешательство на почве подозрительности и влюбленности разом?

Из размышлений меня вырвала мелодия кристалла. Алекс не дождалась завтра. Хотя... Я глянула на настенные хроносы. Нет, как раз дождалась: новый день только что начал свой бег. На циферблате большая стрелка стояла на двенадцати, а малая — на одной минуте. Я мысленно застонала, уже зная, что из меня сейчас будут вытряхивать душу. Пришлось принимать вызов и расплывчато объяснять подруге, что, дескать, я подозреваю, что один адепт не тот, за кого себя выдает.

— Ну и кто он? Этот таинственный эйр Икс?

— Алекс, если я скажу тебе сейчас, то, возможно, обижу подозрениями хорошего человека.

— А если не скажешь, то вгонишь в депрессию и, возможно, подтолкнешь к суициду хорошую меня, — тут же парировала подруга.

Но я молчала, как маройский партизан на допросе у Темного Властелина.

— Не хочешь, не говори. Тогда и не услышишь от меня совет, как можно вывести этого лицедея на чистую воду.

— И как же? — ничуть не смутилась я.

— Эликсир истинной сути. Всего пара капель, и любой актер забудет о своей роли. Будет вести себя так, как привык в жизни, — произнесла Алекс, словно декламируя слоган какой-нибудь известной торговой марки.

— Угу. Другой вопрос, как заставить его это выпить.

— Если ты все же скажешь мне его имя, то проблема отпадет сама собой. Я ему просто улыбнусь, и он возьмет из моих рук хоть яд.

На такое самонадеянное заявление Алекс я лишь усмехнулась. Что-то мне подсказывало, что с Виром трюк «оскал в тридцать две жемчужины» не сработает.

Проговорили мы почти час. Я так и отрубилась с кристаллом в руках, кажется, даже заснув на полуслове.

Утро началось с тишины. Умиротворенной, ласкающей, безмятежной. И потому — крайне подозрительной. Я вскочила с постели и подбежала к окну. Розы. Они были. И они молчали. Совсем. Вели себя абсолютно прилично. Это настораживало вдвойне.

Меня разбирало любопытство, и я едва дождалась, когда Вир спустится вниз к завтраку. Гипнотизируя взглядом то хроносы, то лестницу, чуть не пропустила появление альва. Глядя на то, как легко он сбегает по ступенькам, я еще раз поймала себя на мысли, что у него слишком подтянутое тело. Ни капли лишнего жира. Мышцы и сухожилия. Уверенные, точные и плавные движения. Никакой сутулости. Я видела перед собой не ученого, а воина.

Прикусила изнутри щеку: моя личная шизофрения опять разошлась. У меня нет ни одного прямого доказательства, что Вир — это Варлок. Зато обратных — куча. К тому же, может, Алекс и права: от эликсира истинной сути нет антидотов. Главное, подлить его альву незаметно. Скажем, за ужином. Вот только сегодня никак не получится. Впрочем, как и завтра. Готовить эту пакость надо четыре дня.

— Доброе утро! — бодро, просто вызываяще бодро поздоровался он.

Нет, нельзя так широко улыбаться в столь ранний час, когда у многих еще идет титанический бой с притяжением одеяла и подушки.

— Как тебе удалось их утихомирить? — без лишних пояснений спросила я.

И Вир все понял. Он сглотнул и хрипло произнес:

— Никак. Я просто выкопал старый куст и посадил новый, точно такой же.

— А куда дел старый?

— Выкинул на свалку...

Как говорится, все гениальное — просто. На ум сразу же пришла еще пара изречений народной мудрости. Например, упорство и труд — до гроба доведут, учеба и любовь — выпьют всю кровь, а утренняя глупость непременно должна рождать дневную тупость.

Я быстро привела себя в порядок и отправилась в университет. У Вира сегодня занятия были только вечером — экзамен он уже сдал, а единый имперский начинался с четырех. Поэтому он до обеда подождет меня в библиотеке, а потом мы вместе сходим к куратору нашего диплома.

Полдня пролетело быстро.

После обеда Алекс, скривившись, сообщила, что сегодня она наказана. Отец вчера был не в духе, как и всю последнюю неделю, а она попала под горячую руку. Ей влетело за слишком короткое платье. Хотя до этого она в подобных уже ходила — и ничего.

«Видимо, опять что-нибудь не так на работе», — выразилась подруга. Я же не раз могла убедиться, что характер у эйра Лейрина суровый, властный и бескомпромиссный. А значит, подруге придется пару дней изображать полное послушание.

Я направилась в библиотеку, где меня ждал Вир, засевший за манускриптами и фолиантами.

— Ну как? Пойдем? — Я вопросительно кивнула на стопку книг.

— Сейчас, уравнение допишу только...

Я не удержалась и заглянула ему через плечо.

— Ты здесь поправочный расовый коэффициент забыл, — не смогла удержаться я и ткнула пальцем.

— Да? — Альв поднял на меня взгляд. — Хм... — Он заглянул в книгу. — Тут его нет, — мягко возразил он.

— Потому что формула рассчитана на взрослого человека. Ульрик фон Борн вообще писал все, оперируя исключительно человеческими мерками. — И, глядя на удивленно вскинувшего брови альва, пояснила: — Он был жутким расистом. А на колонтитуле страницы над текстом его имя.

— Не знал... — потер висок Вир.

Его простое признание изумило уже меня. Уравнение, которое он выбрал, было совсем непростым. И, судя по всему, Вир неплохо разбирался в теме. Но при этом... Я бы вела запись иначе.

— Я же уже говорил, что на моей родине алхимия не в большом почете. Ее преподают слегка иначе, — улыбнулся он, но за пояснение поблагодарил и коэффициент записал.

А вот встреча с куратором вышла странной. Брендона То Морриса я знала по курсу лекций, которые он читал нам на втором году обучения. Магистр напоминал мне лед: абсолютно белые волосы, всегда кипенно-белый, без единой складочки лабораторный халат, прямая спина, подтянутая фигура, острый взгляд и холод, который сквозил во всем. В интонации, в скупых выверенных жестах, в отношении к адептам. Педант до мозга костей, от принципиальности которого порою выли не только адепты, но даже ректор.

Единственное, что выбивалось из образа идеальной ледышки, — это цвет глаз. Они были красными. Абсолютно. Именно таким, багровым, полным презрения взглядом нас и смерил То Моррис, когда мы вошли к нему в кабинет.

— Значит, мои дипломники, — с расстановкой произнес он.

Вот только почему мне отчетливо слышалось продолжение его фразы: «Жаль, весьма жаль, что получше ничего не нашлось»?

— Да, — убийственно спокойно произнес Вир.

Такой интонации от него я еще не слышала. На миг даже подумалось, что неизвестно, кто из этих двоих еще большая ледышка и эйр «сама невозмутимость».

Куратор тоже оценил и посмотрел на альва уже куда пристальнее. М-да. Эти двое либо идеально сойдутся характерами, либо будет война до последнего реактива и разбитой

мензурки.

— К следующей неделе подготовьте подробный план теоретической части диплома. Могу вам показать образцы и выдать несколько пособий для ознакомления по теме измененной крови... Тогда и поговорим предметно. Что до практики, то ее обсудим, как только вы не будете плавать в вопросе. — При этом куратор пристально взглянул на меня.

У-у-у, наверняка вспомнил, как я ему сдавала зачет, старательно изображая фрагментарную амнезию и вообще провалы в памяти, хотя тот билет знала преотлично.

От куратора я вышла слегка уставшей. Звонок оповестил, что альву пора спешить на лекцию. А я пошла домой. В кои-то веки не торопясь, не думая напряженно о чем-то, а просто наслаждаясь ясным прохладным осенним вечером. Уже поворачивая к дому, я услышала крик мальчишки, что на перекрестке продавал новостные листки:

— Сенсация! Сенсация! На городской свалке обнаружены поющие священные гимны розы! Жрецы уже объявили растение даром двуединой силы.

Я чуть не споткнулась. Но медьку на новостной листок потратила и смогла узнать в подробностях, что гимны — это псалмы пресвятой Иоганны. Она до обращения в веру была знаменита своими вольными нравами в любви, пока не встретила дракона, который стал ее единственным. Ознакомившись со статьей, я усмехнулась. Розовый куст не изменил своей теме любви, но приспособился к суровой вольной жизни лучше многих проходимцев. Вон даже одного из лучших мест в оранжерее центрального столичного храма удостоился. Главное, чтобы он там матерных частушек петь не стал. А так, вполне возможно, проживет свою сытую кустовую жизнь на храмовых хлебах. В смысле почвах.

Уже хотела свернуть листок, радуясь тому, что соседка этого не увидит — она все еще не вернулась из участка, а завтра про «новость дня» все уже забудут, — как заметила еще одну статью. «Пропал артефактор Ленрок Тром». Под заголовком шла краткая информация о том, что накануне вечером исчез выдающийся маг — создатель артефактов абсолютной памяти, способных принимать и хранить в своем ядре информацию, которая была записана на скрижалях. Даже если те находились на достаточном удалении от «накопителя».

Я как раз успела дочитать заметку, когда дошла до крыльца. И едва не получила в лоб дверь: Тай выскочила из дома, крикнув куда-то вглубь холла:

— Я к Надине!

Кузина уже было рванула мимо меня, но краем глаза узрела новостной листок.

— О, дашь? — Она выхватила его из моих рук. — А то Тами сказала, что сегодня в нем занятая статья про свалку.

Рыжий вихрь унесся прочь, а я вспомнила, что до возвращения Вира не так много времени. Надо успеть сварить первую часть многокомпонентного зелья истинной сути.

Я колдовала над котелком у себя в комнате три часа, пока не вернулся альв. Сегодня он был уставший и почти сразу пошел к себе спать. Знала бы — так не торопилась бы.

Ночь подкралась мягко и незаметно, а вместе с ней и сон. И вот странность: после того случая, когда из кошмара меня выдернул Вир, они ко мне больше не приходили.

ГЛАВА 11

Последующие три дня были на удивление тихими и спокойными. К моей огромной радости, Варлока я встречала только в сетованиях Алекс, которая никак не могла его поймать. Видимо, этот чемпион был не просто везучим, а поцелованным богиней Удачи в лоб. Раз двадцать. Потому как только высшие силы могли помешать подруге в ее «охоте на идеального парня».

Поначалу я нервничала, подспудно ожидая, что столкнусь с Варлоком. Но нет. То ли альв понял, что, лишившись предмета шантажа, проиграл. То ли готовил грандиозную месть. Хотелось первого, но верилось во второе.

Не заметила, как настал день бала. Хотя сие мероприятие так громко именовалось только на афишах университета.

Нервничала ли я? Немного. Хотя кого я обманываю? Нервничала. И еще как. Не только потому, что сегодня моим спутником станет Вир. Зелье истинной сути. Оно было готово. Целый флакон. Хотя нужно-то всего пару капель...

Вопрос, куда спрятать склянку с эликсиром, если ты в вечернем платье, перед настоящим алхимиком никогда не вставал. Широкий браслет, что украшал запястье, был не просто безделицей. Артефакт с пространственным карманом. Жаль, что у подобных браслетов был один минус: их нельзя было использовать в качестве дамской сумочки, поскольку артефакт сам выбирал, что он явит на свет. И если там была одна вещь или несколько абсолютно одинаковых, то проблем не возникало. А вот если множество разных, то нужная находилась обязательно последней.

Я посмотрела на себя в зеркало. Распущенные светлые локоны струились по обнаженным плечам. Изумрудно-зеленое платье изумительно подчеркивало фигуру, не стесняло движений. Легкая шелковая ткань стекала по телу, словно морская волна, обнимала бедра, волновалась, расходясь многослойными лепестками у колен. А по подолу порхали золотые бабочки, то отделяясь от ткани, то вновь садясь на нее, как на цветок, и замирая рисунком.

Босоножки на острой шпильке в тон (тоже подарок Алекс, от которого я так старательно отказывалась неделю назад) дополняли образ.

Я улыбнулась своему отражению, провела нежно-розовой помадой по губам. Раздался осторожный стук в дверь. Вир. Домашние обычно не деликатничают. А Тай и вовсе не обременяет себя такой мелочью, как этикет, а сразу влетает на всех парах.

— Да?

Дверь отворилась, и на пороге появился Вир. Я замерла на миг, забыв, как дышать. Безупречный костюм, безупречные манеры, безупречный альв. Сердце пропустило удар.

Именно сейчас, такой непохожий на Варлока, который прочно у меня ассоциировался с ураганом, Вир напоминал мне его больше всего. Взглядом. Уверенным и пристальным. И не важно, что тот был за стеклами очков.

— Перед вечером я решил сделать тебе небольшой подарок. — С этими словами Вир шагнул в комнату и протянул мне футляр.

Я открыла его и застыла. Два небольших кулона лежали на бархатной подушке. В центре каждого из них — небольшой бриллиант. Мужской и женский. Что это такое, объяснить было не нужно. «Созвездие душ» — так их звали в народе — парные амулеты, которые дарили любимым.

— Не хочу терять тебя. Никогда, — серьезно сказал Вир. Без торжественности и помпы, с которыми обычно должны преподносить столь ценные украшения.

Я ничего не ответила. Просто протянула руку, зная, что будет дальше. Всего капля крови, чтобы активировать камень. Я даже не заметила укола, а следа на подушечке пальца и вовсе не было. Зато камень вмиг окрасился в багровый, стал напоминать рубин. Альв надел этот амулет себе на шею. А затем то же самое Вир проделал и с другим камнем, который был чуть меньше по размеру, обагвив его своей кровью. Потом осторожно надел мне на шею. Его пальцы на миг замерли, прикоснувшись к коже.

Кулон-капелька, свисающая на тонкой цепочке, оказалась лежащей чуть ниже впадинки между ключицами. В лучах осеннего солнца она заискрилась. Вот так. Без слов альв рассказал

мне о многом.

— Идем. — Вир предложил мне руку.

На улице нас уже ждал магомобиль. Неугомонная Алекс не могла усидеть на месте. От нетерпения она аж подпрыгивала на переднем сиденье рядом с водителем.

— Ну же, копуши!

Заставлять ее ждать было равносильно самоубийству, посему я поспешила занять свое место. До университета доехали быстро. А вот когда я вошла в зал университета...

Сегодня магистры постарались. Мы словно оказались в гигантском гроте, по стенам которого вился плющ. Паркет исчез, превратившись в водную гладь. Впрочем, стал таковой только на вид, а на деле не утратил ни своей твердости, ни прочности. Но теперь от каждого шага по нему расходились круги. Когда зазвучит музыка и пары сойдутся в танце, пол будет напоминать бушующий океан. Потолок над нами исчез, вместо него было бескрайнее звездное небо, на котором нет-нет да и пролетали кометы, оставляя хвостатые росчерки. Иллюзорные метеориты то и дело падали вниз, чтобы взорваться яркими вспышками искр над головами гостей.

У стен располагались столы с закусками и фонтаны, над которыми сияли радуги. Неспешная музыка звучала в зале, в котором уже собралась большая часть адептов. Яркие наряды девушек переливались огнями. Причем не фигурально. Подолы некоторых платьев полыхали языками пламени, лифы других украшали узоры инея и снежная дымка, а на руке одной красавицы я даже увидела живую змею.

Парни были более консервативны, отдав предпочтение костюмам.

Едва мы вошли, Алекс тут же уплыла в центр зала. Яркая рыбка... А на деле — акула, выискивающая свою жертву. Я нервно огляделась по сторонам, но Варлока нигде не было.

— Кого-то ищешь? — чуть наклонившись, прошептал Вир.

— Нет, просто смотрю, нет ли где поблизости неприятностей.

— А они должны быть? — серьезно спросил альв.

— Искренне надеюсь, что нет, — сказала я и посмотрела на большую чашу с пуншем.

Вот где легко растворится пара капель зелья истинной сути! Увы, альв стоял рядом, не собираясь отходить от меня ни на шаг. Ну ничего, вечер только начался.

Все, и адепты и преподаватели, знали, что сдержанность и некоторая чопорность, что присуща балам, — только прелюдия. Торжественная вступительная речь ректора, наставления магистров, посвящение первокурсников — за пять лет в этом не было ничего нового. Как и в пафосной фразе: «Да начнется бал!»

Заиграла музыка, медленная и неторопливая, а я, шепнув на ухо Виру, что мне нужно припудрить носик, оставила его одного. Пошла в сторону выхода, вот только в последний момент свернула и, петляя зигзагами между пар, подобралась к столу, на котором стояла заветная чаша с пуншем и подносы с бокалами.

Мгновение — и в моей руке оказался бутылек с эликсиром. Всего три капли на стакан...

— Какая неожиданная встреча. — Насмешливый голос, раздавшийся сзади, заставил резко обернуться, пряча за спиной открытый флакон с зельем.

Демонов Варлок, чтоб ему пусто было! И где только Алекс ходит? Почему ее жертва разгуливает тут без присмотра?

— Значит, ты выбрала ботаника... — не дождавшись моего ответа, произнес Варлок.

— Да, его, — ответила я без тени улыбки, между тем стараясь аккуратно закрыть флакон и убрать его.

Но вот чего не ожидала — так это бесцеремонности, с которой альв взял меня за руку. Ту самую, которая держала зелье.

Бутылек наклонился и враз стал легче. Я чуть не взвыла. Сволочь. Труд четырех ночей насмарку!

— Почему? — нахмурился Варлок.

Похоже не на вопрос, а на требование!

— Потому что ты не можешь всем нравиться. Не у всех, знаешь ли, хороший вкус, — не удержалась я от сарказма, отдернув руку.

— Ты что-то прячешь за спиной? — вдруг насторожился Варлок.

Это не альв, а вервольф какой-то! Во всяком случае, нюх у него отменный.

— С чего бы? — Я изумилась вполне натурально. И даже отошла в сторону. Мол, ничего за моей спиной нет такого.

Но Варлок не смотрел на стол, лишь на меня.

— Видишь, ничего нет. — Я развела руки в стороны. Пустые руки.

— Знаешь, я даже завидую ботанику. У него получилось то, что не удалось мне: прийти на бал с девушкой, которая нравится. — И тут его взгляд остановился на моем кулоне.

— Ах вот ты где! А я тебя везде ищу! — Радостный возглас Алекс словно разрезал натянутую до предела струну между мной и альвом.

Подруга вихрем подлетела ко мне, а потом, будто только что заметив остроухого, воскликнула:

— О, привет, Варлок! — И подарила остроухому одну из своих самых очаровательных и многообещающих улыбок.

— Добрый вечер, — холодно ответил тот и повернулся к Алекс спиной, всем своим видом показав, что более разговаривать с ней не намерен, а хочет вернуться к беседе со мной.

Подруга на миг скривилась: не привыкла, чтобы ее отшивали. Но она была бы не она, если бы даже такую ситуацию не обернула в свою пользу.

— Вечер действительно добрый, а вот ты, похоже, не очень. Но я знаю, как это исправить... — проворковала Алекс и украдкой стрельнула в меня мимолетным взглядом, значение которого трактовалось однозначно: «А с тобой, Нари, мы об этом еще поговорим».

Алекс тут же клещом впилась в руку Варлока, как в переносном, так и в прямом смысле перетянув его внимание на себя, и зашебетала:

— А ведь я еще не поблагодарила тебя! Помнишь, на стадионе неделю назад, когда ты играл с северянами и тот медведь-перевертыш пробил барьер... Ты ведь меня спас. Нари и меня, — последнее слово она выделила особо.

Алекс могла быть обворожительной, милой, трогательной, беззащитной. Но хватка у нее всегда была бульдожья. А еще она умела игнорировать. Вот как сейчас. Просто сделала вид, что не заметила отстраненного «добрый вечер», упорно продолжала сокращать дистанцию, перейдя на «ты»: «помнишь», «играл», «спас». И выбрала именно такой эпизод, яркий, эмоциональный, чтобы Варлок не смог изобразить амнезию и не вспомнить.

Но альв был непрошибаемый. Совершенно.

— Я не хотел вас спасать. Случайно получилось. — В его словах слышалась неприкрытая издевка.

Впрочем, не только в словах. Как Алекс ни пыталась ненавязчиво отбуксировать альва подальше, он стоял на месте, словно корни пустил. Ну, зато я здесь прорасть не собиралась. Пока Варлок ловко отбивается от Алекс, самое время исчезнуть.

— Меня, наверное, Вир заждался... — Я бросила быстрый взгляд на стол. Ни пятнышка. А это значит... — Принесу ему, пожалуй, пунша.

Я наполнила два бокала и, подхватив их, поспешила удалиться. Пробираясь сквозь толпу, думала сразу о трех вещах: не уронить бокалы, самой не пить, убраться с бала поскорее. Ведь раз на столе нет следов зелья, значит, все оно попало в чашу с пуншем. Ну или почти все:

флакон, который в последний момент удалось спрятать в браслет, судя по весу, был пустой.

Когда я добралась до того места, где должен был ждать Вир, то его там не оказалось. Ну вот так всегда: стоит оставить приличного парня без присмотра, приходишь — ни парня, ни приличий... Только я. Стою тут одна, как самая умная и красивая, с двумя бокалами, которые так старательно несла. Прямо как святые отцы древности — добро. В смысле старалась не расплескать по дороге.

Спустя минуту я уже искренне сожалела, что сетовала на одиночество. Лучше бы и дальше стояла себе, как громоотвод посреди деревни: гордо и отрешенно. Но, увы, видимо, я сетовала слишком громко, еще и святых отцов приплела. Вот небеса и услышали. И ниспослали Варлока, который медленно, но верно шел ко мне.

У меня возник только один вопрос: как он сумел так быстро избавиться от Алекс? А то, что ее не было в радиусе пары десятков ярдов, совершенно точно. Впрочем, не одна Алекс положила глаз на чемпиона. Эти самые глаза можно было прямо-таки ведрами собирать. И складировать. Штабелями. Половина адептов, если не больше, жаждали внимания альва. Но, кроме Алекс, никто не смог к нему подобраться. Не сказать чтобы не пытался. Но не смог. А жаль.

Вариант улизнуть был заманчивым. Но тогда я буду бегать от него и дальше весь вечер. К тому же если Вир и Варлок — разные альвы, то у меня есть отличный шанс убедиться в этом без всяких зелий. Когда они окажутся рядом. Оба.

Я широко улыбнулась приближающемуся альву. Он на миг даже замедлил шаг. Ну да, радушная Наря — явление настораживающее. Радушная по отношению к врагу — не просто настораживающее, но и нервнующее.

— Мы так и не договорили, — произнес Варлок. — Кстати, а где же твой книжный червь?

— В библиотеке, — процедила я и едко добавила: — Книжные черви обитают исключительно в библиотеке, где едят фолианты, манускрипты, гремуары. А Вир тут. Просто он отошел и скоро вернется.

— Ну-ну...

— Сомневаешься? — прищурилась я, доходя до точки кипения в считанные секунды.

Еще немного, и я наплюю на то, что пунш в моем бокале нужно вообще-то пить, а не выплескивать в лицо.

— Не знаю, стоит ли сомневаться, — провокационно усмехнулся Варлок. — А вот в чем я точно уверен, так это в том, что тебя от плохого настроения стоит лечить плохим поведением.

Я подумала: а не плюнуть ли ему на ботинок? Ведь он не уточнил, чье именно поведение должно быть плохим и насколько. Но вслух произнесла иное:

— И, как я понимаю, в качестве лекаря ты предлагаешь свою кандидатуру? — Я чуть склонила голову набок, словно рассматривая товар.

— А я тебе нравлюсь? — вместо ответа без обиняков спросил Варлок.

— Настолько, что хочется тебя убить, — не задумываясь, ответила я.

— Значит, нравлюсь, — усмехнулся этот гад.

— Если скажу, что нравишься, ты уйдешь? Твое уязвленное эго успокоится? — тоном, который подходил больше для смертельных проклятий, произнесла я.

— Не могу обещать, но попробуй.

— Хорошо. Ты мне небезразличен, — сказала я, не соврав ни единого слова.

Ведь жгучая ненависть — отнюдь не равнодушие.

— А теперь потанцуй со мной. И я уйду. И даже обещаю, что не буду портить романтический вечер тебе и твоему дружку, — нагло заявил Варлок.

— Мы с тобой даже чай за одним столом не пили, а тут сразу целый танец... — Я покачала

головой, не в силах удержаться от ехидства.

А память не к месту тут же подкинула картину, где мы с альвом в его комнате. Причем не только целуемся.

— Если для тебя так важны старомодные фазы ухаживаний, то не проблема. Чая нет, пусть будет вино.

Варлок нахально взял из моих рук один из бокалов, и, пока я стояла, изображая прижизненную статую самой себе, с мелодичным хрустальным звоном коснулся им о другой.

Ух ты, как кстати... Такого случая я упустить не могла. Вира еще надо найти. Отловить и напоить. А тут... Варлок сам готов проглотить зелье. И если это один и тот же альв, то какая, к демонам, разница, в чьем обличье он это сделает?

— Смотрю, ты готов на многое ради победы... — выговорила я, стараясь не выдать радости в голосе.

— Нет. Нари, не на многое. Я просто никогда не сдаюсь.

— Тогда... За истину, — провозгласила я.

Тост получился кратким и странным. Но я подала пример, поднеся бокал к губам.

Мы пристально следили друг за другом. Переплетение эмоций, характеров, взглядов. Глоток. Дернувшийся на мгновение кадык, и я буквально почувствовала, как пунш обволакивает небо альва, устремляясь по горлу. Ниже. Растворяясь, проникая в вены, разносясь с током крови по телу.

Всего четверть часа — и я узнаю результат.

— Танец. — Не напоминание, не просьба. Требование Варлока.

Я показала взглядом на бокал, дескать, с посудой в руках в приличном обществе не вальсируют. Альв понял все правильно. Мгновение, и бокалы из наших рук просто развоплотились, словно их никогда и не было.

— Проблема решена? — лениво усмехнулся Варлок.

— Вполне, — посмотрев снизу вверх, с вызовом ответила я.

Зазвучала музыка, и мы закружились в танце. А вокруг нас — недоуменные, завистливые, злые взгляды. А еще счастливые, степенные, озорные, скучающие. Водоворот эмоций, лиц, красок. Вот, кружась, проскользил Йоннок, обнимая свою смеющуюся партнершу. Вот в танце мелькнула блондинистая макушка Эштона, а потом я заметила и Алекс, которую надежно, так, чтобы точно не удрала, держал в объятиях Стрела. Круговерть красок и лиц и завораживала, и раздражала.

— Нари, ты сегодня невыносимо прекрасна. — Голос другой, но интонация...

И руки. Надежные, сильные, они обнимали меня бережно и уверенно. Вели, но не принуждали. Демоны, неужели... Я закусила губу. Разочарование. У него горький вкус полыни.

Музыка отзвучала, но новый задорный мотив не успел набрать разгона, оборвался звучным голосом декана боевого факультета магистра Фарха:

— Настало время поприветствовать гордость нашей академии. Тех, кто будет защищать ее честь в чемпионате по громобою в этом году...

Толпа всколыхнулась, будто пошла рябью сдержанного ожидания.

Варлок, стоявший рядом и все так же не отпускавший меня (а ведь обещал, что после танца растворится в небытии как минимум на вечер!), при таком помпезном заявлении скривился.

— Нари, обещаешь дожидаться меня?

Вопрос был задан по-особому проникновенным тоном, таким, чтобы ответить «нет» было если не невозможно, то крайне тяжело. Но кто сказал, что я не попытаюсь возразить? Словно подслушав мои мысли, Варлок тут же напомнил, почему я практически всегда хочу его

придушить, отравить, пристрелить... В общем, организовать веселый досуг в лучших традициях инквизиции.

— Если не пообещаешь — потащу тебя на сцену вслед за собой. Будешь седьмым игроком команды, — сказал он так буднично и уверенно, что я сразу поняла: с него станется. А буду упираться, и вовсе перекинет через плечо.

— Кажется, некий обманщик недавно заверял, что один танец — и я его больше не увижу сегодня.

— Да? И в чем же я соврал? Второго танца я не требую... — Черная бровь вопросительно изогнулась, в зеленых глазах мелькнули искорки смеха.

Да он издевается надо мной! Опять!

— Ты! — прошипела я.

— Обещай.

— Да провались ты в преисподнюю!

— Вместе с тобой — с радостью.

— ...и капитан команды — Варлок! — разнеслось над залом.

— Ты пообещала! — С этими словами альв взмыл над толпой.

Хотелось крикнуть, что ничего подобного я не говорила, но он уже приземлился на сцене.

Я сердито огляделась по сторонам и... И увидела в десятке ярдов недалеко от колонны макушку Вира. Неужели я ошиблась и эти двое просто чем-то похожи, а моя параноя сыграла со мной злую шутку? Я поспешила к колонне, рядом с которой, кажется, был мой альв.

Приветствие университетской команды закончилось, игроки спустились со сцены. А я торопливо шагала туда, где еще раз мелькнула русая макушка. Успеть бы. Только бы успеть до того, как завершится официальная часть бала. Осталась всего четверть часа. Потом я Вира не отыщу.

Стрелка хроносов неумолимо приближалась к десяти. Демоны и преисподняя! Эйр Ортридж и преподаватели решили отбыть раньше. Магистры во главе с ректором покинули зал, оставив смотреть за порядком дежурных — старшекурсников...

Когда я была первогодкой и все было внове, такой подход меня удивил. Без бдительного ока магистров адепты могут же учинить здесь все что угодно! А потом поняла: ректор прекрасно знал, что юные маги просто не могут постоянно вести себя пристойно. И чтобы его воспитанники не разносили окрестные кабаки, а университет соответственно не оплачивал ремонт оных, эйр Ортридж поступил весьма неординарно. Не в силах подавить бунт, он его возглавил: взял дело разгула и вакханалии под свой строгий контроль.

Потому-то первая, балльная часть осеннего вечера была сдержанной и консервативной, а вторая... Свет в зале погас, словно кто-то опустил на нас всех черное покрывало. Потом крошечную тьму разрезали тонкие цветные лучи. Музыка, до этого спокойная, обрушилась водопадом, и ей вторили сотни радостных голосов.

Провал! Полный и оглушительный. И надо бы выбираться, пока... Увы, осознала я это на миг позднее, чем все произошло. Не надо мне было подносить бокал к губам. Да, я не проглотила пунш, но зелье коснулось моих губ. А все остальные явно отведали вкусного напитка. Оставалось лишь надеяться на то, что большинство адептов всегда ведут себя естественно, не прячась за масками притворства. Иначе сегодня зал не устоит.

Я начала проталкиваться к входу. Быстрее. Быстрее выбраться отсюда, пока я еще тихая скромная Нарн.

— Упс, — прозвучало злорадно и удовлетворенно.

А на моем платье в этот момент растекалось пятно. Я не видела его. Просто ощущала, как мокрая ткань начинает литься к телу, холода.

— Извини, я нечаянно. — Раскаяния в голосе не было ни на медьку, зато радости — на форинт.

Корделия. Давняя соперница Алекс, которую подруга ненавидела всей душой. Что они опять не поделили, а вернее — кого? Просто так блондинка на меня бы не накинулась. А потом я вспомнила... Она стояла тогда под дверью Варлока в общежитии. Выходит... Гадский Варлок и гадский танец!

Слова Корделии лишь подтвердили догадку:

— Смотрю, ты возомнила себя первой красавицей, хотя на деле ты мокрая мышь. И тебе стоит указать твою норку, если ты о ней забыла.

И тут я почувствовала, как маска тихони трещит по швам. И вот уже не единый узор — а мозаика, фрагменты которой разбиваются с оглушительным звоном. Один за другим. Осыпаются мелким острым крошечком к ногам, ударяясь об пол. Мне надоело скрываться. Молчать, когда хочется ответить. Уходить в тень. Осточертело!

Всего несколько капель зелья истинной сути, и выпивший его станет тем, кто он есть. Хотела понять, кто такой Варлок, а получится, Нари, что узнаешь себя. Настоящую.

— Да неужели? — Я в точности скопировала тон блондинки.

Ее детская выходка уже не злила. Забавляла. Облить платье соперницы, угрожать ей... Грубо и глупо. Хотя, может, такой Корделия и была? Большим избалованным ребенком, просто неплохо это скрывала. Но сегодня в ее бокале плескался особый пунш, впрочем, не только у нее, у многих в этом зале.

— А ты, как полагаю, возомнила себя кошкой, которая мне и укажет мое место? — протяжно вздохнула я.

И сделала шаг, оказавшись близко, очень близко к Корделии. Так, что наши лица почти соприкоснулись. От неожиданности та отшатнулась.

— Но, сдается, ты себе польстила. — Я улыбнулась.

Бывают улыбки нежные, застенчивые, лукавые, провоцирующие. А бывают «здравствуй, мой долгожданный ужин». Моя нынешняя — из последней категории. И Корделия это почувствовала. Она сглотнула, отступила... Но то ли ощутила поддержку за спиной от своих приспешниц-подружек, которые сейчас напоминали стайку левреток, то ли от небольшого ума Корделия перешла к откровенным угрозам:

— Убирайся с моей дороги, паскуда. Еще раз увижу рядом с Варлоком — в порошок сотру.

Она. Угрожала. Мне? После наемников, жаждавших моей смерти, заявление блондинки было сродни комариному писку. Захотелось рассмеяться. Искренне и от души. Запрокинув голову. Но я лишь весело, с участием в голосе предложила:

— Терку дать? А то без нее тяжеловато тебе будет: многих в порошок превращать придется.

— Чего несешь? Каких многих? — Блондинка, которая не понимала причины моего радостного настроения, злилась все больше.

— Если ты, Корделия, не заметила, то вокруг этого остроухого полно адептов. Что, к каждой будешь подбегать и угрожать? — спросила я. При этом была сама любезность. Такая любезность, которая в секунду довела блондинку до состояния «Убью. И плевать на двадцать лет рудников». Но я решила, что если уж быть милой, то до самого конца (лучше, конечно, не своего, но уж как получится), и добавила: — Хотя, судя по всему, ты ни на что другое не способна. Ведь привлечь внимание Варлока ни красотой, ни грацией ты не в состоянии.

Корделия сдерживалась из последних сил, ее пальцы уже искрились от магии. И я только ждала того момента, когда та сорвется. Тогда сработают охранные чары, которые всегда накладывают на зал, дабы избежать его разрушения. В прошлый раз, помнится, адептов, решивших попрактиковать боевые арканы, выносили отсюда в виде ледяных статуй.

— С другими я тоже разберусь...

Договорить она не успела, ее перебил крик со сцены, на который я невольно обернулась:

— Готовы повеселиться? Я не слышу. Громче!

«Да!» грянуло со всех сторон, а адепт, наконец справившись с заклинанием рупора, отважился

на длинную фразу:

— Ну что же, надеюсь, в ваших жилах течет не вода, а огонь, господа маги! И вы готовы его выпустить наружу. Потому что сейчас мы приглашаем на эту сцену самых отчаянных парней и девушек. Сегодня боевая магия, — кивок в сторону Стрелы, который оказался рядом со сценой — его рыжая макушка была видна издалека, — прости, брат, но под запретом. Но это не повод отменять сражение. Да начнется танцевальная битва!

Последние его слова потонули в радостном крике толпы.

Я обернулась к Корделии и увидела, как по ее лицу кляксой растекается довольная улыбка, в глазах зажигается огонь. Такой обычно бывает, когда в голову, набитую опилками, молнией ударяет «гениальная» мысль.

— Говоришь, у меня недостаточно грации и красоты, чтобы привлечь к себе внимание? — прошипела змеей Корделия. — Это мы еще посмотрим. Хотя... — Она презрительно сморщила нос. — У тебя кишка тонка вообще выйти в круг, бледная моль. Ты только и умеешь, что прятаться за подол своей подружки Алекс. А сама ты никто и звать тебя никак. Что только Варлок в тебе нашел?

Из ее руки вверх устремился луч света.

— Я желаю участвовать. — Крик разнесся под сводами зала, привлекая внимание.

На блондинку сразу же начали оборачиваться. Кто-то отступил, чтобы лучше разглядеть ту, что сделала столь смелое заявление.

Фальме — танец в кругу — развлечение кабаков. Традиция, что зародилась в трактирах, а не на блестящем от воска паркете. О ней адепты никогда не забывали. Просто при ректоре не упоминали. А эйр Ортридж делал вид, что не в курсе, чем сменяются каждый год светские танцы с его уходом из зала.

Проникновенно отозвалась гитара — неизменная спутница фальме. Кто-то из зрителей первым вскинул вверх кулак, вспыхнувший в сумраке факелом. Потом еще и еще.

Корделия стояла посреди круга. С гордо вскинутой головой и прямой спиной. Как вольная дочь степей, которая не боится никого и ничего. Ее взгляд в мою сторону был полон превосходства и презрения.

— И кто же бросит вызов нашей красавице! — прозвучал голос со сцены.

Краем глаза я увидела Алекс. Она спешила ко мне. Наверняка, как думала подруга, на выручку. Я уже видела, как в ее ладони зарождается свет. Еще миг, и она бы крикнула «я».

— Круг!

— Круг!

— Круг!

В едином крике скандировала толпа, толкая на безумство.

Какая-то часть меня, еще не поддавшаяся действию зелья, шептала, что нужно оставить все как есть. Что нужно опустить взгляд и плечи, сыграть тихую покорность и испуг и уйти. Позволить Алекс занять мое место. Опять прикрыть меня, спрятать в своей тени.

Но настоящая я хотела другого. В крови бурлили жажда жизни и веселья, злость и желание быть свободной. И да, самодовольная избалованная Корделия меня бесила. Неимоверно.

Может, именно поэтому, когда под ноги мне прилетел презрительный плевок от Корделии, когда Алекс уже заносила руку, я ударила в потолок лучом света, опередив подругу на сотую долю секунды.

— Я принимаю вызов.

Наградой мне была глумливая улыбка и ехидное:

— Готовься к позору, моль. Ты пойдешь домой голой.

А затем весь зал смолк. Наполнился ожиданием, предвкушением, азартом. Ушлый Йонк,

приняв последние ставки, нахлобучил на голову полную форинтов шляпу и, как и остальные, впился глазами в круг. Туда, где стояли я и Корделия.

Фальме — танец, рожденный в крови западных кочевников, замешенный на отчаянии и любви, танец дорог, кабаков и трактиров. Он дробил тишину стуком каблуков, врывается в сердца зрителей рваным гитарным ритмом и веером ярких юбок. Гипнотизировал поворотами кистей и плавностью линий.

Некоторые говорили, что фальме невозможен без веера, а обязательный атрибут танцовщицы — мантилья с гребнем. Чушь полная. Как говорила четвертая жена дяди Морриса, фальме — это танец души. Для него даже каблуки, которыми выбивают дробь, не обязательны, если ты умеешь танцевать сердцем.

Глядя на Корделию, горделивую, уверенную в себе, многие наверняка думали, что эта-то красавица заткнет за пояс если не любую в зале, то уж точно многих. А меня — адептку, за которой закрепился статус тихони, — и подавно.

— Красотка, покажи, на что ты способна!

— Оставь ее без платья, Кор!

Со всех сторон слышались одобрительные выкрики.

Зазвучали первые гитарные аккорды, и Корделия, поймав ритм, чуть подняла подол платья одной рукой, чтобы ее ноги были видны до колен. Перестук каблуков легко влился в музыку.

Чисто. Технично. И без души. Так, словно Корделия брала уроки у какого-нибудь учителя танцев, а потом, как прилежная ученица, демонстрировала усвоенный материал: вот тут должен быть поворот, вот через столько счетов наклон корпуса, а в конце откинуть голову и взмахнуть рукой.

Закончилась ее партия. Я почувствовала на себе еще один насмешливый взгляд блондинки.

Быстро убрав пятно от пунша с платья заклинанием чистки, я приготовилась. Подол задрать мне было не нужно: юбка и так была всего лишь чуть ниже колен. Зато обе руки оказались свободны.

Я не танцевала фальме, казалось, целую вечность. Лет семь — так точно. После того, как четвертая жена дяди Сабина покинула наш дом. Мачеха была танцовщицей. Моррис встретил ее в каком-то кабаке, где она дробью своих каблуков походя разбивала сердца. Ветреная роковая красавица, у которой не было ничего и никого. Хотя насчет «никого» я погорячилась. Имелся призрак Йоко, коего она благополучно оставила у нас, бросив дядю.

Но те два года, что Сабина жила в семействе Росс, запомнились мне экспрессивными выяснениями отношений, битьем статуй в невообразимых количествах и бурными раскаяниями Морриса. Мачеха была огнем, факелом, который тухнет от рутины. Она обожала танцевать. Страстно. Поэтому дядя даже комнату, где до этого была библиотека, переделал под танцкласс для Сабины.

А я... Я, тринадцатилетняя, не могла удержаться, чтобы туда не заглянуть. Тай было семь, и мы с кузиной на пару сначала глазели в дверную щель на то, как в движениях, ударах ладоней, поворотах головы рождается фальме. Но однажды Сабина заметила нас и... не прогнала, а решила, что теперь у нее будут две ученицы.

Она не была нам матерью. И не стремилась ею быть. Но отдавала то ценное, что у нее было, — свое время. Мачеха читала с трудом, писала и того хуже, зато умела пленять. Своей красотой. Танцем. Отношением к жизни. И учила этому нас. Именно от нее я узнала, в чем секрет фальме.

А вот Корделию в эту тайну паркетный учитель танцев посвятить не мог. Наверное, потому что сам не знал ее.

Музыка зазвучала вновь. Уже для меня. Гитарный перебор словно приглашал разбавить его стуком каблуков. Но я не спешила. Подняла палец вверх, показав жестом «нет». Струны смолкли. Смолкла и толпа.

Воздух стал густым, вязким, жарким. Я почувствовала на себе пристальный взгляд. Не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто на меня смотрит. Только один алья даже со спины мог меня раздражать до зуда.

Торжественная улыбка Корделии стала запредельной. Наверняка она в мечтах уже видела, как я, растерявшись, струсил. А Варлок, оценив ее танец и никчемную меня, подходит к ней, обнимает ее за плечи...

Я про себя усмехнулась: не так быстро, блондинка!

Звук, в котором не вычленишь отдельные удары, звук — мелодия, не хуже, чем виртуозная игра гитариста, звонкая, быстрая, рожденная яростью и страстью. И снова тишина. Я ударила в ладоши, задавая ритм и начиная снова.

Пятка-носок-пятка. Резкий поворот вокруг своей оси, так что ткань подола взметнулась волной. Прогиб быстрый и легкий, словно тело вдруг сломалось пополам, и руки-змеи, вскинутые над головой, — я не танцевала, а дышала каждым движением. Создавала музыку, и в эту музыку мягко вступала гитара. Не наоборот. Я растворялась в мелодии.

Когда я закончила, задышавшись, с бешено колотящимся сердцем, и отзвучал последний аккорд, зал все так же был безмолвен. Словно на него опустился купол тишины. А через миг он взорвался. Криками, аплодисментами, требованиями отдать выигрыш.

— Просим проигравшую снять с себя любую вещь.

Да, танец в круге — забава кабаков. И расплата соответствующая: дерзкая и наглая.

На Корделии было белое, с золотой вышивкой платье, туфли и бриллиантовый гарнитур. Я уже думала, что блондинка расстанется с туфлями, как с меньшим из зол. Но когда она с остервенением начала выдирать из ушей серьги и снимать ожерелье, я поняла — это еще не конец. Все только началось.

— Еще раз, — громко потребовала она.

Вновь музыка. Отточенные движения Корделии, высокие замахи, от которых юбка взмывается так, что зрителям видно обнаженное бедро.

«Запомни, Нари! Никогда не пытайся подменить мастерство открытым телом. Ты танцовщица, а не продажная девка», — вспомнились слова Сабины.

То тут, то там раздавались из толпы мужские одобрительные возгласы:

— Давай-давай!

— Милашка, браво!

— Какие ножки...

— Кобель, куда под юбку смотришь. — Чей-то недовольный девичий голос и звук пощечины.

Зелье истинной сути делало свое дело. Со всеми. Развязывало языки и руки.

Мелодия смолкла, блондинка остановилась посреди круга, довольная собой. Она слышала выкрики толпы и знала, что хороша. Но все ее старания и усилия были лишь для одного-единственного зрителя. Того, что стоял в нескольких ярдах от нас обеих.

Корделия сделала пару шагов вперед и, развернувшись так, чтобы Варлок видел лишь ее спину, продемонстрировала мне жест из одного пальца, выплюнув уничижительное:

— Пипетка, ты Варлоку никто. Лучше убирайся отсюда, пока твое платье еще на тебе.

Я смерила взглядом эту... хм... мензурку и ответила. Громко. Так, чтобы все слышали:

— Значит, это для него ты сейчас сверкала нижним бельем? К слову, многие зрители оценили.

Мои слова подхватила добрая половина зала. Кто-то питал к Корделии давние прочные вражеские чувства, другие просто ревновали... Но, так или иначе, за какую-то минуту наших взаимных подколов толпа поделилась на два лагеря.

Йонок, букмекер недоделанный, прокричал, что принимает на меня ставку один к трем. Последнее задело. Убью гаденыша! Вот сейчас размажу самоуверенную блондинку и затем разделаюсь с ним.

Мой выход.

Я плавно ступила в центр, вычерчивая ногой полукруг, неспешно, чувственно повела бедром и тут же ушла во множественный оборот и резко опустилась на колени, чтобы юбка легла кругом. Поднялась с мягких носков плавным слитным движением. Прогнулась так, что на миг макушка оказалась над полом всего в нескольких пальцах. Выпрямилась.

А потом решила рискнуть: на моих ладонях и плечах заплясали языки пламени. Простое заклинание. Оно требовало мало магических единиц, зато море концентрации: поддерживать матрицу заклинания, чтобы не обжечься, не сбившись с ритма, — тяжело. Очень. Но не невозможно.

Волосы разметались по плечам. Эйфория. Усталость. Я летела, едва касаясь носками пола. При одном из бешеных поворотов увидела смазанное лицо Варлока. Злое. И тяжелый взгляд, который неотрывно следил за мной.

Мне же хотелось смеяться... Я кружилась в танце, раскинув руки, чтобы по моей коже, подолу платья, ступням пробегали всполохи пламени.

— Огненный цветок, — раздался откуда-то выкрик, который подхватывали все новые и новые голоса.

Сколько я танцевала? Не знаю... Меня вела музыка, которая не хотела останавливаться. Последний аккорд... И я вспыхнула вся, чтобы наконец погаснуть.

— Это было жарко! — выкрикнул все тот же неугомонный адепт, что объявил о танцевальном круге.

Кто-то из разошедшихся зрителей потребовал, чтобы Корделия сняла платье, дескать, толпа увидела уже все интересное. Чего стесняться? Стоило ли удивляться, что идея тут же нашла живую поддержку среди парней.

Блондинка, осознав, что проиграла снова, потянулась к лифу и обнажила плечо. На ее губах заиграла улыбка.

Что она задумала? Показать «товар лицом», под предлогом проигрыша обнажившись перед Варлоком? Или зелье лишило ее не только личины правильной девушки, но и остатков мозга?

Йонок азартно хлопнул в ладоши, предчувствуя навар с сегодняшнего вечера.

— Нари, ты невероятна! — воскликнула Алекс, незаметно оказавшаяся рядом.

Горло горело. Хотелось пить. Дико. Об этом я и прохрипела подруге. В следующую секунду почувствовала в руке стакан, доверху наполненный почти ледяной водой. Несколько жадных глотков — и оставшуюся воду я вылила на лицо, пытаюсь охладиться.

А когда подняла запрокинутую голову, с мокрых волос начала стекать вода. Лиф платья вымок окончательно, холодный шелк прилип к телу, обрисовав его.

Только я этого почти не почувствовала. Причина была веской: рядом со мной, практически вплотную, стоял Варлок. Однозначно взбешенный и желающий меня убить. Лично. Раз двадцать.

— Я оценил, что ради меня ты ввязалась в круг, но в следующий раз... Если я прошу постоять и подождать, просто стой и подожди. Не пытайся себя спалить.

До меня дошло, почему Варлок дождался окончания моей партии. Он просто боялся, что я потеряю концентрацию и действительно начну гореть. И ему абсолютно плевать на те прелести, что так старалась продемонстрировать ему Корделия. И это было... Додумать я не успела. Сильные руки подхватили меня со словами:

— Не желаю, чтобы на тебя глазели. Даже в платье. Тем более в мокром.

Я попробовала сопротивляться, но куда там. Меня крепко прижали к груди, не дав возможности и пошевелиться.

ГЛАВА 12

Мы оказались на улице. Прохладный ночной воздух заставил поежиться, несильно, но чувствительно укусив через мокрую ткань.

— Aronto, — с губ альва слетело заклинание, и меня окутало облаком тепла. — А теперь держись крепче, малышка. Я доставлю тебя домой, пока ты еще не натворила каких-нибудь глупостей под действием эликсира истинной сути.

— Откуда... — опешила я.

— У него удивительно неповторимый вкус, Най. Хотя твои поцелуи я помню лучше.

Я хотела возмутиться, но враз навалившаяся усталость сковала руки, голова, что налилась свинцом, склонилась к широкой мужской груди. И я, зевнув, произнесла:

— Все-таки ты тот еще гад...

— Пусть гад, главное, чтобы был любимый...

Я почувствовала, как мы взмыли над землей.

Глаза закрывались, веки тяжелели, а усталость разливалась по телу, окутывая путами сна. Уже на грани яви и мира грез я подумала, что Варлок сегодня не такой уж в принципе и гад... Так, только чуть-чуть паразит и внушительная язва. О чем ему и сообщила.

А что? Ведь если парень тебе нравится, то нужно сказать ему об этом. Прямо подойти и четко произнести: «Парень, ты мне понравился». Все. Теперь это его головная боль. Сам понравился, пусть сам и находит выход из положения. А ты тут вообще ни при чем.

В случае с Варлоком, правда, все выглядело слегка иначе.

— Знаешь, я подумала, что ты все же иногда бываешь почти нормальным. Таким, что с тобой даже можно общаться.

— В смысле доводить? — иронично уточнил Варлок.

— Ну не без того... — призналась я. — Вот сейчас смотрю на тебя... И бесить хочется.

— Более романтического признания в любви еще не слышал.

— Вообще-то это было признание в ненависти, — зевая, возразила я, про себя гадая, сколько сотен, а может, тысяч поклонниц альва рассказывали ему о своих чувствах.

Хотела спросить, но сон окончательно сморил меня.

В какой-то момент я словно пробудилась. Не окончательно, а будто всплыла с глубины, но так и не вынырнула на поверхность. Дрема баюкала мое тело, которое все еще бережно держали сильные руки.

— Ты — это он? — сонно пробормотала я и еще теснее прижалась к теплой груди альва.

— Я тот, кто сегодня подарил тебе кулон. И очень жаль, что не могу тебе рассказать всего. А теперь забудь, что только что услышала, и пусть твое путешествие в мир грез будет спокойным и добрым.

После этих слов меня окутало невесомое облачко, словно в лицо дунули сладкой пудрой. Не сильно, но все же заклинание забвения я ни с чем не спутаю.

Вместо того чтобы после чар забытья сразу отправиться в гости к господам Грезнику и Храповнику, как и подобает благовоспитанной эйре, я зевнула, не открывая глаз, и пробормотала:

— Чтобы кошмары не пришли, их просто нужно вовремя прогнать.

— Хорошо. — В голосе альва почудилась улыбка. — Я побуду с тобой немного, пока ты точно крепко не уснешь.

Меня опустили на что-то мягкое, но скрипучее, а затем укрыли чем-то воздушным и легким.

Но самое главное — рядом был Вир. Пусть и в образе Варлока. И я обязательно ему завтра все выскажу. Хотя нет... Не выскажу, а устрою! С наслаждением представляя, что именно, как и насколько кроважально буду устраивать, я окончательно заснула. Подозреваю, что при этом на моих губах играла счастливая улыбка. Из тех, которые украшают лицо некроманта, наконец-таки изловившего очень приткую и коварную нежить. Не подозревая о масштабах грозящих ему неприятностей, альв нежно обнимал меня.

Проснулась я от ощущения, что чего-то не хватает. Враз, как от толчка. Распахнула глаза в полумраке. Моя комната. Моя постель, в которой под одеялом лежала я в вечернем платье. Голова болела, а память, как опытный шулер, отлично перетасовала обрывки воспоминаний. Пришлось приложить усилия, чтобы восстановить картину.

Я чувствовала себя разбитой. Прямо как альтернативно живая, а точнее — зомби. Во всяком случае, настолько же жизнерадостная и полная сил. Демоново заклинание забвения всегда действовало на меня так. А все потому, что с ним были связаны не самые приятные воспоминания: от навязчивого ночного кошмара меня пытались избавить именно при помощи заклинания забвения. Тщетно. Впрочем, один результат все же был: я стала невосприимчива к «пудровым» чарам. Хотя нет, вру, имелся и второй результат — жуткая головная боль наутро.

Я осторожно встала, словно боялась себя расплескать. Четыре утра. Волчий час — время беззаконников. В самый раз для грабежей и разбоя, пока честные люди видят крепкие сны.

Кстати, о крепких снах. Если Вир — это (демоны его раздери!) Варлок, то у меня возникает вопрос: кто дрых все время в комнате бабули, пока остроухий гад изображал из себя чемпиона?

Мне было плохо. Значит, одному альву должно быть еще хуже. Прямо здесь и сейчас. Я подошла к шкафу, достала свежие штаны и рубашку с жилетом. Спустила пару минут, глянув на себя в зеркало, кроважально улыбнулась.

Вот и настал тот час, когда захотелось достать книгу проклятий, выбрать из нее парочку самых сильных, запомнить их и зайти к кому-то в гости... Так, исключительно поздороваться, нанести визит. И кто знает, может, во время его удастся растопить сердце альва. Растопить в лучших традициях инквизиции.

Сегодня я не стучалась в комнату Вира. Открыла дверь и, мягко ступая по ковру, пошла к кровати. Этот гад спал. Безмятежно. Русые волосы в предрассветных сумерках казались кляксой, на которой отчетливо белело лицо. Грудь ровно вздымалась и опускалась.

Шаг. Второй. Третий. Я склонилась над Виром. Он выглядел настоящим. Насколько, что захотелось потыкать в него палочкой. Желательно осиновой и заточенной с одной стороны. Потому как альв сейчас больше всего напоминал мне настоящего вампира. Такого же бледного, невозмутимого и не обремененного хоть каплей совести.

Я взглянула на обнаженные широкие плечи, торс и поежилась. В комнате было холодно. Еще бы! Настежь распахнутое окно по осени не способствует ни пылающей ярости, ни романтике, ни теплым доверительным отношениям. Да и убийства лучше совершать в тепле. Чтобы зубы не клацали, жертву не разбудили ненароком. И чтобы руки от холода не дрожали, когда буду аркан создавать...

Уже было шагнула к окну, чтобы закрыть створки, как внезапно осенило: ни за Виром, ни за Варлоком я любви к зверскому холоду не замечала. А вот кое-кому он безразличен.

Резко отдернула одеяло и... Нижней части альва под ним не оказалось. Да там вообще ничего не было. Ни обнаженного, ни в штанах. Лишь прозрачный воздух, принявший форму тела.

Зато верхняя часть пробудилась, вперила в меня кроваво-красными глазами и заорала знакомым голосом демона-обережника. А еще попыталась укусить. То ли у мелкой нечисти сработал веками отточенный сторожевой рефлекс, то ли демоненок просто пожелал теснее познакомиться с гостьей. Ведь известно, что зубы, вонзенные в горло, сближают двоих гораздо лучше, чем самые долгие разговоры по душам.

Но если в тринадцать лет, когда эта мелкая пакость напала на меня в образе бабушкиной перчатки, я испугалась, то сегодня... Демоненку откровенно не повезло. Злая, обиженная, я оказалась хуже черной ведьмы. А так как еще и рассержена была на альва, в чьем образе предстал обережник... В общем, я ему чуть голову не оторвала. И отнюдь не фигурально.

Демоненок попытался вырваться. А поскольку он не подчинялся закону тяготения, то удирал

от меня не только по полу, но и по стенам и даже по потолку. Я же, вцепившись в его лохмы, летала по комнате следом. Что самое примечательное — молчали оба. И я, и демоненок.

Наконец обережник устал, сдуря, став размером с кролика, и принял свой истинный облик. Выяснилось, что я держала демоненка не за гриву, а за хвост. Длинный тонкий извивающийся хвост с кисточкой на конце.

— Фто, тофе подчинять будеф? — зло буркнул он, буравя меня своими красными глазами-бусинами.

— А надо? — выдохнула я, ошалело рассматривая результаты нашего с нечистой забега.

Особенно меня впечатлил отпечаток моей пятки рядом с люстрой.

— Ну зачем-то фе ты меня потревожила? — фыркнула нечисть.

— За правдой.

— А зачем она тебе? Правда эфемерна и недолговечна. Сегодня она истина, а завтра...

Я чуть не взвыла. Нечисть-философ! Хуже не придумаешь. Вдохнула и ме-э-эдленно выдохнула. Магистры иногда утверждают, что порою адептам бывают нужны самые темные ритуалы для призыва собственного разума. Так вот — они нагло врут. Поиски того самого разума — ерунда по сравнению с вопросом: у кого бы занять злости? Потому как своей уже не осталось.

Пушистый бережник, который сейчас напоминал зайца-переростка с кошачьими ушами и черным острым носом, внимательно смотрел на меня.

— Будешь рассказывать?

— А фто ты мне за это даф?

Хотелось сказать: затрещину. Но я, памятуя, что хорошая гадость должна делаться с размахом и от души, щедро пообещала:

— Свободу!

— Силенок не хватит аркан разорвать, — с сомнением выдал обережник.

Точно! Демоны же ощущают уровень мага. Не выпуская его хвоста из одной руки, я зубами сняла с пальца другой кольцо.

— А так?

— Ух ты! Хотя у магикуса сил все равно больше, но, фтоб разорвать аркан, должно хватить, — выдал мелкий и тут же забеспокоился о другом: — А не обманеф? Только не клянись фызнью и дуфой, — тут же по-деловому предупредил он. — Не стоит ставить в залог то, что тебе не принадлефит.

Я лишь сжала зубы: философ, калийной селитры ему на завтрак!

— Клянусь любимой ретортой, чтоб мне больше перегонкой не заниматься! — пообещала я.

Нечисть тут же оживилась. Видимо, алхимическое оборудование в системе ее ценностей было куда более весомым аргументом, чем жизнь и душа. Хотя, может, оно и верно. Жизнь и душа — понятия эфемерные, их порою не удержишь и в самых загребуших лапах. А грушевидная колба с узким горлом — вот она. Ее и взвесить можно, и продать. А если она еще и медная, то случись что — и по голове неприятелю настучать. Одним словом, вещь ценная и в хозяйстве нужная.

Демоненок тоже так посчитал и на сделку согласился. И, даже почти перестав шепелявить, тут же выложил, что злой магикус под страхом развоплощения приказал нечисти изображать себя спящего. И с этим лицедейством бедный обережник так отощал, столько энергии потратил...

На жалостливые взгляды я не купилась. Зато теперь поняла, как ушлый альв сумел меня провести. Да не только меня, но и целый университет. Ясно, почему он от Алекс так быстро съехал: попробуй-ка удери из дома, который обвешан охранными чарами, как шелудивый пес

— репьями.

— Интересно, где он сейчас?

Кажется, я задала вопрос вслух, потому как демоненок тут же живо отозвался:

— Небось к брату своему померфему полетел.

— К-к-какому умершему брату? — не поняла я.

— Обычному. Закаменевфему. Магикусу в третьем часу вызов прифол. Я в фкафу был, все слыфал, хоть и не на имперском они разговаривали, но я-то многие языки понимаю... — гордо выпятив грудь колесом, заявил мелкий.

— Замечательно. И что же ты уразумел из разговора?

— Фто их разговор похоф на почерк врачевателя. Столь фэ понятный.

Я взгрустнула. Сильно. С нечистью я только теряла время, а лучше бы — парочку проблем. Я отпустила хвост демоненка и хотела было уже поддеть аркан подчинения, чтобы его разорвать, когда обережник заговорил. Оказалось, про то, что он мало что понял, демоненок преуменьшил. Слегка.

У Вира-Варлока (я для себя не определилась, как его теперь называть) действительно был брат. Младший. И вчера он умер. Окаменел, став статуей. Это меня озадачило.

Признаться, я не знала всех проклятий, но среди мне известных не было таких, чтобы обращали врагов в монолит. Удушье, язвы и струпья, гнилая кровь, сведения с ума... — да много чего эффективного и мучительного, но чтобы окаменение? Конечно, если я не знала, не факт, что этого не могло быть. Но проклятие — самое логичное объяснение столь странной смерти.

— Вот так враз взял и стал статуей? — уточнила я.

— А почему я знаю... — развел лапами обережник. — Магикус как договорил, выключил кристалл, ударил кулаком по бумафкам своим, над которыми ночами корпел, — он кивнул куда-то на стол, — и в окно вылетел. Это все, что известно. Теперь выполняй договор.

В меня вперился требовательный взгляд алых глазок. Я подцепила аркан, начав распутывать сдерживающее плетение. Через пять минут захотелось ругаться. Через десять — я уже осуществляла свою мечту. Демоненок тихо скулил на одной ноте, но не двигался.

Давая опрометчивое обещание освободить обережника, я как-то подзабыла, что уже сталкивалась с манерой альва плести арканы. Правда, в комнате общежития накинутый на меня был попроще... А сейчас... Судя по надежности плетения, альв собирался удерживать минимум дракона. Взрослого, матерого и регулярно жрущего принцесс на завтрак, в обед совращающего монахов и рыцарей какого-нибудь святого ордена, а вечером поджигающего для развлечения деревни. В общем, дракона-рецидивиста. Ну или на худой конец архимага-рenegата, совершившего удачное покушение на императора... Никак не меньше.

Я уже хотела взвыть на пару с демоненком, когда хроносы на центральной башне столицы пробили шесть раз. В утренней тиши воздух был особенно чист, свеж и звонок, и звук разлетался далеко, будя горожан, пугая воров и зля меня. Промучившись почти час с арканом, я больше не стала изображать из себя кружевницу. Сила хлынула из пальцев волной, сжигая улы.

Демоненок заорал дурниной, видимо, решив, что пришел его смертный час. Но самое поразительное, что аркан не больно-то и поддавался.

— Идиотка-а-а! У него же сил больше... чем... у тебя! — Как оказалось, нечисть отлично владела имперским непечатным. — Ты... меня спалишь, а аркан на... останется!

Я из чистого упрямства, будто от этого зависела моя жизнь, влила все силы без остатка. И нити плетения начали опадать пеплом.

Демоненок уже не вопил. Судя по отрешенной морде, он собирался умирать. И даже вроде расстроился, когда ничего подобного не произошло. Но когда очухался, я узнала о себе много нового, интересного и неожиданного. Жаль, что из приличного в том списке были одни запятые. Свою пламенную речь демоненок, потирая подпалину, закончил на удивление

приличными словами:

— Чтобы я еще раз поверил словам магикуса? Да лучше сразу сдохнуть!

Надо же, совсем перестал шепелявить. Излечился враз. Видимо, страх — отличный логопед!

— Ну, так я не обещала, что ты не умрешь. Я обещала тебе свободу. А смерть — тоже свобода, — выпалила я. Между прочим, чтобы его освободить, я весь резерв израсходовала. — К тому же ты сам утверждал, что мне сил хватит.

— Хватит аркан подцепить и распутать, а не сжечь, — парировал обережник.

— Ну, значит, вышло недопонимание.

— Ага, наверняка инквизиторы так же говорили. После того, как у них случалась зажигательная вечеринка с кучей народу, где еще гвоздем программы была девушка у шеста.

— Может, ведьма у столба? — машинально поправила я, вспомнив картинки из учебников истории, где за спиной у темных чародеек обычно была отнюдь не тонкая длинная орясина.

— Это после, уже в отчетах, она ведьмой становилась, а жердь — столбом, — снисходительно фыркнул мелкий.

А я призадумалась: сколько же нечисти лет, если он знает такие пикантные подробности из жизни инквизиторов, орден которых упразднен несколько веков назад. Словно прочитав мои мысли, демоненок выдал с сожалением:

— Эх ты! Тебя еще портить и портить. А раньше ведьмы-то были... — Он мечтательно закатил глаза. — И шабаша... И оргии... А ты прям как не внучка своей бабке.

— Я не ведьма, я алхимик.

— Вот и я говорю, как не внучка эйры Норингем.

— Если ты ею так восхищен, то, может, и дальше будешь охранять ее панталоны? — съехидничала я. — Так сказать, из дружеских чувств?

— Нет уж, спасибо. — С этими словами демоненок ловко запрыгнул на подоконник. И, прежде чем сигануть в окно, обернулся и добавил: — А ты ничего так, хоть и не ведьма...

Я не успела ничем в него кинуть: под рукой из тяжелого был только мой характер, но им, увы, не запустишь. Обережник, уже бывший, спрыгнул вниз.

А я осталась в комнате, где царил разгром, окутанный серыми тенями рассвета. М-да... Узнала правду. Как бы ее теперь обратно если не спрятать, то хотя бы прибрать.

Подойдя к столу, я замерла в нерешительности. Если этот псих остроухий такой силы чары наложил на простого обережника, то что говорить об охранных заклинаниях, которыми, я чувствовала, так и тянет от стола. Взорвусь ведь, не успев и носа сунуть ни в один из ящиков.

Рыться нигде не пришлось. Я так и стояла спиной к открытому окну, но поняла: что-то поменялось. Неуловимо. Хотя не было ни звука, длинные тени не покинули своих облюбованных мест, не изменили очертаний, в привычные запахи не вплелся тонкий новый аромат. И все же...

Подушечки пальцев зазудели, а спина ощутила взгляд.

— Знаешь, Вир, у меня для тебя две новости, — не оборачиваясь, произнесла я вместо приветствия.

— Начни с хорошей, — отозвался голос, в котором за холодным спокойствием мне послышались боль и отчаяние.

— А кто тебе сказал, что есть хорошая?

Я развернулась и швырнула в альва парализующим заклинанием. Ядреным. И сплетенным ничуть не хуже, чем его аркан подчинения.

Он уклонился. В самый последний момент неуловимым смазанным прыжком ушел вбок, выставив щит. Заклинание чиркнуло по нему и хвостатой кометой ушло в окно. Арх! А ведь это

был мой шанс: ударить близко и внезапно, чтобы противник не успел отреагировать. Но мне не повезло. Слишком быстрый. Слишком сильный. Слишком... альв.

Я не успела опомниться, как он схватил меня. Напротив оказалось его лицо. Непроницаемое, застывшее, с заострившимися скулами. Темные, почти черные волосы упали на глаза, в глубине которых пылало зеленое пламя. Злость. Ярость. Ненависть. То, что он пока держал под контролем, но только пока...

— Все же больше Варлок... — невесело усмехнулась я.

Его руки надежно, словно кандалы, держали мои запястья. Сильное тренированное тело альва было слишком близко. Настолько близко, что я не могла бы сделать глубокий вдох, не прикоснувшись к нему.

— Нари, прошу, не делай глупостей. Дай мне время все объяснить.

— Звучит как «дай мне пару минут придумать правдивую ложь», — зашипела я, пытаюсь вывернуться из захвата.

— Выслушай! А потом можешь хоть боевыми заклинаниями, хоть проклятиями швыряться. Обещаю, что не буду ни уклоняться, ни выставять щиты. Но сначала...

— А давай я сначала тебя хорошенько шибану чем-нибудь потяжелее, а потом с радостью выслушаю, — перебила я.

Мой вариант беседы нравился мне гораздо больше. А что, чародейка, выпустившая пар, вполне готова к диалогу. Жаль только, что к тому моменту желающих ей возразить не остается... Иногда рядом с нею, а иногда — и в живых. Это уже зависит от степени квалификации самой чародейки.

— Нари, я маг, а не герой. — Варлок (все же Варлок!) скрипнул зубами.

— Да? И в чем же принципиальное отличие?

Я тянула время, лихорадочно соображая, что в таком положении могу противопоставить альву.

— В том, что герой часто не особо задумывается, куда бежать, кого спасать, а на кого замахиваться мечом. Если ему приказано стоять под шквальным огнем — он и будет стоять. Даже если рядом окажется весьма перспективный и надежный валун. А маг... маг предпочитает все же разум необдуманным действиям.

— И поэтому, разумный... — последнее слово я выделила особо, — ты обманывал меня. Скажи, ты получал особое изощренное удовольствие, когда был рядом то в одной, то в другой роли?! — Я все же не выдержала и сорвалась на крик.

Он лишь смотрел мне в глаза. Пристально. Неотрывно. И ничего не отрицал.

Ложь. У нее прогорклый вкус, от нее тянет гнилью, она отравляет. Осознание, что тот, кто не был тебе безразличен, просто забавлялся, способно вмиг низвергнуть тебя в самую преисподнюю. Ярость и ненависть вспенились внутри волной, обдав холодом.

На моих запястьях проступил рисунок вен. Алый рисунок. словно по сосудам бежала не кровь, а раскаленная магма. Свечение становилось все сильнее, нестерпимее, и я поняла: не только руки, я вся воплощалась в свет. Не зря символом алхимиков был ослепительный луч, превращающийся в стрелу. Этот дар мог как созидать, так и разрушать.

Запахло паленой кожей, и я поняла: ладони Варлока. А он, будто не замечая ничего, все так же держал мои запястья, не отпуская, не сдаваясь.

— Нари, я не отступлю...

Голос спокойный. Слишком спокойный. Обычно за таким скрывается бездна.

— ...Я не хочу потерять еще и тебя. Только не ту, которую люблю.

Признание — как удар под дых. Как дикий, безумный морской вал, который накрывает тебя с головой, переворачивает, а потом, схлынув, тянет на глубину вслед за собой.

На миг я потеряла концентрацию. И этого оказалось достаточно, чтобы сила, которую я пробудила, вышла из-под контроля. От тела пошла круговая взрывная волна. В голове успела пронестись картина, как воздух, дрогнув, окрасится алой сферой, которая за считанные секунды разрастется до нескольких десятков ярдов. Пройдет, сжигая на своем пути все. И всех. Дядю, Матеуша, Генри, Чейза, Тай, соседей, наглого рыжего Бенедикта...

Этого не случилось. Все закончилось, толком не успев начаться. Полыхнула мертвенно-синим льдистая сфера, внутри которой оказались мы с Варлоком. Моя не успевшая набрать разбег волна пламени врезалась в плетение и... Нас накрыло отдачей. Сила не тронула свою хозяйку, а вот альву... Ему досталось. Одежда тут же обуглилась, я увидела, как под ней черным полыхнули защитные руны.

Я успела заметить «эйваз» — символ молнии, дарующий своему обладателю скорость. А еще «альгиз» — изображение щита. Носитель этой руны мог выдержать яростную атаку немыслимой силы. И «совело» — знак истинного воина. Его обладатель мог сохранять ясный ум в пылу самой жаркой битвы. А еще на носителя «совело» не действовали ментальные чары и внушение.

Нанесение каждой из них — смертельный риск. Если тело и дар мага были недостаточно сильны, то руна его убивала. А те, кто сумел выжить, получали ее дар.

Хватка на моих запястьях ослабла. Я бы сейчас без труда смогла вырвать руки, но... Кем бы этот гад ни был. Сейчас он спас мою семью. От меня.

— Вот что бывает, Нар, если пытаешься держать свой дар взаперти. Рано или поздно он тебе отомстит, — выдохнул Варлок.

Похоже, он не упал лишь из чистого упрямства, которое оказалось сильнее не только законов физиологии, но и здравого смысла. Любой другой на его месте уже лежал бы без сознания от боли: несмотря на защиту рун, обгорел альв знатно. А этот псих... стоял посреди комнаты и улыбался.

Сфера исчезла, оставив после себя выжженную проплешину на полу.

— Теперь ты меня слушаешь? — раздался в звенящей тишине хриплый голос.

— Да, — сглотнула я.

Во рту враз все пересохло. Настолько, что даже этот короткий ответ дался мне с трудом.

— Тогда, чтобы я не сдох во время нашего разговора... Вон там, на верхней полке склянка. Достань ее.

Пока я снимала с полки эликсир, Варлок дошел до кровати и опустился на нее. Точнее — на подкопченное нечто, ныне больше напоминавшее топчан, нежели благородное ложе бабули.

Альв зубами откупорил склянку и щедро плеснул эликсир на ожоги. Жидкость зашипела и запузырилась, а Варлок даже не скривился. Хотя я подозревала, что боль была дикой. Заживляющие зелья редко милосердны. Зато все повреждения затягивались прямо на глазах, оставляя на месте ран тонкую розовую кожу. Наверняка через пару часов она и вовсе станет неотличима от обычной.

Пока Варлок обрабатывал ожоги, до меня с опозданием дошла одна странность... Сначала я громко разбиралась с обережником, бегая не только по полу, но и по стенам. Потом устроила фейерверк с альвом, тоже совсем не тихий. Так почему никто из домочадцев не прибежал на шум?

— Полог тишины. Через него проникал только звук дыхания обережника, изображавшего меня, — словно подслушав мои мысли, пояснил альв.

На моих губах помимо воли заиграла злорадная улыбка.

— Кстати, то, с чего мы начали нашу беседу: вторая плохая новость — у тебя больше нет обережника.

— Я догадался, — усмехнулся альв.

— Догадливый. Я жду твоих объяснений. А то разлегся тут и изображает умертвие... — потребовала я, немного погрешив против истины. Альв все же сидел.

— Где хочу, там и разлагаюсь, — парировал Варлок, а затем посерьезнел. — Прежде чем начну, дай мне свою руку.

— Чтобы меня грызло чувство вины, когда я буду ощущать твои холодеющие пальцы? — уточнила я.

— Чтобы ты не сбежала раньше времени, — заявил Варлок, вдребезги разбив любой намек на сомнительную мелодраму.

— Тогда, пожалуй, воздержусь.

Альв ничего не сказал, но так посмотрел... В общем, руку я протянула. И ее тут же накрыла его ладонь.

ГЛАВА 13

Мы так и встретили рассвет — вместе. Варлок рассказывал о себе. О себе настоящем.

Альв действительно был одним из лучших игроков в громобой. Адептом. А еще — дуалом, сумевшим в мире граней заполучить сразу два дара: магии огня и луча алхимика. И если первый — «поток», то второй — «канат». Варлок отдал предпочтение тому, что сильнее, выбрав стезю воина.

— Ты не сбежал из северной цитадели. — Я не спрашивала, утверждала.

— Да, четыре года назад я вышел из ее стен, став одним из ста паладинов владыки.

— И что же такого произошло, что безупречный воин сделался вдруг адептом-алхимиком?

— Брат. — Всего одно слово, но сколько в нем было всего. Варлок выдохнул и спустя минуту продолжил: — Я не врал, говоря о нем. Леониль младше меня. Ему всего одиннадцать. И чуть меньше года назад его тело начало каменеть. Сначала пальцы рук и ног. Они день ото дня становились все тверже, серея.

— Проклятие? — озвучила я самую логичную версию.

— Нет. — Альв тяжело выдохнул, набрал воздуха в грудь, чтобы что-то сказать, но... Его тело выгнулось дугой, как под пытками. Я почувствовала, как напряглась рука, в которой было мое запястье: его сжало, словно тисками. — Нари, меня сдерживает заклятие молчания, и сопротивляться ему... тяжело.

Тяжело? До встречи с Варлоком я думала, что это вообще невозможно: боль, раздиравшая того, кто рискнул нарушить заклятие, была чудовищной.

Все оказалось просто и страшно. Очень страшно. Пятнадцать лет назад у альвов стали болеть дети. Сначала — один из тысячи. Затем — один из ста. И чем дальше, тем больше. А главное, быстрее. Ранее от первых симптомов до полного окаменения могло пройти десять лет, теперь счет шел на месяцы.

Все начиналось с пальцев. Руки и ноги утрачивали чувствительность, становились все холоднее, серели, твердели. А затем с током крови зараза распространялась выше, подбираясь к лицу, голове, сердцу, которое в конце концов тоже превращалось в камень. Все. Ребенок-альв застывал серой статуей, которая или стояла, или осыпалась мелкой крошкой. Последнее случалось часто.

Я закусила губу. Да уж. Эпидемия — не та новость, которой поспешат делиться с имперцами жители Срединных земель. Тем более если болезнь косит лишь альвов. Этак вроде бы мирный сосед может выждать еще пару лет, а когда раса остроухих ослабнет окончательно, напасть.

— Болезнь — тот враг, которому не страшны самые сильные арканы. Ее не сдержит ни один щит... — Альв жестко усмехнулся.

Он говорил уже ровно. Видимо, отошел от той грани, что отделяла запретное от разрешенного.

— Знаешь, Нари, до того как заболел брат, я не подозревал, что буду жалеть о том, что дар алхимика у меня не столь силен, как огненный.

Варлок сидел на кровати и говорил, не глядя на меня. Только вперед, на мокрую стену, где отпечатался след от его ледяной сферы. Его голос был ровным и слишком спокойным, как у живого мертвеца.

— Ты не похож на тех, кто отступает. Даже перед болезнью, — вырвалось невольно.

Варлок повернул голову. Лучше бы и дальше он продолжал смотреть вперед. Бесновавшееся в зелени его глаз пламя обжигало холодом и болью.

— Я настолько хотел спасти брата, что попытался разобраться там, где потерпели поражение великие алхимики. Найти формулу, способную если не излечить, то остановить болезнь. Даже без экзаменов поступил на факультет алхимиков. Но быстро понял, что наши библиотеки не хранят нужных мне знаний.

Я кивнула. Ну да, это у людей магия крови была в чести. Видимо, сказалось наследие темных магов, предпочитавших кровавые ритуалы.

Мы поняли с альвом друг друга без слов.

— И ты решил перевестись сюда, в один из имперских университетов?

— Нет. Не в один из, а в тот, где самая обширная библиотека с трудами «кровавых» магов. — Варлок чуть сильнее сжал мою руку. — Но имперцы не жалуют альвов. Вы улыбаетесь нам, заверяете в дружбе, но... На официальный запрос о переводе я сначала получил отказ.

Он говорил, а я чувствовала — не лжет. Вот сейчас — нет. Может, потому что сама месяц назад удивлялась: как брат Алекс сумел попасть по программе обмена именно к альвам? С другими расами все было проще, но остроухие были редкими гостями в империи, а уж чтобы пустить к себе — и подавно.

Впрочем, вслух я ничего не сказала, а Варлок продолжил:

— Зато я узнал, что ваш ректор готов на все, чтобы заполучить к себе в команду игрока, способного привести команду университета к победе в чемпионате по громобою. Дело было за малым — мне нужно было лишь стать лучшим игроком. И я стал. За пару месяцев обойдя признанных чемпионов высшей лиги. А эйр Ортридж, в свою очередь, выбил для меня разрешение на обмен.

— Значит, Варлок — это твое настоящее имя?

Сил удивляться у меня уже не было.

— Нет, — огорошил альв. — Это прозвище, которое намертво въелось, забралось под кожу так, что и не отдерешь. А настоящее имя Вирмар Норвуд.

— Пекло тебя побери, я запуталась. Зачем тебе вообще надо было изображать из себя то нормального парня, то озабоченного психа с манией величия?

— Потому что так было проще.

Проще?! Его признание меня убило. Мне захотелось придушить этого гада в ответ. Видимо, сие желание было написано крупными литерами на моем лбу, поскольку Вир поспешил пояснить:

— В образе Варлока мне бы не давали прохода. А мне нужно было разобраться... В столице живут несколько ученых-алхимиков, специализирующихся как раз на болезнях крови, подобных той, которая поразила моего брата. Реши я прийти к кому-то из них в образе Варлока — репортеры мне не дали бы сделать и шага.

— Ректор в курсе? — догадалась я.

— Да. Это было моим условием, чтобы я мог спокойно закончить учебу в образе адепта Норвуда, не отбиваясь от толпы фанаток и репортеров. А выступать за честь университета должен был в образе Варлока.

Слушая альва, я понимала: передо мной либо псих, либо гений. Хотя, может, и то, и другое.

— Хорошо. Отлично. План простой и гениальный. Вот только ты, объясняя его, отчего-то пропустил пункт «поиздеваться над Нарі». Зачем было изводить меня, представая то Виром, то Варлоком? Врать мне, стремиться поселиться в моем доме? — Я вновь почувствовала, как улегшаяся было змея злости приподняла свою лобастую голову, пробуя языком воздух, в котором было разлитое мое раздражение. — Ведь та аллергия — не случайность?

— Да. У Алекс ко мне было слишком пристальное внимание. Абсолютно ненужное и мешающее.

— Ну да, у нее из окна просто так на куст роз не сиганешь... — съязвила я.

— И это тоже. — Варлок скривился, но проглотил шпильку. — А еще ты меня зацепила, девушка-загадка. Я захотел тебя разгадать, ты была для меня головоломкой.

— Зацепила? А кого именно из вас двоих: Вира или Варлока? — Я попыталась вырвать руку. Не зря, ох не зря этот гад думал, что я захочу от него уйти.

— Меня. Просто меня.

Да уж. Для него все просто. А я... Я смотрела на альва и понимала: его нужно узнавать заново, пытаюсь отличить истинное от лицедейства. Ну или послать ко всем демонам. Второй вариант был весьма соблазнителен.

— Сначала я не смог удержаться, как твой сосед. — Я чувствовала на себе взгляд Варлока, испытующий, обжигающий и ожидающий. Что я скажу, какотреагирую. Но я молчала, и альв продолжил: — А в библиотеке, когда услышал, как тебя приглашает на вечер какой-то хлюпик...

— Эш, — вклинилась я. — Этого хлюпика, как ты выразился, зовут Эш. И он неплохой парень.

— Может, и неплохой, — проскрежетав зубами, согласился Варлок. — Но и не хороший! Так вот. Когда я услышал, как хлюпик приглашает тебя... Сам не понял, почему вмешался. А ты меня отшила. Да еще как. В образе чемпиона меня еще так не отбрасывали. Поэтому я решил, что раз ты послала подальше Варлока, то, может, повезет Виру...

— Знаешь, если о везении... От того, чтобы я как следует врезала некоему альву, меня удерживает лишь одна мысль: на тебе только полчаса назад все зажило.

— Если хочешь — ударь, поверь мне, я терпел и не такое. Гораздо хуже ревновать себя к себе же. Когда Вира ты приняла, а Варлока возненавидела.

— Ты псих.

— Не отрицаю. Но ты единственная, кто выбрал меня настоящего, а не образ чемпиона.

— Просто в роли игрока по громобою ты был удивительным говнюком.

— Другие отчего-то предпочитали этого не замечать... — Горькая усмешка искривила его губы. — Другие, но не ты...

Он отпустил мою руку. Больше не удерживал, дав мне право самой выбирать. Не принуждал, не заставлял...

Я могла встать и уйти. И он принял бы мое решение. Откуда-то я это точно знала. Может, потому что только сильные духом способны отпустить тех, кто им дорог, и жить с болью утраты. А слабые будут приковывать тебя цепями и принуждать.

Уже готова была подняться, когда увидела лист. Полуобгоревший, он лежал на краю кровати. И все бы ничего, если бы не одно «но»: формула, выведенная на нем. Это был фрагмент той самой... Символы, врезавшиеся в детскую память. Выпавший фрагмент мозаики, с которым картина обретала иной смысл.

Рука сама собой потянулась к листку. Я так и замерла над ним, впившись взглядом в символы.

Да, я могла встать и уйти. Или же остаться, чтобы выяснить все до конца. И задать вопрос, ответ на который я, кажется, уже знала.

— Что это? — Я развернула лист так, чтобы альв увидел написанное на нем.

— То, что должно было спасти брата, если бы я успел вывести формулу до конца.

— А... нельзя повернуть вспять преобразование? — Сказанное резануло слух, и я поспешила добавить: — Вернуть закаменевших к жизни возможно?

— Я хочу в это верить. Но любые попытки магического воздействия на окаменевших заканчивались тем, что статуи обращались в прах, рассыпались, превращаясь в песок и мелкую крошку.

«Умирали окончательно», — вынырнуло откуда-то из памяти. Словно я давным-давно слышала эту фразу, сказанную маминим голосом.

Так вот над чем работала эйра Эбигейл. И возможно, из-за этого ее и убили. Варлок сказал, все началось пятнадцать лет назад. И тринадцать из них — я сирота.

Слабо верилось в совпадение. И если маму убили из-за формулы, которая могла спасти тысячи жизней, то уйти, сделав вид, что ничего не было, — самое разумное. А потом просыпаться уже

каждую ночь от кошмара. Зная, что за свою безопасность я заплатила жизнями детей, совесть не даст мне спать спокойно.

Альв понял мое молчание по-своему.

— Нари, — он осторожно забрал из моих рук листок, — это не твоя загадка...

Странно, он сказал «загадка», но мне почему-то послышалось «война».

— Да, не моя. Но так получилось, что именно я знаю на нее ответ. Подожди немного. Я сейчас...

Лишь зайдя к себе в комнату за папкой, я узрела в зеркале, в каком неприглядном виде была. Пламя, пощадившее мое тело, к моей рубашке и брюкам «пиетета не питало». Посему одежда скорее напоминала подпалины и дыры, между которыми сохранились островки целой ткани. Пришлось заменить ее на другие штаны и тонкий свитер.

Варлок, видимо, тоже посмотрелся в зеркало. Поскольку, когда я зашла к нему, прижимая к груди бумаги, он уже был в новых штанах и рубашке. Смотреть на него было непривычно: черные, коротко стриженные волосы и челка вместо русого хвостика, без очков, зато с рядом мелких колец на левом ухе. Я украдкой даже посчитала — шесть.

— Что? — настороженно уточнил Варлок.

— Пытаюсь привыкнуть к тебе в таком виде.

— А у меня чувство, что на меня смотрит таксидермист и размышляет, какими опилками начинить мою шкуру...

— Извини, но Вир мне был все же привычнее...

Альв нахмурился и, подняв руку, провернул на ней кольцо. Образ дрогнул и передо мной предстал Вир. Он щурился, как и всякий близорукий, оставшийся без очков.

— Так лучше? — хмуро уточнил альв.

Нет, оказывается, не лучше. Совсем. Теперь, когда я знала, что образ русоволосого Вира всего лишь маска... Однозначно не лучше.

— Нет. К внешности я привыкну. Главное, чтобы ты не вел себя, как озабоченный продлением рода чемпион...

— Например, как Стрела с твоей подругой Алекс? — невинно уточнил Варлок.

У этого альва помимо прочих достоинств был поразительный талант: бесить. Возможно, именно благодаря ему Варлок обзавелся и всеми остальными: ловкостью, быстротой реакции, умением мастерски сражаться. Ибо если ты язва от природы и по велению души, то или ты можешь постоять за себя, или ты труп. А убить Варлока за его ехидство, чую, хотели многие. Но пока в живых был альв, а вот его врагов мне встречать не доводилось.

Варлок вновь принял свой истинный облик и даже засучил рукава, обнажая предплечья, на которых тоже была вязь рун. Я взглянула на него и, подняв глаза к подкопченному потолку, спросила мироздание:

— Интересно, где могла столько нагрешить, что небеса наказали меня такой остроухой язвой?

— А может, ниспослали за благодеяния?

Я прикинула, чем вчера мог закончиться танцевальный вечер, подогретый эликсиром истиной сути... и уверенно возразила:

— Нет, наказали. А теперь я покараю тебя! — с этими словами я протянула альву бумаги.

Спустя два часа мы с Варлоком, сталкиваясь лбами, все еще ползали по полу, раскладывая листки. И альв в полной мере ощутил, что про «покараю» я не шутила. Если у меня, истинного алхимика, мозги кипели, то что уж говорить о том, кто с формулами столкнулся лишь год назад? Как у него еще не распрямились извилины, а серое вещество не начало вытекать из ушей?

Объяснение, откуда у меня эти записи, я придумала вполне простое и логичное: тему

дипломной по преобразованию крови мы с Алекс выбрали давно. Вот я и готовилась к ней чуть-чуть, помаленьку...

— Боюсь представить, что бывает, когда ты готовишься не чуть-чуть, а серьезно, — проворчал Варлок.

— То же, что и у тебя, когда ты решаешь сплести аркан подчинения для обережника, — парировала я.

Альв, прекрасно помнивший, насколько крепким было его плетение, видимо, проникся. И больше вопросов не задавал.

С формулой мы возились весь день, не отвлекаясь на крики домашних. Нас даже никто не побеспокоил. Наверняка решили, что мы уже ушли в университет.

Вечером, когда солнце окрасило багрянцем черепичные крыши окрестных домов, я распрямилась и посмотрела на дело наших рук. Больше ста листов, пожелтевших от времени и кипенно-белых, обгоревших и смятых, исписанных моим размашистым почерком или сдержанно-лаконичным альва, красовались повсюду. На полу, стенах, а парочка — на окне и двери. Но мы все же вывели ряд уравнений. Все они были промежуточными звеньями одной цепи, в конце которой — кольцевая формула, содержащая два кислотных остатка и включения металла.

— Дай мне бумагу и карандаш. — Я не глядя протянула руку, в которую Варлок вложил требуемое и твердую папку.

Я неотрывно смотрела на гармоничный хаос, царивший в комнате. А потом начала записывать итоговое уравнение, не опуская глаз на листок. Рука уверенно выводила символы. Указание последовательности реагентов, условий реакции... Итог уместился в двух строчках. Всего двух!

— Кажется, мы чего-то упускаем... — Я прикусила щеку, а потом решительно замотала головой: — Нет, нужен перерыв. Я на кухню.

Отдала Варлоку лист. Мне он больше был не нужен: все намертво впечаталось в память. Альв же остался в комнате. Правда, ненадолго. Спустя полминуты он уже стоял на пороге кухни. Впервые я видела его таким — не самоуверенным чемпионом, а... понятным. Ради того, чтобы спасти брата, он совершил невозможное. Стал победителем, добился того, что его пустили не только в империю, но и в библиотеку университета. Разобрался с половиной уравнения, меньше чем за год изучив то, на что другие тратят пять, а то и десять лет...

И снова возникла мысль, что я что-то упускаю. Вот только где? В выведенной формуле или...

— Держи свой кофе! — Я протянула кружку Варлоку.

Этот напиток я не любила, но сейчас для уставшего мозга он был лучше ромашкового чая.

— А с чем? — Варлок принялся к кофе, видимо, уловив нотку корицы.

— А с тем!

Буду я еще выдавать секреты своих зелий. И не важно, что в данном конкретном случае речь идет о кофе.

Альв усмехнулся, но выпил все.

— И что дальше? — поинтересовалась я, грея руки о чашку.

— Дальше — приготовить.

Я посмотрела на упрямо сжатые губы Варлока и задала так и вертевшийся на языке вопрос:

— Сам? И где же?

— В университете. Там одна из лучших экспериментальных лабораторий в империи.

Судя по тону, он для себя уже все решил. И плевать, что если его поймают, то могут лишиться магии, а то и жизни. Потому как для опытов с магией крови требуется разрешение... Можно, конечно, попытаться выпросить таковое у куратора нашего диплома... Но на это уйдет время. А как говорил Варлок — чем дальше, тем больше вероятность того, что статуя его брата

осыплется песком.

— У тебя на редкость дурацкий план, — вздохнула я.

— Я знаю.

— Но я с тобой.

— Не сомневался, что ты это скажешь, — усмехнулся альв и отрезал: — Нет. Я не буду тобой рисковать.

— Ну нет так нет... — покладисто согласилась я.

И тут же удостоилась рыка:

— Нари!

Демоны, надо было для приличия поспорить!

— Что ты задумала? — Он навис надо мной скалой.

Казалось, секунду назад альв стоял в паре шагов. И вот я уже пятилась под его взглядом, выставив перед собой кружку с кофе, как щит.

— Что. Ты. Задумала, — чеканя каждое слово, повторил он свой вопрос.

— Спать, — я даже широко и убедительно зевнула, — я же сделала все, что могла.

— Спать? — не веря ни единому моему слову, уточнил Варлок.

— Угу. Клянусь своей силой, — заявила я, честно глядя в зеленые глаза.

Главное, не уточнять, что поспать можно и восемь часов и пять минут.

Отрицание, гнев, подозрение, сомнение, принятие — весь спектр мужских чувств от категоричного «абсолютная ложь!» до «может быть, она не врет?» отразился на лице Варлока.

— Обещай мне, что не сделаешь глупостей, — наконец выдохнул он, умиряя своих внутренних демонов, и взял мое лицо в руки. Бережно и нежно, так, как никогда не делал Варлок, только Вир. — Я вернусь на рассвете.

Поцелуй — касание. Краткий, когда губы на миг прижались к губам, заставляя тело вздрогнуть от неожиданности и тут же податься вперед, чтобы стать чуть ближе. Продлить мгновение.

Варлок спешил, как торопится каждый, кто недавно потерял близкого человека и вдруг получил призрачную надежду его вернуть. Пока еще не поздно. Окончательно не поздно.

— Береги себя, — прошептала я, когда альв, развернувшись, стремительно вышел из кухни.

А у меня на губах остался вкус кофе и корицы, вкус его поцелуя. Пальцы почему-то дрожали. Наверняка — от усталости.

— Я не буду тобой рисковать... — в точности повторила я его тон и скорчила недовольную рожицу. — Да кто тебе позволит.

Нет, я не спору, что университетская лаборатория — одна из лучших. Да и редких, дорогостоящих реактивов там вдоволь. И все подлинные. Например, слезы невинной девы: если покупать их на черном рынке, то велика вероятность обмана. А в лаборатории каждая ампула с сей влагой маркирована с датой розлива и сроком годности. Да и производитель — женский монастырь на острове Эйро-дель-Тор — держит марку и просроченный товар не поставляет.

У Варлока сегодня ночью будет лучшая лаборатория и чистейшие, без единой примеси реагенты. Но вот хватит ли у него опыта и мастерства, чтобы сварить требуемый эликсир? Что-то мне подсказывало, что хватит. Не умения, так упорства.

Но женская интуиция — вещь ненадежная. Ее лучше подкреплять запасным планом, железными доводами и так, на всякий случай, еще арматурой, пульсаром или взведенным арбалетом.

— Мы еще посмотрим, в чьей пробирке осадок быстрее выпадет, — фыркнула я.

Но сначала — поспать. Хотя бы пару минут. Все же я клялась своей силой, а ее мне терять не хотелось. Особенно сейчас.

И только поднявшись на второй этаж, я поняла, насколько устала. Глаза закрывались сами собой, но я отправилась не к себе, а в комнату Варлока. Аккуратно собрала там все листы в папку. Не сказать, что после этого спальня стала более прибранной. Все же когда рядом с окном осыпалась штукатурка и зияет кирпичная кладка, на полу — черный круг копоти, а из непострадавших вещей здесь только моя совесть, говорить о чистоте слегка рановато.

Еще один широкий зевок, и я поняла: надо срочно выполнять клятву — сила внутри начала беспокоиться. Прижимая к груди пухлую папку, я отправилась к себе.

Последней мыслью, когда очутилась на кровати в позе морской звезды, было: «А основательный все же альв поставил на свою комнату полог тишины...» Проснулась я как от толчка, хотя вокруг была вечерняя сонная тишина. Посмотрела на хроносы: спала я ровно четверть часа. Вскочила с кровати и, прогоняя остатки дремоты, помотала головой, как собака, выбравшаяся из стремнины. А потом схватила кристалл связи. Только бы он услышал, только бы еще не ушел.

Вервольф откликнулся не сразу, но главное, что я успела увидеть, — он все еще был в лавке.

— Эйр Чебр, пожалуйста, не уходите, не закрывайте аптеку. Я скоро к вам приеду...

Я вложила в голос столько мольбы и отчаяния, что старик обеспокоенно спросил:

— Нари, случилось что-то серьезное?

Я закусила губу. Тревогу мне не нужно было изображать, она и так бурлила в моей крови.

— Случилось. Зачетная работа, которую я не успела сделать. А сдавать — срочно. Если не принесу эликсир — отчислят. Магистр Мейнхاف и так спит и видит, как бы меня исключить.

А что? Я лгала лишь отчасти. Вот про магистра — так вообще ни разу, ни в одном глазу. И вервольф, поняв, к чему я клоню, нахмурил кустистые брови:

— А не разнесешь тут все?

Аптекарь, как бы он ни старался казаться сейчас суровым, даже не подумал отказать в помощи.

— Чтобы я и разнесла? Да разве только благие вести! — праведно возмутилась я.

— Ну-ну... — хмыкнул вервольф и добавил: — Давай поторопись, егоза! Так и быть, подожду тебя. А то уже хотел аптеку на ночь закрывать.

Я помчалась, перепрыгивая через лужи, не обращая внимания на мелкий, но вьющийся осенний дождь, на редких прохожих под раскрытыми зонтами. Запрыгнула в вагончик, который, скрипя и бухая, помчал по монорельсу.

В лавку эйра Чебра я влетела без одной минуты девять, когда солнце уже окончательно запуталось в своей мягкой перине из облаков и уснуло, а на улицах стали загораться фонари-мандарины, не столько светя, сколько порождая длинные густые тени случайных прохожих.

— Ну давай, адептка, властвуй, — усмехнулся аптекарь, обводя широким жестом свои владения. — И чтобы завтра получила «отлично». Никак не меньше.

У него сегодня было приподнятое настроение. А может, все дело в том, что закончилось полнолуние. На небе только-только родился молодой месяц, что несмело выглядывал из разрывов тучных, словно ватных, облаков.

Вервольф ушел, оставив мне ключ. Я критическим взглядом осмотрела свою «лабораторию». Да, она была небольшой, да что уж там, откровенно маленькой. Стол, вытяжной шкаф, аккуратно расставленные на полках склянки, старая спиртовка, колбы наперечет...

Воспоминания детства, до этого надежно спрятанные в глубинах моей памяти, вдруг каким-то немислимым образом просочились на самую поверхность. Ослепили вспышкой, резанули, словно ножом. Каморка, еще меньше этой, где на спиртовках в колбах кипят растворы, а

газоотводная трубка собирает конденсат. И мама в фартуке из дубленой кожи, очках и толстых перчатках с пробиркой в руках. А рядом с ней — мужчина точно в таком же фартуке.

Сколько мне тогда было? Не знаю. Но я сидела под столом: обзор отчасти закрывали струганные темные и добротнo сбитые доски.

Что это было? Я замотала головой, прогоняя непрощеное видение. Не здесь. Не сейчас.

— Нужно сосредоточиться, — сказала я вслух, — отбросить эмоции.

Рука потянулась к склянке с кровавой мукой. Я тут же отдернула ее. Сначала нужно все рассчитать. До унции. До капли. Достала лист бумаги. Желтая, дешевая, тонкая почти до прозрачности. Карандаш заскользил по ней. В уме словно поселился демон с абаком в руках: мне никогда еще так быстро и легко не давались большие числа.

Лишь после того, как я поставила последнюю точку, позволила себе взять с полок реактивы. Зольная медь и нарийская селитра, за дамасмову пыль завтра эйр Чебр наверняка меня саму в порошок сотрет, но то будет потом, а пока... Пока мне еще были нужны соль Цейсме и раствор болмийской лазури. Да и много чего еще.

Каждое из веществ было тщательно отмерено, взвешено. По щелчку вспыхнули горелки. Забурлил раствор в закрепленных в штативах склянках, газоотводная трубка начала собирать конденсат.

А воздух... Он заискрился от заклинаний: ускорения времени, охлаждения, перемешивания. Я чувствовала себя дирижером, только вместо того, чтобы создавать музыку, я создавала структуру. Простую и сложную одновременно.

Волосы растрепались и сейчас — я это чувствовала — буквально парили в воздухе. Будто я была не на земле, а в океанской пучине. Хотя... магии вокруг было как раз целое море. Моей магии, не сдерживаемой кольцом, которое я так и оставила в комнате Варлока.

В колбу капля за каплей начал стекать эликсир. Если все верно, то он — надежда на спасение целой расы. Если мы ошиблись, то кто-то окончательно умрет, рассыпавшись прахом. Возможно, брат Варлока. Да не возможно, а точно. Его брат рассыплется прахом, и альв не простит этой ошибки. Себе не простит.

Я закусила губу и задумчиво посмотрела на ряд флакончиков. Розовая вода, гламурей, духи, зелья страсти... все эти красивые флакончики венчали затейливые крышечки. Одни — в виде розовых бутонов, то распускавшихся, то вновь смыкавших лепестки, другие изображали пичуг, а третьи — в форме драконьих голов, изрыгающих пламя. «Для привлечения внимания дорогих, — последнее слово эйр Чебр выделил особо, — клиентов».

Я задержала взгляд на голове дракона. А ведь мне тоже снился сын неба. Настоящий. Только он окаменел... Обратился в камень... Каменеющие альвы... И памятник дракону на центральной площади столицы. А что, если украшение знаменитого городского фонтана — вовсе не статуя? А точно такой же... Твою ж преисподнюю!

Громко выругалась, озвучив великую идею всей империи, заключенную в формулу из трех литер. Хотя воспитанная эйра и не должна знать таких слов.

Все это время очевидное было у меня под носом. Я сталкивалась с ним каждый раз, ходя на рынок за продуктами.

— Перейдем к испытаниям... — с этими словами я взяла склянку.

Плотно закупорила эликсир и положила его в холщовую торбу. Быстро навела порядок, шагнула за порог.

Улица была тихой, безлюдной. Ее затянула дымка вязкого тумана, в которой плавали огни фонарей. Страх ласково подошел ко мне со спины, обнял за плечи, обвил лодыжки щупальцами болотного спрута. Он шептал о том, что эта попытка тщетна. О том, что мне ничего не изменить. Страх тихо и проникновенно увещевал: прошлое, как восставший из трясины мертвец, который почуял свою добычу — меня. И уже идет по следу.

Я сглотнула. Дрожащей рукой закрыла дверь аптеки. Сделала шаг по холодной, мокрой от вновь заморосившего дождя мостовой. Звук гулко разнесся по пустынной улице, оттолкнулся от стен домов.

— Я не боюсь. Я справлюсь, — повторила тихо, для себя. Это было мое заклинание, моя мантра.

То ли оно помогло, то ли, быстро перебирая ногами, я и вправду сумела убежать от страха. Но предчувствие неумолимо надвигающейся беды отступило. Не ушло, но спряталось за углом. Притаилось в тени.

Крепче перехватила перекинутый через плечо ремень сумки и припустила вниз по брусчатой мостовой. Вперед. Туда, где плескалась вода, а в круге огня стоял он — когда-то живой, а теперь окаменевший дракон.

Подворотня, улочка, проспект. Сквер, набережная Кейши. Река сегодня была беспокойной и плескалась, билась о гранит. Еще одна улица, квартал Брокеров и, наконец, рыночная площадь. Сейчас, в ночной мгле, она показалась мне погостом: столько же в ней было жизни. Или, может, все дело в том, что я знала ее другой? Бойкой, суетной, веселой, крикливой?

Я выдохнула: почти на месте. И только когда добралась до фонтана, задумалась: как? Как залить зелье в дракона? Я смотрела на каменного зверя, задрав голову. Три этажа, не меньше. Еще он окружен водой (холодной, кстати, водой) и кольцом огня. Интересно, архитекторы знали или догадывались о природе скульптуры, раз решили обнести ее своеобразным рвом? Или просто случайность?

Я зло усмехнулась: ну что же, на каждую тщательно продуманную случайность судьбы стоит отвечать аналогично — нелепостью. Именно с такой мыслью я и стянула сапоги. А потом в штанах и свитере прыгнула в воду.

Думала, что неглубоко. Как бы не так. Фонтан был коварным. Холодный на поверхности, в глубине он оказался просто ледяным. Когда ноги достигли дна, на поверхности осталась только моя макушка. Да и то лишь потому, что я встала на носочки.

Да уж. Если бы я не умела плавать, то проблем бы прибавилось. Но я как знала, что судьба преподнесет мне подобный подарок, и подготовилась. Лет этак двенадцать назад, случайно упав в Кейшу. Собственно, так и освоила стиль «по-дворянжьи», опытным путем уяснив, что «топорик» — это, конечно, эффектно, но не способствует здоровому образу жизни. Да и вообще — жизни в целом.

Оттолкнулась ногами и в дюжину гребков доплыла до кольца огня. Поднырнула, едва не потеряв ориентацию от холода, который проник в каждую клеточку тела.

Когда вновь вдохнула воздух, отфыркалась и открыла глаза, то обнаружила себя у подножия дракона. А дальше началось восхождение. Я цеплялась, соскальзывала, ругала сквозь зубы на чем свет стоит свою дурь и «гениальный» план, заодно прошлась по Варлоку, чтобы ему икалось, и снова карабкалась.

Хроносы пробили ровно три раза, когда я добралась до разъявленной драконьей пасти. Цепляясь одной рукой за морду ящера, второй нашарила в сумке склянку. Зубами откупорив пробку, влила зелье. И... ничего.

Статуя не рассыпалась прахом, но и признаков жизни не подавала. Стуча зубами от холода, я пыталась понять, в чем дело. Либо это неправильный дракон, либо что-то не то с зельем, либо я все-таки сошла с ума и приняла обычный памятник за то... За что хотела принять, за то и приняла.

Балансируя, закупила склянку, засунула ее обратно в сумку и уже хотела начать свой не менее героический спуск, как рука соскользнула.

Не сорвалась лишь чудом. Зато здорово рассекла ладонь о клык ящера, пока пыталась залезть обратно. Кровь лила сильно. Пришлось даже останавливать ее заклинанием.

А дракон... Дракон ничего. Как стоял каменным истуканом, так и продолжал стоять. Выходит, он — статуя древних эпох. Варлок же говорил, что если влить в окаменевшего не то зелье, то он рассыплется прахом. А ящер... не изменился. Значит, это просто моя богатая фантазия.

Домой я вернулась через час. Злая, замерзшая, хлюпающая носом и осознающая, что в мою голову гениальные мысли приходят мгновенно, но очень долго потом плутают там в поисках разума. Вот и сейчас до меня дошло, что идея со сном была удивительно здоровой. Главное — нужно ее было осуществить до конца. До логического восьмичасового конца. А не кастрировать до пятнадцати минут. Жаль, что это я поняла лишь с приходом утра и простуды.

Правдивость выводов подтвердил оглушающий чих, который разнесся по прихожей.

ГЛАВА 14

Я успела переодеться, выпить горячего чаю и согреться, прежде чем в голову полезли мысли, от которых хотелось избавиться.

Варлок... Он же получил то, что искал. Что ему мешает сейчас вернуться обратно? Ответ напрашивался сам собой — ни-че-го. Совершенно. Зелье окажется верным. Дети смогут исцелиться. Альв у себя на родине и так герой и чемпион.

Здесь его ничего не держит. Зато в Срединных землях — слава, почет и целая толпа поклонниц, каждая из которых — помани альв ее пальцем — с радостью падет в его объятия.

Где-то в чулане был призрак Йоко. Его заунывная рулада вторила моим грустным мыслям.

На втором этаже, а затем и на лестнице раздались легкие шаги. Я обернулась. По ступеням сбегал Варлок.

Не иначе как уже по привычке он зашел (а если точнее — залетел через окно) и теперь спускался вниз со второго этажа. Альв выглядел уставшим, но счастливым.

— Получилось, Нари. — Он выдохнул, стремительно преодолев разделявшее нас расстояние. Обнял, заключив в кольцо своих рук. И не вырвешься. Впрочем, я и не пыталась. — Все благодаря тебе.

Я подняла на него взгляд. Видимо, что-то в нем было такое, отчего Варлок нахмурился:

— Что случилось?

— Я думала, ты уже не придешь... — прошептала я. Не успела ничего объяснить, альв и так все понял.

— Нари, даже не надейся, что я исчезну.

Хотела что-то возразить и даже набрала воздуха в грудь. Варлок оказался быстрее. Опять. Всегда. Мой рот закрыли поцелуем. Наверняка чтобы не говорила глупостей, а совершала их. Это было безумство, в которое шагаешь резко и с обрыва. Волна огня, сплошная стена пламени, сминающая, сметающая, покоряющая себе. Но, самое главное, мне не хотелось сопротивляться.

Его пальцы танцевали на моей спине, мои — вцепились в его плечи, чтобы не упасть. Сумасшедший поцелуй, отчаянный. Мы не могли остановиться, насытиться друг другом.

Я чувствовала откровенное желание Варлока: в его прикосновениях, поцелуях, дыхании, напряженном теле. Он хотел большего. Здесь. Сейчас.

Не знаю, как ему удавалось сдерживаться, потому что я не могла, с головой погружаясь в удовольствие от его ласк. Тихий стон слетел с моих губ, тело непроизвольно выгнулось, прижимаясь еще ближе.

— Нари, — голос Варлока был хриплым, когда он все же смог оторваться от меня, — я хочу, чтобы ты стала моей...

Не дослушав, я лишь кивнула. Варлок явно садист. Или мазохист. А может, и то, и другое. В такой момент отстраняться, чтобы спросить? Но, как оказалось, главное удивление ждало меня впереди.

— ...единственной. — Он провел пальцами по моим распухшим от поцелуев губам, спустился ниже, туда, где на груди переплелись шнуры двух талисманов: маминого дара и багряной капли — «Созвездия душ». Второй, точно такой же, выглядывал из расстегнутого ворота его рубашки.

Камни синхронно ярко вспыхнули, после чего нам на плечи легла лиловая дымка, превратившаяся в нить лишь затем, чтобы истаять.

— Я не это имела в виду!

Поняв, что альв только что почти обманом заполучил согласие на брак, я разозлилась. Слегка. На дюжину смертельных проклятий.

— Просто так было быстрее всего, — ничуть не устыдившись содеянного, ответил альв.

— Я, между прочим, хотела как минимум полгода помотать тебе нервы, — вырвалось у меня исключительно из природной вредности.

— Я именно так и подумал. — Альв был непрошибаем. — Ты это вчера потеряла у меня в комнате... — Он надел мне на палец кольцо.

Мое! То самое, что сдерживает уровень дара. Вот только с пальцем ошибся.

— Кажется, у людей, когда просят руки девушки...

— Вар... — перебив, начала я.

Прокатив имя по языку, я поняла, что так — да, именно так! — я хочу называть альва. Не Варлоком. Нет. Это имя напоминало мне железную окалину, от него веяло спекшейся кровью и непроглядной тьмой. И не Виром, чье имя было рассветной дымкой, иллюзией. Вар. Только Вар. Выдохнула, собрав все свое мужество, и продолжила:

— Я хотела сказать...

Договорить не успела. Спящий дом огласил крик. Уверенный, не терпящий возражений:

— Именем императора, открывайте!

Удары кулака, наверняка усиленного магией, сотрясали дверь.

— Какого арха?! — воскликнула я.

И почувствовала, как сильная рука отодвигает меня за спину. Как выяснилось в следующую секунду — самое надежное место в этом доме.

Дверь вынесло, а следом за ней в гостиную, где мы стояли, ворвался пульсар и зашипел, встретив на своем пути щит альва.

— Нари, запомни: ты ничего не знаешь о формуле, — холодный четкий голос, так, чтобы слышала только я. — Для твоей же безопасности.

Я не успела ничего ответить. Прихожую ослепила вспышка. Видимо, у жандармов были свои, особые арканы и заклинания, а может, альв просто потерял концентрацию и не удержал щит... Заслон лопнул, и меня ударной волной откинуло назад, протащило по паркету.

— Взять его! — короткий приказ, который исполнили мгновенно.

К альву подскочили двое, заломили ему руки. Я, отброшенная волной силы к дальней стене, так и застыла. Наверху послышался топот: гостиная, в отличие от спальни альва, не была накрыта пологом тишины. И выбитая дверь, да и крики разбудили и близнецов, и Тай, и дядю с Матеушем. Матеуш первым оказался на лестнице в колпаке и с рыжим котом под мышкой. На секунду запоздали Генри и Чейз, за ними — всклоченный дядя Моррис с долотом. Последней выскочила Тай, зато в каждой руке у нее было по боевому аркану, а за плечом маячил зомби со взведенным арбалетом: младшенькая слегка вооружилась.

Альв не сопротивлялся. Ни когда на нем застегивали наручники, ни когда выводили из дома.

— Молодец, что решил сдаться. А то и угробить кого мог, — одобрительно крикнул один из жандармов, но тут же поправился: — Ну или мы тебя — упокоить.

Только после этих слов я поняла, почему Вар не стал сражаться. У него были все шансы отбиться: я видела его на арене. Но он не хотел, чтобы пострадала я.

Законников, к слову, набилось в гостиную изрядно. Я, насчитав с десяток, плюнула на это неблагодарное дело. Главное, что сейчас вокруг было больше дюжины смертельных арканов. Даже воздух вокруг от них похолодел настолько, что на окнах зазмеился иней.

— Что здесь происходит? — прогремел голос дяди, который решительно спулся по лестнице. На кончиках его пальцев клубилась тьма.

— Арест. И не советую вам применять магию, эйр Росс! — Чуть надтреснутый голос штормовой волной разнесся по гостиной, ударился о стены, зазвенел в подвесках люстры. — Вирмару Норвуду, адепту, приехавшему в империю по обмену, вменяют шпионаж, а также

похищение, отнятие дара и ограбление ювелирной выставки.

Эти обвинения тянули на смертную казнь. Причем не на одну, а минимум на пять. Мне стало страшно. До дрожи в коленках и холодного пота. Горло враз пересохло. А потом захотелось закричать, кинуться на помощь... Но, если я поведу себя, как всполошенная курица, ко мне и отношение будет, как к насадке.

— Капитан Уилс, — между тем, блюдя протокол, представился жандарм, невзначай откидывая полу пиджака.

На поясе у законника висел ряд метательных звезд. От таких не уклониться и не отбить заклинанием. Они были созданы с одной лишь целью — убивать магов. И у тех, кому их вручают, не дрогнет рука, когда сверкающее пятилучие отправится в свой полет. Как это символично: эмблема жандармерии — тоже звезда. Словно власть больше всего боится именно магов. Хотя не только законники носят подобное оружие. Его еще очень любят наемники...

Дядя тоже заметил звезды. Остановился, тяжело дыша и усмиряя гнев, втянул обратно силу хаоса, что окутывала его кулаки. Генри и Чейз выжидали наверху. Позы — напоказ расслабленные. Но боевые маги всегда славились умением обманывать противника.

Между тем капитан продолжил:

— Мы забираем вашего квартиранта до судебного разбирательства в тюрьму Тетрос.

— Что-о-о? — Крик Тай заставил вздрогнуть абсолютно всех.

Тетрос — тюрьма, из которой редко возвращались живыми, целыми и подавно.

— Дар некромантии? — полувопросительно уточнил Уилс, повернувшись уже к кухне. Ряд звезд вновь скрылся под твидом. — Не стоит его применять столь неосмотрительно. Я могу расценить это как попытку нападения на стражей закона.

Я заставила себя подняться. Не время для истерик. Покричать и порыдать я могу потом, а сейчас нужно было действовать.

— Покажите ордер на арест, — жестко отчеканила я, припомнив курс юриспруденции. Вмешалась я как раз вовремя: младшенькая отчасти пришла в себя и готовилась разразиться возмущением. Она уже сжала кулаки и набрала в грудь побольше воздуха — наверняка для отповеди. Праведной и громкой. Вот только эмоциями нынешних визитеров не проймешь.

Сама же я, наоборот, попыталась успокоиться и взять не к месту разбушевавшийся дар под контроль. Под въедливым взглядом Уилса захотелось съежиться, превратиться в серую мышь и юркнуть в нору. И как только у него получается так смотреть? Специально, что ли, перед зеркалом каждый день тренируется? Или курсы какие у них в жандармерии?

— Вот, — раздался откуда-то сбоку голос еще одного жандарма.

Он достал из кармана мундира сложенный лист и развернул его, зачитав казенную формулировку. А потом показал мне бумагу, заверенную несколькими подписями и магическими печатями.

Из нее выходило, что Вирмар Норвуд обманным путем проник в империю, дабы вести шпионаж и выкрасть алхимическую формулу, являющуюся собственностью империи. Когда я читала эти строки, мне стоило немалых усилий, чтобы сдержать себя.

Я, ошарашенная, отдала бумагу жандарму и тут же услышала:

— А теперь, эйра Росс, прошу следовать с нами в участок для дачи показаний.

Я лишь кивнула. Путь до тюрьмы Тетрос, расположенной недалеко от рыночной площади, я запомнила слабо. Лишь когда вышла из магомобиля, в память отчего-то врезалась арка. Дверь в мир граней слабо мерцала. Между ее столбов то и дело проскакивали грозовые разряды, напоминая, что сейчас через нее проходить не стоит.

Но потом и о ней я позабыла, когда заскрежетали ворота, чья ажурная ковка лишь казалась кружевом. На самом деле на ней было столько заклятий, что не оставалось ни единого шанса ни выбраться, ни проникнуть.

Коридоры широкие, безликие, освещенные газовыми рожками. Двери. Множество дверей.

Альва я больше не видела. Зато лицезрела капитана Уилса, от которого меня уже тошнило.

Когда он ушел, сообщив, что мой допрос будет вести сам глава департамента, я выдохнула с облегчением. И... поперхнулась вдохом, увидев, кто вошел следом.

Эйр Лейрин. Отец Алекс. Тот, кого я знала давно. В чьем доме я не раз бывала. Абсолютно седой, высокий, с повязкой, скрывавшей левый глаз. Вернее то, что оно не было. Из-под ткани виднелся шрам, расчертивший щеку начальника следственного департамента.

— Здравствуй, Найриша...

Спустя час я не могла не признать, что версия эйра Лейрина была логичной, стройной и до отвращения похожей на правду. А еще она отлично объясняла то, что меня царапнуло в рассказе Варлока и чему я не придавала значения. Альв говорил, что поступил в университет в том году, но при переводе оказался сразу на пятом курсе. К тому же его знания... было ощущение, что его готовили как узкого специалиста. В магии крови он разбирался отлично, но совершал ошибки в азах алхимии, не касавшихся эликсира.

— Его готовили как шпиона. Алхимия. Боевая магия. Иллюзия и лицедейство. Психология и эмпатия, чтобы расположить к себе любого. — Каждое слово Лейрина было сродни гвоздю в крышку гроба. — Ты понимаешь, Найриша, что он всех нас использовал? Даже меня провел...

Я молчала. И смотрела на дело альва, которое было толщиной с кирпич. Каждая страница в нем свидетельствовала: Вирмар Норвуд — шпион, покушавшийся на собственность империи. И все же... верить не хотелось.

— Нари, — голос эйра стал настолько мягким и доверительным, что я вся внутренне собралась, — прошу, давай сотрудничать. Помогни следствию.

Сердце глухо ударило о ребра. Для него я все еще была серой мышкой, с которой невесть почему-то сдружилась его дочь. И это был мой шанс.

— Но ему ведь не удалось выкрасть формулу? — Я посмотрела на седовласого эйра с надеждой и испугом.

— Ему удалось большее: ее уничтожить. А ведь над ней работали тринадцать лет лучшие умы алхимии!

Я насторожилась и, словно балансируя на канате, натянутом над пропастью, задала следующий вопрос:

— А что должна была принести эта формула? Какое благо?

Как ни умел держать себя в руках эйр Лейрин, но я увидела в его взгляде изумление. Он ожидал какого угодно вопроса, только не такого. Это длилось краткий миг. А затем на лице главы департамента вновь воцарилась невозмутимость.

— Не благо, — резко возразил он. — Скорее проклятие. Это была формула нового оружия. Того, которое было бы способно сдерживать агрессию нашего врага. — Слова звучали уверенно и чеканно. — Правительству не разглашает информацию, но наши соседи уже несколько лет готовят план нападения на нашу империю...

Чем дальше и убежденнее говорил седовласый эйр, тем большую злость я испытывала. Если девушка выглядит приличной, тихой и скромной, это еще не означает, что она клиническая идиотка. Меня же пытались провести, как соплячку. Дурочку, которой можно навешать на уши сколько угодно лапши. Но надо отдать должное — та лапша была отлично приготовлена и подана под нужным соусом.

Но эйр Лейрин не учел одного — я знала об истинном предназначении формулы. А теперь благодаря его словам все встало на свои места.

Тринадцать лет назад моя мама работала над формулой, которая должна была победить болезнь. Вот только недуг был у альвов, а не у имперцев. Если обо всем этом узнало наше правительство, то оно могло использовать формулу как рычаг, способ шантажа целой расы. А то, что в результате пришлось убить одного ученого, — ерунда. Тем более что она слабая женщина. И, возможно, сейчас передо мной был тот, кто отдал приказ.

Но тогда наемники не нашли формулы. Иначе они не пытались бы все эти годы отыскать меня через сны.

— А в чем еще, помимо шпионажа, виновен Варлок? — Я вклинилась в речь начальника департамента.

— В отнятии сил у верховного алхимика, вандального нападения на выставку знаменитого цверга-ювелира, похищении мастера-артефактора.

Он еще не договорил, а я уже вспомнила статью в новостном листке, посвященную исчезновению последнего. Пропавший маг специализировался на хранах знаний — кристаллах, способных принимать информацию на расстоянии и записывать ее. Репортер писал, что исчезнувший маг совершил прорыв в артефакторике.

«Ты — ключ», — прозвучал в ушах голос мамы. Она не успела тогда сказать, пояснить. А я... Я только сейчас поняла, что все эти годы носила на груди то, за чем охотились разведки двух империй.

Дар бесновался внутри. Рвался крушить, рвать и метать, сжигать и мстить. Из-за демоновых политиков тринадцать лет назад я лишилась всего.

Капля-амулет, подаренная Варлоком, вспыхнула на груди ярким пламенем, тело окатило волной боли, от которой я зашипела. Откуда-то пришло осознание: сейчас, именно в этот момент альва пытаются.

— Занятно, — протянул Лейрин, гипнотизируя взглядом амулеты, висевшие на моей шее.

Я могла поклясться, что теперь он видел отнюдь не безобидный янтарь, под который маскировался мамин прощальный подарок. А затем посмотрел выше. И в его глазах я прочла свой смертный приговор.

Живой я из этой комнаты уже не выйду.

Но в моих силах сделать так, чтобы отсюда вынесли два трупа. Плавный, тягучий шаг в мою сторону. Лейрин двигался как песчаная змея, приближаясь неотвратно. Я, не разрывая зрительного контакта, боясь, что если отвлекусь хоть на миг, то он кинется, встала из-за стола и попятилась.

Стена, холодная, шершавая, вырезалась в спину: отступать больше некуда.

— Знаешь, Найриша, свою карьеру я начинал как полевой целитель, — тихо сообщил он, снял мундир и начал закатывать рукава рубашки. — Потому, если потребуется, на теле своего врага я могу магией разорвать каждый мускул, попутно назвав его на латынории. Или, например, вскипятить ему мозг, при этом интересуясь, начать ли с мозжечка, тимуса или эпифиза... — Он говорил проникновенно и вкрадчиво, запугивая. И не сказать, что безрезультатно.

Но если тебя прижали к стене, ты можешь либо покориться демонам своего страха, либо сразиться с ними. Я выбрала второе.

— Знаете, эйр Лейрин, если вы предлагаете мне услуги врачевателя, то я, пожалуй, предпочту некроманта.

— А кто сказал, что речь идет о тебе, девочка? — жестко усмехнулся он. — Вернее, только ли о тебе? Если альв был так глуп, что обзавелся привязанностью... Это его вина и мое преимущество. Интересно, сколько он продержится, видя, как ты умираешь? А может быть, ты расскажешь все сама?

При его словах в мозг словно вонзилась игла.

— Открой хран и отдай мне его. — Протянутую ко мне ладонь я увидела через пелену боли.

На груди вспыхнул подарок Варлока: ослепительно сильно, нестерпимо ярко, залил всю комнату карминово-красным. На губах я почувствовала вкус собственной крови, которая отдавала жженым железом. Но даже в таком состоянии, на грани потери сознания, когда плавилось и горело все тело, до меня дошел смысл сказанного: Лейрин не мог сам забрать мамин амулет. Значит, просто надо выдержать. Потому что пока я терплю боль, сопротивляюсь, я живая. А как только сдамся, соглашусь — это и будет моя последняя секунда.

— Не упрямясь, ну же. Открой мне его.

Я кивнула. Боль схлынула так резко, что я подавилась вдохом. Закашлялась, сгибаясь

пополам. Казалось, легкие готовы покинуть мое тело через горло. Тело раздирало изнутри. А еще дико, до одури хотелось пить.

Волосы, мокрые, прилипли к скулам, шее. Я подняла голову, и наши взгляды встретились. Довольный — начальника и мой — полный ненависти.

В моем кулаке, прижатом к животу, разгоралось заклинание. Иногда, чтобы убить, не нужно сложных пассов и моря силы. Достаточно острой иглы. Главное, чтобы ее острие было смазано ядом. Лейрину-магу хватит и чернокнижного проклятия, главное, чтобы я смогла оцарапать кожу. Заклинание чернокнижников, из тех, за которые лишали дара и отсекали голову на плахе... Я никогда не думала, что оно мне понадобится. Но сейчас...

Дверь в допросную снесло с петель и раскрошило о стену в тот миг, когда я, распрямившись, была готова бросить в Лейрина проклятие. Потеряла концентрацию, и оно черным туманом тут же растворилось в воздухе.

Правда, я на это уже не обратила внимания. Я была занята другим: спасала свою шкуру, потому как в меня полетело пламя. Нас с начальником департамента разделяла всего пара шагов, всего доля секунды, за которую он принял решение: уничтожить меня вместе с формулой, но не позволить, чтобы она досталась вырвавшемуся от палачей альву.

Я не успела даже закричать, жар огненных языков облизал мое тело, дыхнул смертью, но путь самому пламени успел преградить щит. В паре дюймов от моего лица выросла прозрачная преграда. Не толще стенки мыльного пузыря, но по ней пробегали разряды, словно подтверждая: преграда хоть тонка, но прочна.

Словно замороженная, я смотрела на этот заслон, который Варлок успел выставить за краткую долю мига до того, как я должна была сгореть.

А за языками беснующегося пламени в альва полетел град смертельных заклятий. Услышала топот ног и крики, раздавшиеся вдалеке.

— Нари, беги, я их задержу! — услышала сквозь треск арканов и пламени знакомый голос.

В ту же секунду огонь спал, а щит лопнул. Варлок давил эйра волной силы. Чистой сырой силы, искрящейся, бьющей потоком из его раскрытых ладоней. Тесня начальника в угол. Тот отбивался, удерживая аркан поглощения одной рукой, другой кастуя заклинание.

Идиотка бы на моем месте закричала, что никуда без любимого не побежит, практичная — припустила бы во все лопатки, но я была ни той ни другой. Скорее — неожиданной. Потому и сделала подлость, которой обычно от мага в бою не ожидают: вместо того чтобы применить заклинание, я использовала законы физики. Ну а точнее — ударную силу здорового дела о шпионаже некоего Вирмара Норвуда. Тяжелая папка весила ничуть не меньше булыжника. И полет ее был недолог, закончившись приветственным поцелуем в чело начальника департамента. Он, не ожидавший такого приветствия от судьбы, слегка растерялся и утратил контроль над арканом. Лейрина тут же впечатало в стену так, что обвалилась штукатурка, оголив кирпичную кладку. Специалист по древней латынории, врачеватель и начальник департамента ныне был мертв хотя бы потому, что живых с разможенным черепом я еще не встречала.

— Спасибо, — произнес альв, видимо, сам не ожидавший, что все так закончится.

— Пожалуйста, — нервно ответила я и, не иначе как проглотив духа-говоруна, затараторила: — Вот всегда считала, что в магической дуэли главное вовремя ударить по темечку сзади обухом наколдованного топора.

— Только не говори этого составителю дуэльного кодекса, — пошутил Вар, успокаивая. Наверное, догадался, что словесный поток — вариация истерики.

— Не поймет? — уточнила я. Уловка альва сработала — я переключилась.

— Может быть хуже: возьмет на вооружение.

Варлок выглянул в коридор и тут же отпрянул обратно. Вовремя — тут же в то место, где только что маячила его голова, ударил пульсар.

— Сдавайтесь! Вы окружены!

— Сдаемся! — спустя пару вдохов отозвался Варлок совершенно серьезным тоном. — Только

штаны натяну после прелюбодеяния на столе. А то как-то неудобно со спущенными выходить.

У жандармов, уже готовившихся брать нас штурмом, случилась заминка: голос альва был абсолютно серьезен, а вот смысл... Даже мне захотелось придушить гада, который и на смертном одре не удержится от шуточек. Но когда Варлок прижал ладонь к стене, по которой тут же начали змеиться ледяные узоры, я поняла: он просто тянул время.

Пара секунд заминки жандармов — и вот уже не только стена, отделявшая коридор от допросной, заледенела, но и внешняя, толстенная и наверняка напичканная кучей заклинаний. Иней мгновенно метнулся дальше, захватив дальний угол. А через секунду и на месте вынесенной ударом двери выросла мощная ледяная преграда. Она, конечно, не остановит преследователей, но слегка задержит.

Но и мы оказались заперты в ловушке: ни окна, ни какого-нибудь лаза... Вентиляционной решетки — и той не было. Но альва это не смутило.

— Нари, встань за мою спину, — скомандовал Вар.

Говорить дважды ему не пришлось. Мгновение — и я оказалась зажата между спиной альва и стеной, за которой в коридоре бесновались жандармы.

А еще через секунду почти одновременно грянули сразу два взрыва. Пол дрогнул под моими ногами, рот и нос при попытке вдохнуть забило пылью, а я вцепилась в Вара. Сбоку от нас разбилась ледяная препона, брызнув крошечным сосулек. Но главным было не это. Два взрыва — Варлока и жандармов сделали то, что не смог бы один. Та самая внешняя стена, хорошенько замороженная Варом, рухнула вместе с куском коридорной стены и покрытым инеем углом, взметнув облако ледяной пыли. Из пролома дохнуло холодом осенней ночи.

Варлок обернулся, схватил меня одной рукой, другой запуская в жандармов, показавшихся в бывшем дверном проеме, арканом «жнеца боли» и, оттолкнувшись от пола, вылетел в проделанную им дыру.

Такого наглого и громкого побега тюрьма Тетрос за свою историю еще не знавала.

Нам вслед полетели пульсары и огненные шары. Но разве тот, кто каждый день на арене сражается, отбиваясь от преследователей, и побеждает, не сможет от них уклониться? Именно так думала я. Зря.

Беда всегда ждет, когда ее удар окажется самым сильным. И наносит его в тот момент, когда ты уже поверил в чудо.

Тело альва дрогнуло, когда до рыночной площади оставался всего один квартал.

Мы упали на брусчатку рядом с воротами в мир граней: недалеко успели улететь. Наши сплетенные тела перекатились по холодным камням мостовой, и тут же сверху ударило заклинанием. Яркая вспышка, от света которой я почти ослепла. Альв вскочил на ноги и выставил в ответ поток Ронро, способный сровнять с землей целый дом.

— Нари, беги, — бросил из-за плеча Вар, не оборачиваясь. — Прошу, — словно почувствовав что-то, добавил он.

По альву пришелся еще один удар, и он вынужден был выставить еще один щит. Жандармов было много. Слишком много на него одного. Они парили на грифонах, атаковали с земли. Я увидела, как по спине Варлока растекается кровавое пятно.

— Нари, меня скоро схватят. Продержат в тюрьме, но не убьют: я слишком ценный пленный. — Он говорил уверенно и четко, чтобы я его точно услышала и все поняла. — Спустя пару месяцев дипломаты договорятся об обмене меня на какого-нибудь имперского шпиона. Но это только если я ничего не скажу на допросах. — Он выдохнул и добавил: — Нари. Я выдержу любые пытки, если буду знать, что ты в безопасности. А если начнут шантажировать твоей жизнью... Поэтому беги!

Я сорвалась с места, помчалась под прикрытием его щитов вниз по улице. Туда, где не было еще жандармов. Снова. Как тринадцать лет назад. И опять за моей спиной остался тот, кто мне дорог.

Рев, раздавшийся впереди, покрыл собою весь город. Вздогнули стекла в окнах домов. Взволновалась под ногами мостовая. Впереди в небо взметнулось пламя, а следом за ним, будто фанфары, — грохот камней.

ГЛАВА 15

Я увидела Его. На черной, как первозданная тьма, чешуе отражались всполохи огня, лобастая голова, увенчанная гребнем, шипастый хвост, кожистые крылья... Все-таки это была не статуя. Дракон. Ныне — живой, молодой, свирепый дракон, пробудившийся ото сна.

Глядя на то, как на меня надвигается гигантская туша, я на миг замерла. Справа — ратуша, слева — брокерский дом. Ни подворотни, ни проулка, куда бы свернуть. Позади — жандармы. А в голове — единственная мысль: «Я не учла массу!» Самая идиотская мысль из всех возможных. Но почему-то именно она с настойчивостью отчаянной мухи зудела в мозгах. О том, что, вливая в глотку ящера эликсир, я не учла его размеры. И сейчас передо мной предстал результат эксперимента. Удачного, как ни прискорбно.

Я приготовилась. Мое тело было словно сжатая до предела пружина. Удар сердца. Второй. Третий. А потом я сорвалась арбалетным болтом, побежала вперед. Шанс проскочить между лап дракона был. Небольшой, призрачный, но все же.

Вот только сзади грянул взрыв. Не просто большой, гигантский. Меня волной отбросило прямо под брюхо дракона, протаскивая по брусчатке, впечатав в чешую на когтистой лапе ящера.

Но я смотрела не на черные пластины дракона, не на его когти, каждый из которых был больше меня. Нет. Мой взгляд был прикован к тому месту, откуда я прибежала. Там полыхал магический огонь.

Кровавое зарево осветило едва ли не всю столицу.

Варлок солгал... Осознание этой простой истины накрыло меня, как секунду назад — тело дракона. Альва никто не стал бы оставлять в живых и обменивать. Только уничтожить. Чтобы спасти меня, он соврал, придумал на ходу небылицу, в которую я поверила и убежала.

Я судорожно вытащила амулет, подаренный альвом, до последнего веря: он каким-то чудом спасся. Но нет. Та алая искра, что еще вчера мерцала рубиновым светом, была пуста. Камень вновь сверкал белым. А это означало только одно: того, кто пролил на него каплю своей крови, больше нет.

Из моего горла вырвался крик отчаяния и боли. И ему вторил рев дракона, будто ящер делил невыносимую боль со мной.

«Почему будто? — раздался в моей голове незнакомый, чуть удивленный тенор. — Ты моя сестра, и я чувствую горечь твоей утраты».

— Сестра? — пораженно произнесла я вслух.

«Та, что добровольно отдала мне свою кровь, даровала исцеление — моя сестра, — вновь зазвучал в моей голове голос. — И я готов разделить с тобой и твою боль, и твою месть. Ибо за удар нужно платить ответным ударом, а за утрату — утратой».

Последние слова прозвучали столь убежденно, словно эта истина текла в его жилах, была впитана с первым его вдохом при рождении. И его убежденность стала той опорой, которая помогла мне не сломаться. Не надорваться под тяжестью осознания — Варлока больше нет.

Когда знаешь, ради чего будешь жить, ты живешь. Несмотря ни на что, вопреки всему.

— Отомстить. Да... Да, наверное, отомстить, — процедила я, чувствуя, как внутри меня с каждым словом, с каждым ударом сердца, с каждым вздохом крепнет уверенность, что я должна.

Встала. Шагнула из тени своего укрытия. Дракон, готовый простереть над моей головой крыло, убрал его, так и не расправив.

Развела в стороны ладони, на которых тут же вспыхнуло пламя. Дикое, свирепое, оно бешено вращалось двумя воронками. Я услышала грохот. Приглушенный, будто решила заговорить гора, изъявить свою волю обвалом. Он начался далеко, но с каждой секундой становился ближе, неумолимее.

Кольцо на моем пальце треснуло, чтобы в следующий миг превратиться в прах. Серая пыль стекла с пальца. А ведь оно было способно удержать силу не меньше «потока». Древний артефакт, стойивший Моррису целого состояния, обратился в пепел.

Вдалеке истошно зазвучал набат, оповещающая о пожаре. Город просыпался. Я чувствовала, как в воздухе закручиваются вихри страха и любопытства обывателей, отчаяния и злости — законников, гнева — дракона. Они, набирая силу и размах, воздушными змеями стремительно летели по проспектам, улицам, скверам и паркам. Чернильным туманом проникали в подвалы и на чердаки, в императорские опочивальни и в лачуги бедняков района Смогов.

Запахло окалиной, кровью и страданием. Земля содрогнулась, когда дракон ударил о брусчатку хвостом. Булыжники взлетели вверх веером осколков. Я стояла на мостовой, за моей спиной — дракон, а вокруг... Вокруг был хаос — спутник мести.

Раздробленный камень, осколки... все, что лежало рядом, начало медленно подниматься вверх, казалось, гравитация больше не имела власти. Ни над ними, ни надо мной.

Ноги медленно оторвались от земли, тело воспарило. Волосы, разметавшиеся по плечам, превратились в ореол. А внутри меня разрасталась пустота. Но она, в отличие от боли, просто наполняла меня, не стремилась раздавить.

«Так и должно быть, — прозвучал в голове голос дракона. — Но, во всяком случае, твое сердце будет биться. С болью потери, но будет. Ты подарила мне новую жизнь, а я тебе — ее смысл».

Я поняла жестокую мудрость ящера и приняла ее, готовясь завершить начатое.

Над головой закружили грифоны. В меня и дракона полетели пульсары и ледяные копыя, арканы тьмы и подчинения, выжигая ночную мглу, раскаляя воздух и насыщая его разрядами. Я ударила вверх. Не целясь, просто желая стереть с небосвода тех, кто убил Варлока. И не заметила, как маг, стоявший на земле, метнул в меня «копье Ироя» — запрещенное заклятие чудовищной силы, убивающее и тело, и душу. Видимо, чтобы я точно не вернулась мстить с того света.

Кинувший в меня заклятием был архимагом, не меньше. Воином — однозначно. Уверенная рука, точный бросок. И полупрозрачное острие, летевшее прямо в сердце.

Мысль-вспышка — в посмертии наши с Варом души не встретятся, потому что моей просто не будет, — мелькнула и погасла.

Я приготовилась умереть. Но, как и случается в любом важном и ответственном деле, совершаемом без подробного плана и подготовки, все пошло наперекосяк. Отойти мне в мир иной не позволила молния, сбившая копьё.

Заклинания столкнулись, зашипели, как две голодные гадюки, вцепившиеся друг другу в глотки.

Я и архимаг обернулись в ту сторону, откуда прилетел разряд. И в этот миг на груди вспыхнул рубиновым амулет, безо всяких слов говоря, кто запустил молнию, спасшую меня.

— Ваше высочество, какая неожиданная встреча. — Голос, знакомый до боли, раздался из темноты. — Не думал, что сам серый кардинал вмешается в это дело.

Варлок говорил, а между тем в его руке пылала сфера, переливаясь алым, белым и черным. И если красные языки пламени — огненный дар, льдистый — луч алхимика, то крошечная тьма... Меня осенила догадка: альв не умер, он каким-то образом сумел шагнуть в мир граней. А оттуда возвращаются либо с даром, либо не возвращаются вовсе. Но каждый маг бывает в нем лишь единожды. Те, кто пробовал войти второй раз, — погибали.

Иного объяснения произошедшему у меня просто не было.

— А я не подозревал, что первый паладин владыки станет шпионом... — прозвучало в ответ.

Только тут до меня дошло, что за архимаг запустил в меня копьем: третий, ненаследный принц, глава тайной канцелярии и один из сильнейших магов империи. А я-то думала, что глубже вляпаться было нельзя. Наи-и-ивная...

Плевков пламени в небеса прервал мои размышления и обмен любезностями альва и высочества: дракон сбил на подлете не в меру шустрого грифона с всадником. А затем ящер посмотрел на магов. И я готова была поклясться, что на его морде было написано выражение: «Продолжайте, продолжайте, прошу прощения, что перебил». Но поздно. Теперь уже дракон стал центром внимания. Немаленьким таким. Весом в пару тонн.

— Отставить! — разнесся окрест голос принца.

Ящер будто этого только и ждал. Его облик поплыл, подернулся дымкой, и перед нами предстал юноша. Он был выше меня, с черными волосами, заплетенными в длинную косу, и в странной одежде. Такой я ни разу не встречала.

— К сожалению, человеческой речью я владею лишь в этом облике, — были его первые слова. Правда, произношение... Ну да ладно, главное — все поняли. А ящер продолжил «непринужденную», демона ему в глотку, беседу: — Но сию ипостась я принял лишь для того, чтобы сказать: я убью любого, кто причинит вред моей сестре. — Его рука (к слову, тяжелая, зараза) легла мне на плечо. — И не только его, но и весь его род.

И тут я пожалела, что не скончалась. Причем несколько раз пожалела. За сегодняшнюю ночь я успела стать: невестой, пособницей государственного шпиона, сбежавшей преступницей, сестрой дракона, а теперь еще и причастной к возможной смерти всей императорской семьи. И все это — не нарочно и почти нечаянно.

Меня пронзил взгляд принца. Буквально пригвоздил не хуже арбалетного болта, пробившего навывлет. Варлок, взмыв в небо, приземлился рядом со мной, встав так, что в любой миг мог бы закрыть собой от принца.

Мы стояли вчетвером среди хаоса и разрухи. В окружении обломков стен домов, крошева стекол, щебня некогда булыжной мостовой. Где-то там, далеко, звучал истошный женский крик, которому вторил плач младенца. И еще тысячи встревоженных, испуганных голосов.

Невиновные.

— Не стоит множить смерти там, где можно дарить жизни. — Голос Варлока был спокойным. Но я уже знала, что за такой обманчивой невозмутимостью скрывается шторм. — Сейчас тот момент, когда либо начнется война, итог которой предугадать не сможет никто, либо... в наших силах ее не допустить.

Варлок был истинным воином, чтившим завет: выиграть можно лишь в той войне, которой удалось избежать. Как бы альв ни ненавидел императора и его службу разведки, как бы ни желал сейчас убить ненаследного принца...

В моей же душе klokотала лишь ненависть к тому, кто хотел воспользоваться слабостью соседа, посчитав, что жизнь моей матери — разменная монета.

— Я готов отдать жизнь за то, чтобы этого не произошло, — ответил принц.

— Я тоже, — в тон ему произнес альв и добавил: — Свою, но не ее.

— Невеста? — Высочество удивленно изогнул бровь, но лицо его осталось невозмутимым.

— Единственная, — холодно то ли возразил, то ли уточнил альв.

— Тогда мне стоит начать с извинений. Эйра... — Ненаследный принц сделал характерную паузу, дабы я назвала ему свое имя.

Но я не собиралась. Скорее меня подмывало не сказать, а показать. Жест из одного пальца. Но я сдержалась.

Маг это понял и с искренним покаянием в тоне, чтобы никто и помыслить не мог об издевке, продолжил:

— Уважаемая эйра, которая едва не смела своей силой целый квартал столицы, угнала с рыночной площади дракона, разнесла стену тюрьмы и едва не убила взвод жандармерии, я искренне прошу у вас и вашего нареченного прощения, что хотел пронзить вас заклинанием Ироя...

— Вообще-то тюрьму я разнес. И твоих жандармов — тоже я, — в точности скопировав интонацию и манеру разговора высочества, ответил Варлок.

Именно тут я и поняла: эти двое не просто знакомы, а преотлично знакомы. И счет на разрушенные стены и павших бойцов у них перевалил за добрый десяток. Потому что не могут просто случайно знакомые так хорошо знать повадки друг друга. Только верные враги.

— К тому же ты никогда не умел тонко язвить, Арнсгар.

Я уже была готова к тому, что высочество взбеленится и дипломатические переговоры

провалются, так и не успев начаться, как увидела, что губы принца тронула усмешка.

— Убить бы тебя, Вирмар, и вроде повод подходящий... Но, сдается, владыка Срединных земель этого так не оставит.

— Как и драконы, — раздался голос рядом со мной.

Я проглотила вопрос «какие драконы?», потому как пока лично я знала только одного. И подозревала, что мой названный «братик» — единственный и уникальный на весь мир. Но... высочество-то был не в курсе.

— Возможно, для переговоров мы выберем иное место? Скажем, императорский дворец. Клянусь жизнью и силой, вас никто не тронет. — И высочество уже собрался рассечь ладонь, скрепляя клятву кровью.

— Не стоит клясться тем, что вам не принадлежит, — вспомнила я слова обережника. — Ведь, полагаю, и ваша жизнь, и ваша сила отданы императору? Или вы не давали присяги?

Если бы принц Арнсгар умел сжигать взглядом, рядом с Варлоком уже была бы кучка золы. Но, увы, алхимики испепелялись плохо...

— Только не говори, что твоя единственная — демонесса. Лишь они умеют переиначить любой обет так, что начинаешь подозревать сам себя, — сказал, словно сплюнул от досады, принц. — И чем же мне клясться?

— Городом. — Я развела руки в стороны. — Каждым его жителем.

«И императорской семьей в том числе», — подумала я. Но вслух не сказала.

— Хор-р-рошо, эйр-р-ра, — злясь, согласился Арнсгар. Но прежде чем он произнес слова клятвы, я умудрилась внести в нее столько поправок, отступлений и ремарок, что по шкале «убью при первой же возможности» мы с Варлоком в глазах высочества примерно сравнялись.

Спустя несколько часов в имперской резиденции альв и ненаследный принц заключили-таки мир. Попутно выяснилось, что приказа на арест и пытки Вирмара Норвуда его высочество не давал. Следить? Да. Докладывать обо всех контактах? Непременно. Если найдет формулу — выкрасть во что бы то ни стало, но не убивать. Потому как на днях к альвам с дружеским визитом прибыла делегация имперцев для подписания пакта о ненападении. И не то чтобы наш правитель сомневался в гостеприимстве остроухих, но... Пока обеим сторонам был выгоден мир.

Вот только эйру Лейрину, начальнику следственного департамента, до межрасовых договоров дела не было. Им двигало иное — нажива. Шантаж целой расы — это вам не жалованье служащего. Пусть и должность у того не из последних.

— Мои люди давно под него копали, — с жесткой усмешкой подытожил принц. — Вот только Лейрин был скользким, как угорь в болотной воде. Так что я вынужден сказать тебе даже спасибо за то, что ты убрал его. — И он, сидя в кожаном кресле у камина, отсалютовал бокалом виски Варлоку.

Сам же альв стоял у окна кабинета и задумчиво смотрел на столицу.

— Может, ты мне еще и премию за его ликвидацию выпишешь? — иронично уточнил остроухий.

— С превеликой радостью. Если ты поступишь на имперскую службу, — тоном «как же я тебя ненавижу» ответил принц.

— Спасибо, роль двойного агента не для меня.

— Да для тебя и должность простого шпиона не очень-то, — не удержался Арнсгар.

— Не спорю... — согласился альв и неожиданно сменил тему: — И все же, как сам глава тайной канцелярии оказался в нужном месте и в нужное время?

— Когда в щепки разносят твою столицу — сложно не заметить, — убийственно серьезно ответил принц. — Ну и так, для проформы: не только за тобой, но и за Лейрином мои люди вели слежку. И когда он пошел ва-банк, арестовав тебя, чтобы выбить формулу...

— А мне интересно другое, — перебила я. — Почему этого не пытаетесь сделать вы? Ведь владеющий формулой способен поставить на колени целую расу.

— Может быть, потому, что болезнь не знает границ? — вопросом на вопрос ответил принц.

— Год назад, когда магистр Элроу вывел формулу эликсира, агенты империи пытались ее выкрасть. И уничтожили всю лабораторию. Тела алхимика после взрыва так и не нашли. Исчезли также все записи, — сухо, словно цитируя строчки отчета, произнес Варлок. И со сдерживаемой яростью добавил: — Вместе с тем взрывом исчезла и надежда спасти моего брата.

— Не отрицаю, мы хотели выкрасть формулу. И произошедший взрыв стал провалом и для нас.

— Провалом? — удивилась я.

— Да. Потому что болезнь мутировала. И в империи появились первые погибшие от нее.

В кабинете наступила тишина. Такая плотная, давящая, что ее можно было резать ножом.

— Теперь вы понимаете, что смерть Вирмара мне была невыгодна. Он был тем, кто способен найти утраченную формулу. И, судя по тому, что в моем кабинете присутствует живой дракон, ему это удалось.

Арнсгар не произнес: «Диктуйте ваши условия», но я услышала. Мы все услышали. Глава тайной канцелярии проиграл в войне шпионов и признавал это. А как политик и как дипломат понимал и другое: сколь бы он ни ненавидел своего врага, сколь бы ни желал убить его, ему нужен был живой Варлок, который знал формулу.

— Безопасность моей нареченной и ее семьи.

— Это все?

— Нет. Остальной список требований передадут альвийские дипломаты. Но в том, что Нари и семейству Росс ничего не угрожает, гарантии мне нужны прямо сейчас.

Я отчетливо услышала, как заскрипели зубы его высочества. Но требование альва он выполнил: подошел к столу и достал бумагу, готовясь написать приказ.

Дракон, за все это время не проронивший ни слова, лишь странно на меня посмотрел.

— Мне нужно на свежий воздух, где... — начала было я.

— Балкон там. — И принц кивком головы указал на смежную дверь.

— Я провожу свою сестру, — тут же поднялся с дивана дракон.

Варлок посмотрел на меня пристальным взглядом. Я чувствовала, что он хотел последовать за мной, но приказ о моей безопасности...

Я же грустно улыбнулась ночному городу, вдохнув бодрящий аромат ночи.

— Ты действительно хочешь этого? — раздался за моей спиной голос дракона. — Альвы не прощают предательства.

— Лекарство не должно быть оружием, — ответила я, не глядя на названного брата.

— Ну что же...

Дракон, разбежавшись, сиганул с балкона. А в следующий миг в воздух взмыл ящер. Я прыгнула следом и едва вцепилась в гребень на шее летуна, как почувствовала, что земля осталась где-то далеко внизу, а подо мной — лишь сильное тело ящера. Парусами хлопнули расправленные крылья, а ветер наотмашь ударил в лицо.

Базилика Всех Святых находилась на холме крутого берега Кейши. Более десяти веков храм стоял здесь. Его ныне белоснежные стены некогда выдерживали вражеский натиск.

Отличный чистый лист, на котором я оставила свою запись. Короткая формула реакции. Всего две строчки. И указание температуры, времени и катализатора — крови.

Из моей руки лилась тьма, а на белом остался узор из литер и символов. Четкий, пылающий

пламенем тьмы. Чтобы его стереть, понадобятся усилия магов. Не слабых магов. Но я сомневалась, что служители храма допустят их до «новой реликвии», которую я творила.

Через несколько часов магографии разойдутся по новостным листкам и умам. Станут ценностью, но притом — и общим достоянием. Довольно политических интриг и пролитой крови. Шантажа, жажды власти и наживы.

Вывела последний символ (схематичное изображение хроносов) и на миг задумалась. Если быть честной, то до конца. Вместе с зельем дракону досталась моя кровь. И я добавила к формуле изображение капли.

Обернулась. Вдалеке уже собралась толпа: стражи дворца, простые горожане и репортеры — куда же без них. Но никто не приближался. Дракон сумел одним своим видом доходчиво объяснить всем и каждому, что меня не стоит беспокоить.

Едва я закончила, как он полыхнул чернильной тьмой, которая заволокла все окрест. В этой мгле я и взбежала по крылу дракона. И когда тьма рассеялась, на белой стене осталась полыхать надпись. А мы с ящером были уже высоко в небе.

С названным братом я рассталась на рыночной площади у осиротевшего и до основания разрушенного фонтана. Простились без ложных обещаний и заверений. Он прошептал мне беззвучно, что будет рядом тогда, когда мне это понадобится, и взлетел.

А я осталась. Одна. Из воспоминания прошедшей ночи набатом звучали слова дракона: альвы не прощают предательства.

— Вар, ты мне этого не простишь, но я не могла иначе, — прошептала я утренней мгле, провожая взглядом точку на горизонте.

— Я знаю, что не могла. — Знакомые руки обняли меня со спины. — И я не мог поступить по-другому. Жизнь и сила Арнсгара принадлежит его государю, но и я давал клятву верности.

— Интересы родины и владыки превыше всего? — догадалась я, оборачиваясь.

Я оказалась в кольце его рук и чуть задрала голову. Чтобы видеть его глаза.

— Да. Я не мог просто так отдать собственность альвов имперцам. Этого не позволила бы клятва. Но ты... Ты могла. И сделала все правильно.

Что?! Значит, меня просчитали? Меня... просто использовал... архов шпион! Да как он... Стратег, демоны его за ногу!

Я не успела ничего не то что сказать, даже додумать. Он накрыл мои губы своими. Его ладонь скользнула на мой затылок. Поцелуй затягивал, как зыбучий горячий песок, становясь все настойчивее, крепче. Вар целовал так, словно в последний раз. Будто ждал, что я оттолкну его, попытаюсь вырваться. И ему нужно успеть, запомнить, вобрать как можно больше воспоминаний, запомнить навсегда мой вкус.

Я замерла в его объятиях. Мне не хотелось никуда бежать. Здесь и сейчас я принимала его целиком. Таким, какой он есть на самом деле. А потом ответила. Я чувствовала его тепло, его сильные руки, его запах, жар тела, язык, который завладел моим ртом.

Поцелуй. Нежный и яростный. Медовый, с горчинкой. Удивительный. Поцелуй моего мужчины. Того, которого я люблю. И другого мне не надо. Я плавилась в его руках, сходила с ума от нежности его губ.

Я едва осознавала, что мы взмыли в воздух и парим. Где-то в вышине, над городом. Мне было плевать. Главное — вместе. Главное — рядом. Живые. Свободные вопреки всему. Вместе. Здесь и сейчас мы вместе.

Мы целовались обжигающе, отчаянно, наконец поверив, что все позади.

Сердце стучало быстрее, кровь неслась по жилам, а вместе с ней и горячий, дурманящий шепот альва:

— Нари, я не железный...

Вместо ответа я прильнула к нему, открывая шею, обвивая руками.

Наш полет был недолгим и закончился на башне Семи магов. Несколько столетий назад это был маяк, чей свет служил путеводной нитью для летучих кораблей. Ныне же надобность в нем отпала. Но его оставили как символ столицы.

Мы стояли на верхней площадке, выше которой был лишь купол. Две стены, между которыми — сквозная арка. Здесь должны были гулять ветра, но их не было: наверняка древние маги постарались.

Под нами простиралась столица, которую несмело ласкали первые утренние лучи. Но нам с Варом было не до пейзажей. Я с трудом понимала, где я. Потому что тот, кого я люблю, был рядом.

Вар целовал меня, и от его губ, от ласковых настойчивых рук я пьянела и пьянила его сама. Мои пальцы скользнули вниз, под его рубашку. Мне было жизненно необходимо почувствовать его кожу, прикоснуться пальцами к обнаженной спине, услышать его стон.

Я не заметила, в какой момент моя одежда упала на пол и смешалась с одеждой Варлока.

Внутри разгоралось пламя. Грешное, дикое. Его рождали чувственные поцелуи и ласки. Они мучили меня, но это была сладкая мука.

— Я хочу тебя любить, — выдохнул он мне в губы, — долго и порочно, моя неистовая ведьма.

Его хриплый голос сводил с ума, заставляя выгибаться ему навстречу. В зеленых глазах полыхал неистовый жар, в котором сгорали последние страхи. Я хотела его, быть с ним. Только с ним.

Лучи солнца танцевали на наших обнаженных телах. Мы купались в них, неторопливых и почти целомудренных. Мы познавали друг друга на грани безумной страсти и нежности.

Альв осторожно опустил меня на камни, склонившись надо мной. Я не смогла сдержать стона, когда он поцеловал мой живот. Прикосновения губ. Все ниже и ниже. Они заставляли дрожать от предвкушения.

Из горла вырвался стон, когда я почувствовала его язык на внутренней поверхности бедра. Пальцы непроизвольно вцепились в его плечи. Воздух, рассветный воздух казался нестерпимо горячим, он обжигал горло, туманил разум. Перед глазами все плыло. Я была готова кричать и молить, чтобы он только не останавливался.

Его руки танцевали на моем теле. Его губы проложили дорожку поцелуев от бедра к груди. Я вскрикнула оттого, что Вар прикусил мой сосок, а потом тут же подул на него, дразня. Наши взгляды встретились. Его — голодный, жадный, сумасшедший. И мой — полный муки отчаяния.

Варлок чуть приподнялся и навис надо мной, упершись одной рукой в камень. Вторая его ладонь скользила по моей груди, животу, ниже. Еще ниже. Проникая между сведенных ног. Я дрожала от предвкушения, готовая закричать.

Его губы поймали еще не родившийся крик, язык вторгся в мой рот, прикосновения пальцев заставили выгнуть тело от прошившей его волны удовольствия.

— Ва-а-ар, — выдохнула я, потому что сдерживать стон было выше моих сил.

— Я хочу, чтобы ты сегодня кричала. Для меня...

Его хриплый голос — мой личный вид безумия, в котором я тонула, которого я жаждала. Сильное крепкое тело накрыло мое, и я обхватила его руками, чувствуя под своими пальцами сильные напряженные мышцы, горячую кожу в каплях пота.

Мои ноги на его ягодицах заставили альва потерять контроль. Он вжался в меня, медленно наполняя собой. Я чувствовала его плоть, принимала ее, раскрываясь навстречу. Ногти впились в загорелую спину, когда боль пронзила тело. И я закричала, закричала для него.

Толчки были все быстрее.

Он проникал в меня, заставляя забыть о боли, что превращает девушку в женщину, заставляя кричать и выгибаться ему навстречу. Больше не было неторопливого удовольствия. Лишь жажда, поглощавшая наши тела и души. Мы не могли насытиться друг другом, задыхаясь от своих ощущений, начиная свое падение в пропасть.

Остро. Дико. Необузданно. Меня накрыло волной эйфории от хриплого стога альва:

— На-а-ари...

Он опустился на меня, я ощущала грохот его сердца. Он вторил бешеному стуку моего. Я лежала на камнях. Уставшая, мокрая и счастливая.

А потом мир перевернулся, и я оказалась на груди альва. Его пальцы неспешно блуждали по моим бедрам, спине, а в глазах... В его глазах вновь разгоралось пламя.

— Ненасытный... — выдохнула я.

— Ты сводишь меня с ума...

Рассвет всюду целовал улицы, когда мы с Варом подошли к краю площадки маяка. Под нами простирался просыпающийся город.

— Нари. Обещай, что дождешься меня.

Я кивнула и обвила руками его шею. Альв подхватил меня, устремляясь в небо. А приземлились мы уже на пороге моего дома.

— Владыка требует меня с докладом. Брат...

— Я дождусь. — Приложила палец к его губам, не дав договорить.

— Держи, — произнес Вар, протягивая мне свиток с императорской печатью, — так мне будет хотя бы немного спокойнее.

Я взяла бумагу, и альв уже хотел взмыть в небо, когда я, вспомнив, крикнула:

— Подожди!

Вар остановился, обеспокоенно посмотрев на меня. И было с чего. Миг — и я заклинанием рассекла ладонь, которая тут же наполнилась кровью. Пасс другой руки — и алый шарик взмыл над раной, превращаясь в капсулу.

— Моя кровь — катализатор. Без нее эликсир бесполезен.

— Нари, — выдохнул Вар, осторожно беря зависшую в воздухе капсулу.

— Возвращайся скорее, — прошептала я.

Вар все же не выдержал и поцеловал меня на прощанье. Долго. Чтобы я точно помнила его губы все то время, пока жду.

Когда я перешагнула порог своего дома, первое, что услышала, облегченный выдох дяди Морриса:

— Живая...

Я молча его обняла. Дядя ничего не говорил, лишь гладил по голове. Кто-то еще подошел и обнял меня, и еще, и еще. Генри, Чейз, Тай, Матеуш... Моя семья.

— Нари, хочешь, я испеку торт, только успокойся. — Звонкий голос кухни заставил всех разом вздрогнуть.

— Ей надо успокоиться, а не упокоиться, — возразил Чейз и тут же получил затрещину от дяди.

Я улыбнулась.

— У меня есть кое-что лучше торта — приказ его императорского высочества, принца Арнсгара о вашей неприкосновенности.

— И какова же цена нашей тихой и спокойной жизни, заверенная та-а-акой подписью? — прозорливо поинтересовался дядя.

— Пара ярдов растроченных нервных клеток особы императорской крови, — усмехнулась я, вспомнив «переговоры» Варлока и принца.

Дядя несколько раз перечитал написанное. А я... Я поняла, насколько устала.

— Я, наверное, пойду посплю.

Меня ни о чем не спрашивали. И я была за это благодарна. Да, семейство Россов было беспутным, как говорили соседи, но то был мой дом. Мои родные, которые в трудную минуту всегда будут рядом.

Когда я оказалась в своей постели, то думала, что сразу же провалюсь в сон. Но сколько ни лежала, таращась в потолок, так и не могла сомкнуть глаз.

Воспоминания роились, мельтешили шустрыми муравьями, то и дело возвращаясь к Варлоку. Достала капельку-подвеску альва. Рядом с ней был мамин подарок. А что, если...

Капля крови из стянутой заклинанием раны упала на артефакт, и он медленно начал раскрываться. словно бутон розы. Лепесток за лепестком.

Это оказался дневник, в котором мамины заметки чередовались с научными вкладками. Вернее, сначала мамины. А потом лишь схемы, уравнения, расчеты. Не ее. Похоже, после ее смерти амулет работал как приемник, принимая и сохраняя посылаемую в него информацию. Запасной хран.

И как итог — та самая формула, почти идентичная той, которую я записала у Варлока в комнате. Вот только мы не учли одного — катализатора. Здесь была его подробная схема.

Я закусила губу: тогда почему же эликсир сработал? Неужели моя кровь? Подтверждение я нашла в записях мамы. В том самом дневнике из амулета.

Все началось с меня. Вернее, с того, что дочь двух великих алхимиков Эбигейл Элроу и Метьюса Элроу заболела. Станный недуг, от которого пальцы рук и ног стали превращаться в камень.

Они начали исследования, и спустя три года моя болезнь отступила. Но к тому времени разработкой заинтересовалась альвийская разведка. А вслед за ними — и агенты империи.

Когда два волка делят добычу, то рвут ее в клочья. Отец понял, что раз за дело взялась тайная канцелярия, то его семья в опасности. Он постарался спрятать нас как мог. Но нас все равно нашли, правда заполучить, что хотели, не смогли. Мама взорвала и себя, и лабораторию, и наемников.

Я могу лишь предполагать, что именно после этого отец стал сотрудничать с альвами. Возможно, даже не подозревая, что его дочь выжила. А я... Я стала первой излечившейся. И в моей крови оказался естественный катализатор: минимальная частица реагента — камешек, который породил лавину реакции, оживив дракона.

Я не заметила, как заснула.

ЭПИЛОГ

Столица бурлила. Новостные листки пестрели заголовками: «Из фонтана на рыночной площади угнали дракона», «Святая Себастьяна снизошла с небес, чтобы оставить послание», «Побег из тюрьмы или неисправное охранное заклинание?», «Последняя игра сезона по громобою, а у команды-лидера исчез капитан».

Тайная канцелярия быстро смогла утихомирить волнения, но гораздо тяжелее было успокоить разошедшихся репортеров. Те, почуяв сенсации, а значит, и гонорары, старались всю. Истории, похожие на правду и откровенно выдуманные, заполнили новостные листки.

Но эта шумиха обошла наш дом стороной. Фамилия Росс нигде не фигурировала. В отличие от Норвуд. Правда, род Вирмара не полоскали досужие сплетники. Зато имя Вира значилось в нескольких приказах.

Его высочество ясно дал понять, что своего верного врага видеть на территории империи не желает. Посему ректор был вынужден подписать приказ об отчислении адепта пятого курса факультета алхимии, прибывшего по обмену.

Я же, набравшись мужества, решила поговорить с Алекс, которая после случившегося не появлялась в университете. А когда пришла к ней домой, то увидела ее не в трауре, не разбитой, а... спокойной.

— Знаешь, Нари, я тебе не говорила. Никому не говорила... Но мой брат рвался к альвам не потому, что бредил их культурой. Хотя окружающие считали именно так. Нет. Просто только там отец не смог бы достать его. — Она сидела на диване, обхватив колени, и рассказывала впервые в жизни кому-то о том, что идеальная семья Лейрин была только фасадом.

Отца Алекс окружающие считали строгим, но справедливым. А на деле у эйра Лейрина случались вспышки неконтролируемого гнева. Особенно когда на работе были серьезные проблемы. И срывался он на домашних.

— Я лишь однажды испытала на себе его гнев, когда попала под горячую руку. Он, используя дар, стал ломать мне кости. Ломать и тут же сращивать. Ломать и сращивать... А брату доставалось гораздо больше. Но знаешь, что самое страшное? Мы не могли ничего никому сказать. И сейчас я должна носить траур и скорбеть, но я не могу. Я радуюсь. Радуюсь и боюсь, что на людях не смогу скрыть эту радость.

— Алекс. Я знаю, каково это — выдержать дар твоего отца, — вырвалось у меня тогда откровенное признание.

Мы просидели с Алекс до ночи, разговаривая обо всем. Даже о том, о чем раньше никогда не говорили.

На следующий день меня удивил магистр Мейнхаф. Он специально вызвал меня с занятия для разговора в свой кабинет. И начал с извинений.

— Эйра Найриша, я был не прав насчет вас. Абсолютно. Еще никогда я так не ошибался... Ни в вашем уровне дара, ни в глубине знаний... — Он протянул мне новостной листок.

Один из множества. На нем во всю полосу красовалась магография стены базилики с выжженной формулой.

— О чем вы? — Я попыталась сделать вид, что не имею к этому никакого отношения.

— О том, что у вас, при всей вашей нарочитой невзрачности, есть одна отличительная черта — почерк. Вернее, то, как вы пишете символ хронос в условиях реакции, когда злитесь.

Сказать, что я была поражена, значит промолчать. Громко и выразительно промолчать. По такой мелкой детали...

— И все же вы, магистр, ошиблись... — тоном «мне это вообще подкинули» возразила я.

— Эйра Росс, мне очень жаль, что я не увидел в вас того, что должен был... — печально сказал Мейнхаф. — Но знайте, хотя это сделали и не вы, — хитро, словно принимая мои условия игры, улыбнулся полутроль, — я считаю, что данная формула — прорыв в алхимии и лекарском деле, и тот, кто ее открыл, оставив свое имя в тени, не требуя славы и не ища выгоды, — истинный маг и ученый.

Он поклонился мне. Тролль со своим кодексом чести и благородства. Въедливый, дотошный, во многом — непреерекаемый. Он вызвал во мне невольное уважение тем, что сумел признать свою ошибку.

Я уже почти шагнула за дверь его кабинета, но внезапно остановилась и обернулась. Два часа назад я получила вежливый отказ от магистра Брендона То Морриса, у которого писала диплом. Дескать, по причине того, что мой соавтор отчислен, у меня не хватит дара для проведения экспериментов, связанных с кровью.

— Знаете, эйр Мейнхаф, — произнесла я, — кажется, в том уравнении ошибка. Почему все уверены, что в качестве катализатора использована капля драконьей крови?

— Возможно, потому что там начертан символ крови. А рядом в это время был дракон... — Магистр изогнул одну бровь, прекрасно понимая, что про драконью кровь — предположение ушлых репортеров, почему-то прочно осевшее в умах многих.

— Если опираться на такое предположение, то можно и всех драконов истребить...

«Которых в мире целая одна штука», — мысленно закончила я.

— К чему вы клоните? — прищурился Мейнхаф.

— Не согласитесь ли вы стать руководителем моего диплома?

— Думаете, стоит внести уточнения в катализатор? — без обиняков спросил преподаватель.

А я поняла одно: сработаемся. Ведь с теми, с кем мыслишь одинаково, даже спорить приятно. В то время как с остальными — не имеет смысла. А я хотела поспорить с одним рыжим троллем. Очень.

Варлок появился в университете накануне финальной игры сезона. Впервые — уловимый. Альв нашел способ, как обойти приказ главы тайной канцелярии: отчислили и депортировали по документам Вирмара Норвуда. А вот Варлок не был упомянут ни в одном из приказов. Этим-то и воспользовался остроухий. А ректор... У ректора все было в идеальном порядке, поскольку по табелям проходили два студента: Норвуд и собственно Варлок.

Не сказать чтобы Арнсгар совсем уж смолчал. Опуская эпитеты и цветастые выражения, которыми он награждал альва, суть его речи сводилась к следующему: только попробуй мне тут еще наштионить!

На финальной игре сезона его высочество был на трибунах. И не иначе как из вредности болел за команду противника. За что и поплатился разочарованием: наша команда выиграла кубок по громобою.

А Вар, держа его над головой, прокричал на весь стадион:

— Нари, ты станешь моей женой? — И, взмыв в небо, приземлился рядом со мной.

Никогда еще на меня не смотрело столько глаз. А я... Я хотела где-нибудь тихо и мирно прикопать одного альва. Но пришлось говорить «да». Потому как Вар, склонившись ко мне, прошептал: «Если не согласишься, мне придется перейти к порче. Порче твоей репутации в глазах дяди, чтобы он выдал тебя за меня». Представив реакцию Морриса на такое заявление, я нервно дернула глазом и сдалась. А потом меня одолели сомнения: а точно ли Варлок воин? Потому что действовал он как матерый дипломат, добивающийся заключения мира любой ценой, но на выгодных для него условиях.

О помолвке чемпиона по громобою и скромной студентки гудели все новостные листки. Поклонницы альва негодовали. Но ровно до того дня, когда я сделала доклад по научной работе, посвященной катализаторам крови. После нее они искренне жалели несчастного, которого угораздило влюбиться в магессу, одержимую наукой: ведь если женщина умнее мужчины, это же беда в семье! И предлагали Вару утешение на своей груди. Но альв утешаться не желал, а торопил меня со свадьбой.

А вот излечение больных детей альвов репортерами не освещалось. Хотя если бы они пронюхали — сенсация была бы на всю империю.

Первым выздоровевшим был брат Варлока. Его кровь, как излечившегося, послужила катализатором для еще нескольких больных. Но выздоровление шло медленно.

Универсальный же катализатор, над формулой которого мы работали вместе с Мейнхафом, позволил ускорить процесс исцеления многократно.

— Нари, церемония через два часа, — уже в третий раз за десять минут напомнил он из-за двери.

— Знаем! — хором ответили мы с Алекс.

— И вообще жених должен ждать свою невесту у алтаря, а не под дверью, — фыркнула подруга вдогонку.

— Обычную невесту. А Нари — моя нареченная. Кстати, я уже как-то однажды в ответственный момент оставил ее одну на пару минут. И что? Она успела угнать дракона, разнести квартал и чуть не умереть от копья Инора. Так что нет... второй раз я не куплюсь.

— Сказал маг, три раза прогулявшийся по миру граней и имевший там шикарные перспективы умереть... — не сдержалась я и тут же крикнула: — Ай!

Это Алекс, уперев пятаку мне в поясницу, посильнее затягивала шнуровку корсета.

Воспоминания о той ночи, когда Вар едва не умер, шагнув в грани, на миг окатили меня, словно стывшая вода из полыньи. Это лишь гораздо позже я узнала, что дар можно получить не единожды. Но удастся это одному из сотни. Тому, кто сможет выдержать груз еще одного дара, вместить его в себя и не умереть от дикой боли, когда новая сила теснила ту, что уже была у мага.

— Вы будете замечательной парой, если не убьете друг друга. — Слова Алекс, продолжавшей колдовать над корсетом, вернули меня на землю.

Я еще раз взвыла, проклиная все и всех. Демонова свадьба! Демонова дюжина гостей! Демонов букет невесты, который орал благим криком гимны о любви! Его я ненавидела отдельно, потому что узнала в цветочках тот самый куст, который некогда рос под моим окном.

— Это Стрела собрал для тебя! Специально! — Алекс, не подозревая о предыстории поющих роз, вручила мне цветы. — Сказал, что такого букета не держала еще ни одна невеста...

— А он, случайно, не сказал тебе, как его добыл?

Судя по тому, как покраснела подруга, грабили они оранжерею центрального храма вместе.

— Я тебе отомщу, — пообещала я. — Еще не знаю как, но точно.

А спустя два часа я забыла о своих планах вендетты. Потому что у алтаря, держа меня за руку, стоял Вар. В его ухе красовалось уже семь колечек. Последнее добавилось недавно. Оказалось, у альвов ордена вешают не на грудь, а вот так, вдевают в ухо.

Но сейчас я смотрела лишь в его зеленые глаза. И мне было глубоко плевать, что вокруг больше трех сотен гостей и столько же агентов разведки: глава тайной канцелярии просто не мог допустить, чтобы такое количество Норвудов (родственников жениха) находилось сразу в подведомственной ему империи и без должного контроля. Причем среди оных был и младший братец Варлока. Весьма похожий на старшего не только внешне, но и, подозреваю, характером. А еще — удачливостью: ему почти удалось разбить свадебный подарок дяди Морриса — статую Вира-Варлока.

К слову, на создание оной эйр Росс когда-то и уволок альва. И вот что странно: Вар тогда был под личиной скромного адепта-алхимика, но Моррис изваял его в боевых доспехах, без очков и хвостика волос — таким, каким и был Варлок.

Вот только скульптура была выполнена в излюбленной дядиной манере: она сначала пугала, а потом уже восхищала. Чем пугала? Хотя бы тем, что альв держал отрубленную руку, в которой был меч, вертикально рассекший голову и шею самого Вара ровно пополам.

Единственный, кто умилялся творению дяди, — ненаследный принц. Арнсгар лично присутствовал на свадьбе врага, дабы не пропустить такое важное событие. Ведь хороший враг, как и хороший друг, — его еще надо поискать.

Стоит ли говорить, что когда я кинула букет невесты, то его не смогли поймать ни загребушие руки незамужних девиц, ни ловчие арканы желающих выйти замуж магесс. Нет. Свадебный веник будто знал, кого именно надо облагодетельствовать, и со всего маху врезался в лоб ненаследного принца. К счастью, агенты тайной канцелярии не стали заносить в протоколы это событие как покушение на особу императорской крови.

Впрочем, как показало время, букет был знаком свыше для Арнсгара, что судьба еще не раз подкинет ему сюрпризы от четы Норвуд. Чего только стоили для империи четверо юных магов, которым природа щедро отмерила маминой вредности и отцовского упрямства.

Варлок, так ждавший первенца, вкусил все радости отцовства в тройном размере. И как-то даже признался, что быть первым паладином владыки, да что там, даже преподавателем академии магии куда проще, чем отцом трех близнецов-полуальвов.

Вторую мою беременность он уже мечтал о девочке куда более осторожно и тихо. И хотя на свет появилась всего одна дочка, но шустрости у нее было на четверых. Именно она, а не тройняшки как-то едва не разнесла башню Семи магов. А ведь та выдержала пять межрасовых войн!

Но это все было после. А пока... Пока у алтаря Вар держал меня за руку.

Я улыбалась ему, точно зная: любовь способна сотворить любое чудо. И не только спасти тысячелетнего дракона, но и из боевого мага-альва сделать неплохого алхимика.

Примечания

1

Госпожа Лейрин? Мое имя Вирмар Норвуд, или Вир.

2

На чай.

Бриталь — городок.

Мажата — дети, способные в будущем принять магический дар.

